

I 811761

**СЕРГЕЙ
ОРЛОВ**

**БЕЛЫЕ
ОЗЕРА**

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

БЕЛОЕ ОЗЕРО

СТИХИ И ПОЭМЫ

Художник
В. НОСКОВ

Орлов С. С.

0-66 Белое озеро. Стихи и поэмы. М.,
«Современник», 1975.

653 с. с пласт. (Б-ка поэзии «Россия»).

Герои стихотворений и поэм, составивших эту книгу, — люди труда и боевого подвига

Гражданственность поэзии С. Орлова проявляется не только в утверждении мужества людей, но и в той непримиримости, с какой поэт борется с равнодушным черствостью пережитками прошлого.

0 70402 — 114 116—75
М106(03)—75

Р2

И НА РАССТОЯНИИ ПАМЯТИ.

Сергей Орлов начал войну в самом ее разгаре в войсках броневого щита и тарана, то есть — весь в железе и весь на виду: танк, он, хоть и пластун по сути, а вещь все ж таки видная. Особенно, когда ровно — ни бугорка тебе, ни тени под огнем — как скажем, под той же станцией Мгой, что невдалеке от Ленинграда. Ровно и топко... И жарко! Очень жарко! Особенно, когда танки сходились в рукопашной. Да, да, именно в рукопашной. И именно танки! Таков был железный характер войны. Сходились, как раньше сходилась пехота — штык в штык, как схлестывалась кавалерия — клинок в клинок... А тут — танки! Лоб в лоб, огонь в огонь — священный, наш, и тот, вероломный.

И где-то там, у станции Мги, в 43-м, — а теперь уже на расстоянии памяти! — шел тяжелый КВ лейтенанта Орлова. Еще не Сергея, нет, а того самого Сережи, сельского десятиклассника с Белого озера, который совсем недавно и поцеловаться-то стеснялся, и вот уже — лейтенант, командир железа, рудного и сердечного... И вот она, смотровая щель, через всю, можно сказать, Европу — от станции Мги до Новгорода, от Новгорода к Висле и за Вислу, туда — на Берлин, к Победе. И вот они — стихи, тогда еще не написанные, но уже выстраданные.

Жизнь прошла с тех пор,
Не просто годы.
А за ней, там, где огни встают,
В сполохах январской непогоды,
Возле самой смерти на краю,
Скинув молча полушубок в стужу,
Лейтенант в неполных двадцать лет,
Я ремень затягиваю туже
И сую под ватник пистолет.
Больше ничего со мною нету,
Только вся Россия за спиной
В свете догорающей ракеты
Над железной башней ледяной...

.

А земля огромна, фронт безмерен,
Лейтенант — песчинка средь огня.
Как он там в огне ревущем верит
В мирного, далекого меня!

Как тут все далеко и близко, близко и далеко. И как бы два Орлова. Один Орлов — лейтенант, почти мальчишка, и другой Орлов — уже взрослый, сегодняшний, мирный. Он вглядывается в свое лицо, как в колодец пережитого, и такое впечатление — не столько видит себя, не свое лицо в глубине, а лицо своего товарища-однополчанина, возможно даже и погибшего. И это — не литературный прием, нет. Это — свойство характера советского человека вообще и Орлова в частности: вроде бы о себе, а на самом деле о многих. И эта отстраненность дает невероятную вспышку обобщения. И не только в стихах о себе, но и в стихах такого плана, как

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.

И опять: вроде бы об одном, а на самом деле — о многих. И опять сказано высоко, объемно, а в то же время очень и очень лично. Для себя лично и для других. Всенародно сказано. А дальше народа, дальше его памяти ничего нет.

И вот другое стихотворение — про лесную кукушку. Простенькое оно какое-то, а вот щемит, щемит на ветру времени, как та былинка под дождем у того мраморного обелиска, выше которого лишь одна звезда... А может быть, в душе у нас щемит? Щемит, щемит... Покою не дает.

А было это в прифронтовом лесу, может, за пять минут до атаки, когда каждый нерв, как шильце — вперед. И вдруг закуковала кукушка! И тот, кто ее услышал, — а слышали ее многие — на какое-то мгновение стал до невероятности мирным, как тогда, дома, в лесу... И каждый про себя считал: сколько она ему накуковала. Накуковала много, а из отделения остался в живых лишь один.

Но думал каждый: «Доживу, возможно,
Не всех людей хоронят на войне».

И эти двадцать лет в лесу тревожном
Накуковала птица только мне.

Заметьте: всего лишь птица, а не та чародейка-кукушка!

Весь строй стихотворения отличен от стихотворения Твардовского «Я убит подо Ржевом», и все ж таки нервный корешок у них — один. И былинка все та же — щемит и щемит. Вот уже тридцать лет, как прошла война, — а щемит. Она, что оселок, — для остроты чувства, для глубины мысли. А глубина пережитого равна высоте надежды, мечты. И так — через все многомерное творчество Сергея Орлова, через все его книги от первого сборничка стихов до избранного, в котором каждый раздел — не просто, а раздел-перекат, как на северной ключевой реке. И вся эта река — родниковая, чистая — полнит собой Белое озеро, озеро реальное и символическое, озеро любви поэта, его веры и надежды. И что еще немаловажно, озеро настоящей поэзии.

Егор ИСАЕВ

РОДИНА

Россия — Родина моя,
Холмы, дубравы и долины,
Грома морей и плеск ручья,
Прими, Россия, слово сына!

Ты стала всем в моей судьбе,
А мне за жизнь свою, признаться,
Как к матери, в любви к тебе
Не доводилось объясняться.

Я только помню черный пал
И полк коленопреклоненный,
Когда он клятвой отвечал
В беде на твой призыв священный.

Я только помню тех ребят —
Безусых, синеглазых, русых,
Что под звездой фанерной спят
В лесах у Мги и Старой Руссы.

Россия — Родина моя!
Есть на земле края иные,
Где шум лесов и звон ручья
Почти такие ж, как в России.

Но небу одному равна
Над головой своей по шири,
Ты первой названа, страна,
Надеждой мира в целом мире.

Россия — Родина моя!
Цвет знамени, цвет ржи, цвет неба
В них слава древняя твоя
Взлетает с новою на гребень...

В густой траве осколки звезд.
Средь утренней червленой сини
Огонь рябин и снег берез,
Плотин бетонные твердыни...

Я гением горжусь твоим,
Что с правдою навек сроднился.
И ты славна уж тем одним,
Что Ленин у тебя родился.
Что всем народам ты своя,
Россия — Родина моя!

МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ

А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.

Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли...
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы всё сложили в жизни, что могли.

Как самое великое творенье
Пойдет в века, переживет века
Информбюро скупое сообщение
О путь-дороге нашего полка...

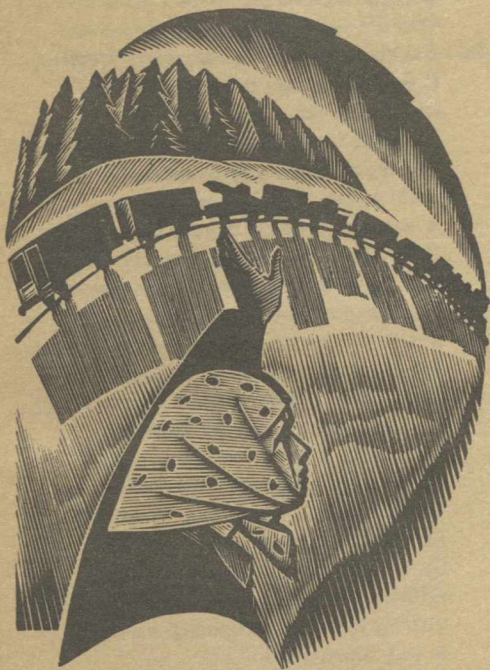
Руками, огрубевшими от стали,
Писать стихи, сжимая карандаш.
Солдаты спят — они за день устали,
Храпит прокуренный насквозь блиндаж.
Под потолком коптилка замирает,
Трещат в печурке мокрые дрова..
Когда-нибудь потомок прочитает
Корявые, но жаркие слова
И задохнется от густого дыма,
От воздуха, которым я дышал,
От ярости ветров неповторимых,
Которые сбивают наповал.
И, не выдавший горя и печали,
Огнем не прокаленный, как кузнец,
Он предкам позавидует едва ли,
Услышав, как в стихах поет свинец,
Как дымом пахнет все стихотворенье,
Как хочется перед атакой жить..
И он простит мне в рифме прегрешенье..
Он этого не сможет не простить.

Пускай в сторонку удалится критик:
Поэтика здесь вовсе не при чем.
Я, может быть, какой-нибудь эпитет —
И тот нашел в воронке под огнем.

Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаянная тоска...
Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках...

МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ

Как давно я не ходил в атаку!
Жизнь моя идет в тепле, в тиши.
Где-то без меня встают по знаку
В бой с позиций сердца и души.
Нет, они не стерлись, как окопы
На опушке леса зоревой,
Но давно уж к ним пути и тропы
Заросли житейской муравой.
Жизнь прошла с тех пор,
Не просто годы.
А за ней, там, где огни встают,
В сполохах январской непогоды,
Возле самой смерти на краю,
Скинув молча полущубок в стужу,
Лейтенант в неполных двадцать лет,
Я ремень затягиваю гуже
И сую под ватник пистолет.
Больше ничего со мною нету,
Только вся Россия за спиной
В свете догорающей ракеты
Над железной башней ледяной
Вот сейчас я брошу сигарету,
Люк задраю, в перископ взгляну
Через окуляры на полсвета
И пойду заканчивать войну.
Я ее прикончу вместе с дотом,
Ближним и другим, в конце пути.
На краю земли.
Бело болото.

811761

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Только бы его сейчас пройти.
Страшно ли? А как же, очень просто:
С ревом треснет черная броня,
И в глаза поток упрется жесткий
Белого кипящего огня.
Только что в сравнении с Россией
Жизнь моя?
Она бы лишь была,
С ливнями, с мальчишками босыми,
С башнями из стали и стекла.
Далеко-далёко, чертыхаясь,
Черный танк ползет, как жук, в снегу,
Далеко-далёко, чертыхаясь,
Лейтенант стреляет по врагу.
А земля огромна, фронт безмерен,
Лейтенант — песчинка средь огня.
Как он там в огне ревушем верит
В мирного, далекого меня!
Я живу в тиши, одетый, сытый,
В теплом учреждении служу.
Лейтенант рискует быть убитым.
Я — из риска слова не скажу.
Бой идет. Кончаются снаряды.
Лейтенант выходит на таран.
Я — не лезу в спор, где драться надо.
Не простит меня мой лейтенант!
Он не хочет верить в поговорку —
«Жизнь прожить — не поле перейти».
Там друзья, там поровну махорка, —
Я ему завидую почти.
Надо встать, и скинуть полушубок,
И нащупать дырки на ремне.
Встать, пока еще не смолкли трубы
В сердце, как в далекой стороне.
Далеко не все добиты доты.
Время хлещет тяжело, люто, зло,

Только бы сейчас пройти болото,
Вот оно лежит, белым бело.
Ох, как трудно сигарету бросить,
Глянуть в окуляры лет — и в путь!
Я один. Уже подходит осень.
Может, он поможет как-нибудь?
Добрый, как Иванушка из сказки,
Беспощадный, словно сам Марат,
Мой судья, прямой и беспристрастный,
Гвардии товарищ лейтенант.

Как на родине? Осень,
В скирдах рожь на полях,
По-над золотом просек
Журавли в облаках.

Где родные равнины,
Милый с детства простор,
Знамя алой рябины
Вынес ввысь косогор.

Ей гореть не сгорая,
Ярче алой зари.
По зиме прилетают
На нее снегири.

Скажет каждый прохожий,
Стороны моей гость:
До чего же похожи
На багряную гроздь.

В крепких валенках русских
Он пройдет на виду,
И снежок, как капуста,
Захрустит на ходу.

Только мне-то не скоро,
Обойдя все пути,
По родимым просторам
Летким шагом пройти.

Край любимый в тревоге,
Слезы в тихом доме,
Заплутали дороги,
Дали в рыжем дыму.

По-над дымной долиной
На рябины взгляну.
Как знамена, рябины
Нас зовут на войну.

ОСЕНЬ

Широким журавлиным клином
Последний выбит летний день.
Погреться у костров рябины
Сошлись избушки деревень.

Тоска, дожди, туман и слякоть.
Глубокой осени пора...
Как будто мир сошлись оплакать
Кричащие в полях ветра.

Над красноватым эшелоном
Дымки — прощальные платки...
Мелькают в глубине вагонов
Шинели серые, штыки...

Под ветром шелестит березник,
Ему последний лист ронять...
И женщина у переезда —
Солдатская, должно быть, мать —

На поезд смотрит без движенья.
Подняв ко рту конец платка.
В глазах ее — благословенье
И древняя, как мир, тоска...

Ой вы, дороги верстовые
И деревеньки по холмам!
Не ты ли это, мать Россия,
Глядишь вослед своим сынам?

В ЗЕМЛЯНКЕ

Что ж молчишь ты, товарищ бедовый,
И задумчиво смотришь в огонь?
Лучше с песней в землянке сосновой
Разверни на колене гармонь.

Отгремят как тяжелые грозы,
Беспокойные эти года,
И к родным белозерским березам
Нас еще унесут поезда.

Там родные просторы безбрежны,
И летит над просторами прочь
Ветер Ладоги, ветер с Онежья
До Архангельска, в белую ночь.

Нам ли хмуриться грустью безвестной?
Как-нибудь проживем, ничего...
Здравствуй, тихая, светлая песня,
С говорком вологодским на «о»!

Есть на Шексне далекой
Просторная изба,
Под крышей невысокой
Причудлива резьба.

А за лесами где-то —
Огни со всех сторон,
С заката до рассвета
Дерется батальон...

Идут «тридцатьчетверки»,
Сквозь синеватый дым.
Орудия с пригорка
Плюют огнем по ним...

Не вскрикнет враг подмятый,
В дыму, в земле, в крови,
Когда кричат ребята
Водителю: «Дави!»

Он все сомнет и вспашет,
И скажет в микрофон:
«Порядок в части нашей
Повсюду быть должен».

Он и мамаше тоже
Напишет: «Жив, здоров,
В порядке всё. Сережа,
Твой сын»... Всего семь слов.

А на привале ночью
Как вспомнит, загрустит...
Знакомый домик отчий,
Далекие пути.

Старушку, мать родную.
Зеленую Шексну,
Березку золотую,
Родную сторону...

Ой, не легка дорога
К родной реке Шексне.
В походах да тревогах,
В снегах, в дыму, в огне!

Лежит перед солдатом
На запад горевой
Сквозь смерть и дым кудлатый,
Через трехсотый бой.

Он все пройдет: сквозь воды.
Огни, сквозь всю войну,
Вернется из похода
На светлую Шексну.

В танке холодно и тесно.
Сыплет в щели снег-пурга.
Ходит в танке тесном песня
Возле самого врага.

Крутит мерзлыми руками
Ручки круглые радист.
Из Москвы, должно быть, самой
Звуки песни донеслись —

Через свист и вой снарядов,
Через верст несчетных тьму.
В песне той живет отрада
Во высоком терему...

Хороша та сказка-песня,
Но взгрустнул водитель наш:
«К милой я ходил на Невский,
На шестой, друзья, этаж...
И пока гремят снаряды,
Горизонт за Мгой в дыму,
В Ленинград к моей отраде
Нету ходу никому...

Вот пойдем, прорвем блокаду,
Нуть откроем в город наш. —
Закачусь к своей отраде
На шестой, друзья, этаж!»

**А певец поет, выводит,
Так и хлещет по сердцам..
К ней никто не загородит
Путь-дорогу молодца!**

ИРЛАНДСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

В землянке патефон поет
Застольную баском,
Окопный слушает народ,
Собравшись за столом,

Издаലെка в края войны
Пришла печаль сюда...
Поет сынам чужой страны,
И скорбна и горда...

Поет подряд который раз —
Уже не сосчитать:
«Миледи смерть, мы просим вас
За дверью подождать...»

Шипит и молкнет черный диск,
Гремит война вокруг.
За дверью слышен мины визг
И в дверь — осколков стук.

Но тут же кто-то встал из нас
И начал напевать:
«Миледи смерть, мы просим вас
За дверью подождать!..»

КОСТЕР

В перелеске давно рассвело,
Мы костер разложили с утра.
Хорошо нам сидеть у костра,
Забирая горстями тепло.

Это очень похоже на дом,
Можно, сидя на хвое, вздремнуть...
И танкист задремал над огнем,
Улыбаясь устало, чуть-чуть.

Он сидел на разбитой сосне,
Улыбаясь сквозь пламя костра...
Знать, привиделась парню во сне
Золотистого лета пора;

Дом знакомый, тропинка к нему.
В палисаде рябина да клен,
И девчонка как песня в дому —
Та, в которую парень влюблен...

Но сигнал пролетел над леском:
Звали нас боевые пути...
И поднялся уже над огнем
Паренек, воротник опустив.

Он спросил, как обычно: «Пора?»
Под ногами взметнулась зола,
И к машине ушел от костра,
Зачерпнув на дорогу тепла...

НА НОЧЛЕГЕ

День короткий, путь далекий,
А над домиком дымок.
Мы к хозяйке черноокой
Забрели на огонек.

Самовар золотозубый,
И медали на груди...
«Скидывай, ребята, шубы.
В красный угол проходи!

Ты прости нас, молодая,
Мы к тебе — как в дом к себе.
Может, взвод располагает
Твой мужик в моей избе...»

Матери Елизаветы Яковлевны

Погадай мне в этот вечер,
Нагадай червонный дом,
С незнакомой дамой встречу,
В брюках, в ватнике, с ремнем.
Может, с картами согласно,
В чаще рыжей, в тьме ночной
Огонек забрезжит ясный,
Словно в сказке, предо мной.

И скажу я: «Стань избушка,
Передом... Наедине
Не тебя ли мать-старушка
Нагадала в карты мне?»
Хорошо в лесной землянке
Салоги у печки снять,
Стукнуть, так сказать, по банке,
Завалиться на ночь спать.

Но вокруг лишь тьма ночная.
Дождь стекает по броне,
Да «Калугу» вызывает
Мой стрелок-радист во сне...
«Ни огня, ни темной хаты»
В карты старенькие, знать,
Нам, неверящим солдатам,
Мать не сможет нагадать...

ЗЕМЛЯНКА

Осточертелая землянка,
Знакомо все наперечет:
Солдат усталых перебранка,
Песок за шиворот течет.

У входа стукнешься затылком
О слишком низкий потолок,
Дымят печурка и коптилка,
На бревнах сажи на вершок.

Рубахи сияв и гимнастерки,
Дружки над печкой их трясут,
Портянок запах и махорки —
Знакомый фронтовой уют.

Но и такой он нам, бывает,
Когда грохочет долгий бой,
Покажется солдатским раем,
Поэта золотой мечтой.

О СЧАСТЬЕ

Сейчас бы закурить одну
На экипаж на весь сигарку,
По очереди дым тянуть.
Чтоб губы обжигало жарко.

Потом разуться у костра
И просушить свои портянки,
Потом забраться до утра
И дрыхнуть на сиденье в танке.

А утром с кашей из полка
Из дома принесли б открытку...
Для счастья мне всего пока
Довольно этого с избытком.

Через края сосновых станций,
Спокойных рек, седых берез
Невидимую нить пространства
Мотал локтями паровоз,

Чтоб на безвестном перегоне,
Где дали синие легки,
Встал семафор на снежном склоне.
Урал открыв из-под руки.

ПЕСНЯ О КОЧЕГАРЕ

Мы себе ее переложили —
Песенку, в которой моряки
В море кочегара хоронили.
А у нас ни моря, ни реки...
Нет у кочегара, но механик
Рычагов не в силах удержать.
От него напрасно ждет в Рязани
Писем озабоченная мать...
Песню мы певали вечерами —
На рассвете снова жаркий бой.
Знали мы:
Кого-то между нами
Ждет напрасно мать к себе домой.
Потому и пелось нам особо:
Может, про себя ее поешь,
Может быть, в брезентик вместо гроба
Друга завтра в полдень завернешь...
Но хотелось очень, чтобы стало
Все не так, чтоб мать-старушка нас
Все-таки с войны домой дождалась.

Песня, песня, где друзья сейчас?..

ЭТО БЫЛО 19 МАРТА 1943 ГОДА

Над Ладогою шла весна.
Был март. И снег ложился мокрый
На сосны мачтовые, на
Весь приозерный дикий округ.

С пяти до десяти была
Артподготовка. Сосны срезав,
Передний край врага мела
Гроза огнем, свинцом, железом...

Сигнал атаки прозвучал
Открытым текстом в шлемофонах,
И лес разверзся, зарычал
И двинул вдаль слонов по склонам.

Белы, приземисты и злы,
Они полезли на высоты,
Ломая тяжкие стволы,
И вслед за ними шла пехота.

Так высота взята была.
И вылез командир из башни,
Взглянул — сожженная дотла,
Земля лежала правдой страшной...

На ней святая кровь друзей.
И командир, смежив ресницы,
Подумал горько, что на ней
И колос, может, не родится.

КАРБУСЕЛЬ

*Памяти товарищей,
погибших под Карбуселью*

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звезды зажглись...
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

Из таежной Сибири, из дальних земель
Их послал в этот край народ,
Чтобы взять у врага в боях Карбусель
Средь глухих ленинградских болот.

А была эта самая Карбусель —
Клок снарядами взбитой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли...

А в Сибири в селах кричат петухи,
Кедрачи за селом шумят...
В золотой тайге на зимовьях глухих
Красно-бурые зори спят.

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым вслед не бродить.
В ленинградскую землю зарыли их,
Ну, а им еще б жить да жить!..

Прогремели орудия слово свое,
Иней белый на башни сел.
Триста метров они не дошли до нее...
Завтра мы возьмем Карбусель!

Кузнечики стучат в траве,
Как танки вдалеке.
Молчат тяжелые КВ
В густом березняке.

В высоком небе белый след
Как тропка через лес...
Зенитки самолету вслед
Пятнают свод небес.

Шум на дороге фронтовой.
Стучит она, гремит...
Регулировщик под сосной.
Как стрелочник, стоит.

Поднимет флаг — и путь открыт!
Другой поднимет — стой!
Пылит, сверкает и гремит
Денечек фронтовой.

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

За нами где-то по дорогам тыла
Шли танки и машины по ночам.
Пехота, растянувшись, подходила
И молча рассыпалась по лесам.
А здесь в окопах, на переднем крае,
Была такая всюду тишина.
Казалось нам, оглохшая, слепая,
Устав от шума, спать легла война.
На солнцепеке улеглась на бруствер,
На срезанную минами траву...
Солдаты брились, пели песни грустно,
Писали письма в Киров и Москву.
Нас все же — необычная, большая —
Тревожила знакомостью она.
Пока мы не припомнили: бывает
Перед грозой такая тишина...

ОТДЫХ

Качаясь от усталости, из боя
Мы вышли и ступили на траву
И неправдоподобно голубое
Вдруг небо увидали наяву.

Трава была зеленой и прохладной,
Кузнечик в ней кощунственно звенел,
А где-то еще ухали снаряды,
И «мессершмитт» пронзительно гудел.

Так, значит, нам на сутки отпустили
Зеленых трав и синей тишины.
Чтоб мы помылись, бороды побрили
И посмотрели за неделю сны.

Они пройдут по травам, невесомы,
Пройдут и сядут около солдат,
О мирном крае, о родимом доме
Напомнят и в тиши поговорят.

Мне тоже обязательно приснится
Затерянный в просторах городок,
И домик, и, как в песне говорится,
На девичьем окошке огонек.

И взор твой незабвенный и лукавый,
Взор любящий навек моей судьбы...
Танкисты спят, как запорожцы, в травы
Закинув шлемы, разметаив чубы...

Ходят тучи сизые до влости,
Дождик начинается вдали.
На болотах в теплый край, как в гости,
Стаи собирают журавли.

Вся в крови над речкою рябина,
Все березки тонкие в бинтах.
Как кабан, тяжелая машина
В землю врылась в реденьких кустах.

Гром приходит, ударяя оземь,
Из-под ног его летит земля.
Наступает фронтовая осень
На родных израненных полях.

ПЕСЕНКА

Нам не страшно умирать,
Только мало сделано,
Только жаль старушку мать
Да березку белую!

Что не сделал, то друзья
За меня доделают.
Расцветет, где лягу я,
Цвет-березка белая.

Только кто утешит мать
В день, когда долинная
Будет Русь сынов встречать, --
Кто заменит сына ей?

Кто откроет, как всегда,
В дом к ней дверь широкую?
Кто обнимет мать тогда,
В праздник, одинокую?

ПЫЛЬ

Песок горячий на зубах,
Пыль на траве и тяжесть зноя,
И невысокий куст зачах
От пыли каменного слоя.

Всё по краям пути в пыли,
Дорога сбита до обочин.
Нет, не века по ней прошли,
А только две военных ночи.

Ночь бела, закат идет в рассвет.
Отсвет звезд на башнях громобойных
Из далекой тьмы прошедших лет
Светит нам через года и войны.
Он снял, быть может, тем войскам
Боевым на поле Куликовом,
По шеломам и стальным щитам,
За Непрядвой, от зари багровой.
Может, где-нибудь зажглась звезда,
Свет ее идет из дымной дали
И дойдет к земле через года.
На какой он засияет стали?..

СМОТРОВАЯ ЩЕЛЬ

В машине мрак и теснота.
Водитель в рычаги вцепился...
День, словно узкая черта,
Сквозь щель едва-едва пробился.

От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.

А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

КУКУШКА

Кукушка куковала на рассвете,
А лесом шла железная страда...
Мы знали, многим жизнь на белом свете
Уже не исчислялась на года.

Но все-таки кукушку мы спросили, —
В приметы верят люди на войне, —
И вот по двадцать лет провозгласила
Нам здравствовать кукушка в тишине.

И про себя подумали солдаты:
«Когда наступят тишь и мир кругом,
Мы, может, до годов шестидесятих
По предсказанью птицы доживем».

Но вслух никто не вымолвил про это,
Шли молча, пригибая краснотал...
«Какая все же глупая примета», —
Один из нас насмешливо сказал.

Но думал каждый: «Доживу, возможно,
Не всех людей хоронят на войне,
И эти двадцать лет в лесу тревожном
Накуковала птица только мне».

СТИХИ О ПЕРЕПРАВЕ

I

Он первый встал на берегу крутом.
Хотелось берег целовать, но сразу
Он лет за рыжеватым бугорком
И бил из пулемета без отказа...

Когда же холодеющая кровь
Окрасила желтеющие травы.
Он увидал, подняв устало бровь,
Как тысячи пошли на берег правый...

Разбиты взрывом гордые мосты,
Стальные фермы под водой ржавеют,
И лишь быки угрюмо с высоты
Глядятся в Днепр, над волнами темнея.
Где яркие ракетные огни,
Где день и ночь грохочет берег правый,
Навеки берега соединив,
Легла на Днепр широкий переправа.

Настил дощатый, сбитый топором,
Перила невысокие шершавы...
Ее зовут торжественно мостом
Строители суровые по праву...

Да, не легко из камня класть быки,
Стальные фермы возносить над ними,
Чтоб поезда через простор реки
Летели по мостам в огне и дыме.

Но этот мостик, шаткий и простой,
Где ЗИС едва ли пробежать сумеет,
Построить было ночью огневой
В сто тысяч раз, пожалуй, тяжелее!

ДРУЖБА

Ее начало — в танке тесном,
Где все делилось пополам,
Как черный хлеб, вино и песни,
Необходимые бойцам.
О ней, негромкой и суровой,
В огне проверенной стократ
И освященной алой кровью,
Солдаты вслух не говорят.
Ей клятв о верности не нужно.
Она, такая, выше их.
Солдатская простая дружба —
Как папироса на двоих...

Песня — что-то вроде костра,
Золотому огню сестра...

Соберет она на привале
В тесный круг на лугу солдат
И, подвластная запевале,
Грянет в небо, гармонии в лад.

Вот солдаты идут на песню,
Как на светлый огонь костра...
Никому у нее не тесно
И не холодно до утра.

Отогрели сердца, как руки,
И легко нам и хорошо...
Пусть четыре года разлуки —
Мы, друзья, подождем еще.

Пусть греметь на пути пожарам
И смертям не стихать... Пройдем!
Ведь поется в песне недаром
О хорошей встрече потом...

НА МАРШЕ

Пыль позади на сотни метров,
Песок скрипучий на зубах,
Машины дышат жарким ветром,
И рычаги горят в руках.

Прилечь бы на траве сожженной,
Хоть на обочине, в пыли,
Уснуть, не сияв комбинезона,
Из рта не выплюнув земли...

А мы спешим, спешим на запад.
Как будто там, где пушки бьют,
Прохлады тополиный запах
И долгий отдых выдают...

Ревут моторы на подъемах,
Дрожит, покачиваясь, лес...
Идут машины, словно громы,
Сошедшие с крутых небес.

Колышется под ними лето,
От ветра клонятся кусты...
И молнии лежат в кассетах,
Из меди звонкой отлиты!

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде

Проверь мотор и люк открой:
Пусть машина остывает.
Мы всё перенесем с тобой:
Мы люди, а она стальная...

Тополь встанет молодой,
Рожь взойдет над головой,
Журавли перо обронят,
Вдаль летя своей тропой.
Будут лить дожди косые,
Будут петь снега...

Будет жить твоя Россия
Всем назло врагам.
Вырастут на свете люди,
Что еще не родились,
Смерти никогда не будет —
Будет жизнь.

Потомок наш о нас еще вспомнит
В каком-то многотысячном году,
В путь отправляясь на ракетоплане
На только что открытую звезду.

Не представляя, как от звона стали
Земля дрожала в пламени костров
И как ракеты толком начинали
И посылали предки на врагов,

Он скажет так (и прав, пожалуй, будет,
Лишь по преданьям знающий войну):
«В тот дальний век изобретали люди
«Катюшу» для полета на Луну».

ПРОЩАНИЕ С ЗЕМЛЯНКОЙ

А мы в землянке обжились
И называем нашим домом,
Как будто в ней живем всю жизнь
И жизнь иная незнакома,
Как будто нары в два ряда,
Скрипучий стол — стоят от века,
И не придумать никогда
Жилья иного человеку.
А нынче мы бросаем дом...
Чтоб масло разогреть и воду,
В костре столы и нары жжем,
Машины на ветру заводим.
Мы не вернемся вновь назад:
Мы этот день два года ждали.
Ракеты к западу летят,
Зовут грохочущие дали,
Мы рады покидать свой дом.
Прощай, землянка, мы уходим!
Пусть зарастает лопухом
Тропинка торная при входе...

ТАНКИ В НОВГОРОДЕ

Мать — новгородская София...
Стены опаленного кремля...
Через улицы твои пустые
Мы прошли с ветрами февраля.

Громящая тяжкою бронею,
Будто витязи седых времен,
Александра Невского герои —
Танковый отдельный батальон.

Поутру, по огненному знаку,
Пять машин КВ ушло в атаку.
Стало черным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.
Клочьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи.
Влили водки им во рты ребята,
На руках снесли до медсанбата,
Молча у носилок постояли
И ушли туда, где танки ждали.

Идут солдаты, от сапог
До плеч белы в пыли,
Среди исхоженных дорог
По лону всей земли.

Деревья шелестят в лесах,
Звенит в ручье волна,
Звезда мерцает в небесах
Им по ночам одна.

Всегда одна, всегда одна
Средь фронтовых ночей.
Всегда видна, всегда видна
В пять пламенных лучей.

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков.
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей...

ПЕРЕД ПОРОГОМ

Все то же — дом и тополь
Комолый у ворот.
Все то — от трав до стекол
Лишь только я не тот.
Не тот я, не мальчишка
С веселым вихорком,
Знакомый лишь по книжкам
Со всем, с чем я знаком:
С дорогой, с расставаньем,
Со смертью и свинцом,
Со страшным расстоянием,
Где дым и пыль в лицо.
И вот я дверь открою,
И в рубленый проем
Вдруг хлынет все такое,
Что помнится с трудом.
Стою, и силы нету
Тугую дверь открыть.
Хоть кто-нибудь ракету
Додумался б пустить!

Матери, Екатерине Яковлевне

Пароход покричал, покричал,
Бросил чалку на мокрый причал.
Я на землю по трапу ступил,
За которую в битву ходил,
Спал в снегу, у лесного костра,
Шел навстречу горячим ветрам,
В тапке тесном два раза горел —
Несмотря ни на что, уцелел.
И в разгар вологодской весны
Возвратился сегодня с войны.
Вот он, старый, с разбитым окном,
С тополями родительский дом...

Здравствуй, столько прождавшая мать!
Больше некого нам ожидать.
Пусть ни слез, ни тоски нам теперь,
Пусть разлука уходит за дверь.
Не ушел еще тот пароход,
Он разлуку с собой заберет.

Было утро, шумели травами
Сенокосы в лесах глухих,
Да за дымчатой переправой
Перекрикивались петухи,
Да березки ствол забинтованный,
Над рекой наклонясь, белел...
Милой родиной околдованный,
Встал солдат и вздохнуть не смел.
Все, что в дымной дали горячечной
Только сердцем он видеть мог, —
Не приснившееся, настоящее —
Расстиралось у самых ног.
Вот дорога, в ромашках торная,
Та, которой до смерти рад...
Край родимый, вся жизнь
просторная
Наивысшая из наград.

ПОЕЗД

Простучит по рельсам поезд,
Пронесется эшелон,
В золотых лесах по поясу,
Фонарем мигнет вагон.

Станет вдруг легко и грустно,
Вдаль потянет, позовет...
Кто-то там на полке узкой
Полустанкам счет ведет,

Смотрит в окна долгим взором,
И, повсюду на чеку,
Поднимают семафоры
Руки разом к козырьку.

Из Берлина или из Праги
Едет он к родным местам,
И рябины, словно флаги,
Пламенеют по лесам.

ВИНО

В подвале каменном вино
Стояло много лет.
В великий день извлечено
Оно было на свет.
В тот день на свете мир настал
После жестоких войн.
Уж видно, виноградарь знал,
Что будет день такой.
Он выдержал свое вино,
Каким лишь только мог,
И победителей оно
Валило наземь с ног.
Смеялся за столом солдат,
Вином и счастьем пьян:
«Не мог свалить меня снаряд,
А валит с ног стакан!»

Всю вселенную проехав с боем,
В городок сосновый вологодский
С орденами на груди, героем
Паренек из армии вернется.

В танке он прошел такие дали,
Видел Вену, Прагу золотую.
Нежные паненки улыбались
В Кракове ему напропалую.

Шел он по проспектам Бухареста
И по тесным улицам Софии,
Милых много видел, а невесту
Все ж придется выбирать в России.

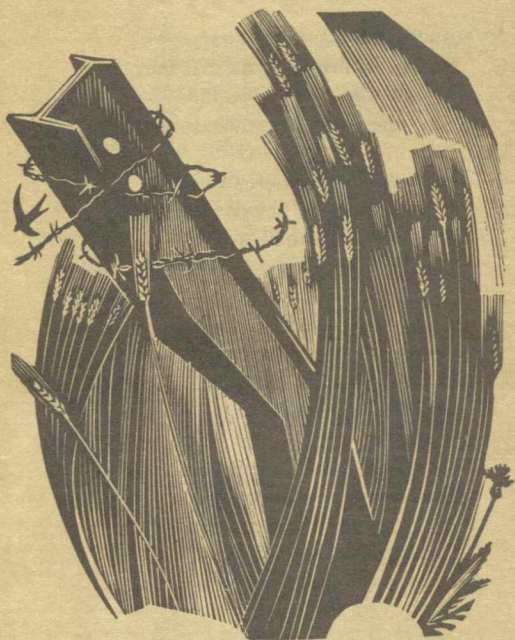
Ведь недаром в песенке поется:
Не найти ее по всей вселенной.
В городке сосновом вологодском
Он ее увидит непременно.

В Белозерске, может быть, иль в Вашках
К пристани выходит, ожидая, —
Всех милей и всех на свете краше,
Светлая, хорошая, простая.

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

Дымок — дыхание костра —
Ввысь отлетит и там растает,
А угли на снегу с утра —
Как снегирей багровых стая...

Вспугнув ударом сапога
Горячих птиц, встают солдаты.
Клубятся дымные снега,
С рассвета путь лежит к закату.

А вечером, когда костры
Опять на дальнем побережье.
Гибки, упруги и остры,
Седеющий туман разрежут, —

Повесят молча в тишине
Над бивуаком автоматы
И станут гладить по спине
Огонь усталые солдаты,
Весь мир прошедшие в огне...

ПОСЛЕ БОЯ

На закате окончился танковый бой.
Грохотали моторы.
Вдали догорали «пантеры»...
Прокатилась
По синему небу
Над черной землей
И упала
На столбик сосновый
Звезда из фанеры...

Жить от атаки до атаки.
Мечтать о письмах и тепле
И не отдать огонь бивака
За все удобства на земле.

Мы знаем хлеба с солью цену
И сладость из ручья воды.
Что перед ними всей вселенной
И яства и садов плоды!

ПАРОМЩИК

Если едешь ты в Кириллово —
Под горой паром, мысок.
Там тебя за душу милую
Переправят в городок.
Пожилый паромщик — маленький,
С темным шрамом на щеке —
Ездит в шапке, в старых валенках
На пароме по реке.

Он упрется в борт старательно —
Тяжеленько одному,
И поможешь обязательно
Ты с приятелем ему.
Пусть канат скользит, как сыромять,
Ты его потянешь вкось:
Много рек тебе форсировать
По Европе довелось.
Так ты с низкими поклонами
Будешь ехать по Шексне,

И качнет ответно кронами
Бор на правой стороне.
А когда, в причал ударившись,
Пришвартуется паром, —
Сам паромщик, как к товарищу,
Подойдет к тебе потом.
«Разрешь огня, пожалуйста! —
Спичка выстрелит в руке. —
Где-то мы, солдат, встречались,
Не на Одере-реке?..»

ПОЛЕ

Здесь было поле боя, смерти поле,
Зловеще пел над травами металл,
Земля кричала по ночам от боли,
Солдат на этом поле умирал.

Горели танки, черный дым газойля
Вздыхался вверх и падал с высоты,
Росли одни посередине поля
Колючие железные кусты.

Теперь пшеницы море золотое
Бушует там, где бушевал огонь,
И тишину над бывшим полем боя
Тревожит только песня под гармонь.

Широкое, спокойное раздолье,
Колхозным полем вновь тебя зовут...
Здесь было поле боя, смерти поле —
Отныне поле жизни будет тут!

Где тишина и запустенье,
Кладбища тлен —
Геометрические тени
Заводских стен.
Там, за колючею оградой,
На пустыре,
Стальные мертвые громады
Спят на заре.
Огонь зари на ранах рваных
Горит, дрожа,
И копоть черная на ранах.
И ржа рыжа.
Грозят стволы орудий черных,
Тупы углы,
И в отделении моторном
Черно от мглы:
Там, где взрывная мощь газойля
Ревела в нем,
Стальные мускулы, как болью.
Свело огнем.
Репей, пробившийся сквозь траки,
Цветет, как кровь,
И ветер танковой атаки
Не вспыхнет вновь,
Не опалит железных легких...
Не встанет вдруг
Танкист,
Открыв движеньем легким
Тяжелый люк.

Но долетает издалека,
От хуторов,
Глухой дизельмоторный рокот,
Гул тракторов.
И танкам снится спозаранку,
Что по стране
Демобилизованные танки
Идут в огне.
В огне хлебов ведут комбайны
В полях страны..
Бессмертия металла тайны
Им вручены!

В пустых землянках, в спутанных траншеях
Живет душа исчезнувшей войны,
В глухих углах, где поселились змеи,
Где бревна, как покойники, черны.

Разгладит время жесткие морщины
На всем лице израненной земли,
Не вспомнят люди даже в годовщины
О том, что здесь когда-то битвы шли.

Но, может быть, когда-нибудь потомок
В саду, где вишни с грушами цветут,
Разроет дота древнего обломок
И, содрогнувшись, взглянет в пустоту.

Металл сгоревший плесень охватила,
Во тьму песчинки катятся шурша.
Покажется: во мраке притаилась
Войны умершей срадная душа!

Человека осаждают сны
Смутные видения войны.
Он хрипит, ругается и плачет
В мире абсолютной тишины.

Очень тихо тикают часы.
Стрелок фосфорических усы.
Он лежит — седой и одинокий —
Посреди нейтральной полосы.

Светом алюминиевым ракеты
Догорают, и грохочет гром.
Время меж закатом и рассветом
Человек проводит под огнем.

Как стога, стоят снега,
Временный вокзал сосновый.
Станция такая — Мга.

Вспоминаю:
Это слово
Раненый твердил в бреду.
В сорок памятном году
Кровь алела на снегу.
Шел он с ротою на Мгу.
Снайперá за Черной речкой,
А у танка настезь люк,
Дыма синие колечки
Из глушителей...
И вдруг
Опускается механик,
Стукнул дизель и умолк...

Станции лесной название
Получил наутро полк.
Бредил парень в медсанбате,
Но когда в вечерний час
Диктор из Москвы палате
Зачитал о Мге приказ —
Вытянулся, строг, спокоен,
Щеки смертный снег замел;
Видно, вплоть до смерти воин
Танк на Мгу упорно вел.

Смерть всю ночь его душила
Не сдавался ни на чем.
И ему хватило силы
В эту Мгу войти с полком.

ЖИВАЯ ВОДА

Шел солдат из похода. Жара плыла.
Гимнастерка белым-бела.

Но взлетело на гору шоссе, как струна,
И открылась ему Шексна.

Сто нерусских — зеленых и синих — рек
Пересек для нее человек.

Он с горы сбежал и забрел в реку,
Будто десять лет пареньку.

Снял пилотку, умылся речной водой —
Был седой, а стал молодой.

И легко пошел и решил тогда:
Есть на свете живая вода!

ДОМА

Всю ночь ворочался в постели
С войны пришедший человек
И слушал, как грачи летели;
Встревоженный ворчаньем рек,
Шинель накидывал на плечи,
Шел на скрипучее крыльцо.
Сутулый и широкоплечий,
Он ветру подставлял лицо.

Он думал, жег табак в ночи,
И уходил неспешно в избу,
И слушал, как весна стучит
Дождем и ветром по карнизу.
И только в окна грянул свет
Зарей и песнею скворчиной —
Он вышел в молодой рассвет,
Глазами дымный мир окинул,
Увидел, как мокры кусты.

Поля черны, холмы покаты
И от напора льдов мосты
На речке выгнулись горбато.
Парная отошла земля,
Плыл лед поемными лугами,
Призывно пахли тополя,
И конь перебирал ногами.
И одуванчик расцветал
У борозды на солнышке.
И жаворонок забирал
Все круче в небосвод высокий...

НА ПРИВАЛЕ

Как из камня высечены сталью,
От сапог до самых плеч в пыли,
Разметавшись молча на привале,
Спят солдаты посреди земли.

А от них налево и направо
Зарева полощутся во мгле,
Догорает грозная держава
В свежей ржави, в пепле и золе.

Батареи издали рокочут,
Утопают города в дыму,
Падают разорванные в клочья
Небеса нерусские во тьму.

Но спокойно за пять лет впервые
Спят солдаты посреди огней,
Потому что далеко Россия —
Даже дым не долетает к ней!

Да, не поле перейти —
Жизнь прожить. А если в поле
Гром снарядов на пути
И огонь на суходоле.

Щели черные траншей,
В ржавой проволоке травы.
В перелеске батарей
Длинные стволы направо,

Метров восемьсот пути
Под огнем косоприцельным, —
И по полю перейти
В жизни стало главной целью?..

Скажешь, глянув на звезду,
Что сквозь тучи светит скудно:
«Если поле перейду,
Будет жизнь прожить нетрудно...»

У СГОРЕВШЕГО ТАНКА

Бронебойным снарядом
Разбитый в упор лобовик,
Длинноствольная пушка
Глядит немигающим взглядом
В синеву беспредельного неба...
Почувствуй на миг,
Как огонь полыхал,
Как патроны рвались и снаряды,

Как руками без кожи
Защелку искал командир,
Как механик упал,
Рычаги обнимая,
И радист из ДТ
По угрюмому лесу пунктир
Прочертил,
Даже мертвый
Крючок пулемета сжимая.

На кострах умирали когда-то
Ян Гус и Джордано Бруно,
Богохульную истину
Смертью своей утверждали...
Люк открой и взгляни в эту башню,
Где пусто, черно...
Здесь погодки мои
За великую правду
В огне умирали!

НОЧЬЮ

Мы к дулам пушек вяжем переноски,
Своих машин выравниваем строй,
А к вечеру ударит ветер жесткий
Угарным дымом, снегом и зарей.

Нога — на газ, рука — к щитку стартера.
Давай колонну выводи, комбат!
В полтыщи лошадиных сил моторы
Во всю стальную мощь свою гремят...

Вот тронулась невидимая сила,
И кажется во мгле среди болот,
Что ночь сама по фронтовым настилам,
Гремя железом, на врага идет.

У огня своя архитектура:
Пламени готические башни,
Дыма голубые кунола..
Где я видел странные фигуры?
Вспоминал их у костра на пашне,
Но и память вспомнить не могла.
Может, за Варшавскою костелы?..
Может, церкви белые в Софии?..
Или, может, это наши села
Догорали в трудный год в России?..

СТАЛИНГРАД

Открытые степному ветру,
Дома разбитые стоят.
На шестьдесят два километра
В длину раскинут Сталинград.

Как будто он по Волге синей
В цепь развернулся, принял бой,
Встал фронтом поперек России —
И всю ее прикрыл собой!

ТАНКИ В СТАЛИНГРАДЕ

Встали танки энского полка
На бетонных вечных пьедесталах
Там, где насмерть гвардия стояла, —
От Красноармейска до Рынка.

Купол неба ярок и высок,
Тихо Волга плещется о сушу,
И легко ложатся на песок
Несгибаемые тени пушек.

И хотя разгромлена война,
Люки не задраили башнеры.
В башнях поселилась тишина,
Но знакомо воздух рвут моторы.

Дизельные жаркие сердца
Громко бьются на путях гудронных,
На полях пшеничных у Донца
И в забоях трассы Волго-Дона.

На века в соседстве здесь стоят
Башни танков, что на пьедесталах,
И у вознесенных эстакад
Башни шлюзов нового канала.

К миру устремленная земля
Солнцем залита, росой умыта.
В юные одета тополя
И броней танковой прикрыта.

МОЛОДОЙ СОЛДАТ

В полк пришел
Новобранец безусый,
Паренек
Из-под Старой Руссы,
В полк
Четырежды краснознаменный.
Вносят в список его
Понимный.

Девятнадцать
Ему от рода.
Не бывал он
В боях-походах...
На стене —
Героев портреты.
Он узнал о них
Из газеты.
Как живые
Глядят с фотографий
Люди
Сказочных биографий.
Шли они,
Поднимая роты.
Закрывали
Собою дзоты.
С них
Полка начинается список...

В ту же книгу
Он будет вписан.

**Молча
Замерли батальоны.
Встал он,
Тихий и потрясенный,
Принимают
Его перед строем
Равным в братство
К великим героям.**

В ЭТОТ ДЕНЬ

Давно забыты гимнастерки нами.
Мы пашем землю, строим города
Мы — люди в штатском,
И уже на память
Война приходит реже.

Но когда
Замрут на правом фланге ветераны,
Команда: «Смирно!» —
В тишине дано
Нам с армией припомнить заодно:
Поля,
 полки,
 дороги,
 битвы,
 страны,
Торжественность великого момента,
Там, на плацу открытом, у древка
Пройдут чеканным шагом ассистенты,
И встанет знамя в голову полка —
Тяжелое, горячее, большое,
Все в золоте червонном и шелку,
Овеянное жарким ветром боя,
Навеки прикипевшее к древку.
Потом качнутся резко клубы дыма,
И — настезь люки танков, и взрвут
Моторы в тишине неповторимой...

Пусть нас иной теперь волнует труд,
Но, услышав глухой дизельмоторный,
Издалека до нас дошедший гром,
Мы встанем здесь — механики, башнеры
И номера полков произнесем!

ПАМЯТНИК ТАНКИСТАМ В КАЛАЧЕ

Есть могила в Калаче над Доном —
Взорам и ветрам степным открыт,
С пушкой, в степь донскую наведенной,
Танк на каменном холме стоит.

Он прорвался с Волги утром ранним,
И, склонясь у полыньи на льду,
Шлемом зачерпнул воды механик
У России целой на виду.

Круглый люк над башнею откинут,
Открывая купол голубой.
Спит спокойно экипаж машины,
Побратавшись навек меж собой.

А вверху, цементом пропыленны,
Воздух разрывая на куски,
Днем и ночью с камнем и бетоном
По шоссе летят грузовики.

И с могилою солдатской рядом,
Там, где шлюз тринадцатый, с утра
Раздают десятники наряды,
Грунт идет в забоях на-гора!

О причалы пеною плеская,
Заливая навсегда пески,
Вот уж в степь идет вода донская,
К водам Волги-матушки реки.

Видит танк порталных кранов стрелы,
Башни шлюзов, насыпи плотин,
Труд людей, не знающих предела,
Битву суховеев и машин.

Он стоит, по собственному праву,
В центре дел над Доном, молчалив,
В дальний год навеки для державы
С Волгой тихий Дон соединив.

НА ПОВЕРКЕ

Вечер над землей горит, не меркнет,
Словно знамя в золоте, в шелку.
Не меня сегодня на поверке
Вызывает старшина в полку.

С моего положенного места
Отвечаю старшине не я.
На прогулке запоет он песню —
Ту, что пели все мои друзья.

Рота грянет — жарко небосводу,
Тучи выгибаются звеня;
Знать, с него сегодня помкомвзвода
Спрашивает службу, как с меня.

Бьют о камень новые подковы,
Оборвался свист над головой,
И походный шаг правофланговый
С ходу заменил на строевой.

С ходу не форсировал он Одер
В сполохах гудящего огня,
Но глядят с надеждою народы
На него, как прежде на меня.

На него надеются по праву
Так же, как когда-то на меня,
В главном штабе маршалы державы
И в колхозе вся его родня.

Пламя домен надо мной не меркнет,
Словно знамя в золоте, в шелку.
Не меня сегодня на поверке
Вызывает старшина в полку.

Только пусть там помнят, за морями:
Как и он сейчас в полку, своим
Я считаю полковое знамя, —
Ну как вместе встанем мы под ним?

НОЧЬЮ В КАЗАРМЕ

От полов непрсохших, до блеска надраенных,
Холодок поднимается, как от реки.
Ходит с саблей дежурный над снами хозяином.
В пирамиде луна побелила штыки.
Спят, вернувшись с наряда, стрелки, пулеметчики.
Сладок сон им, как дома родимого дым,
Спят, подсунув ладони озябшие под щеки,
На подушках, набитых сенцом молодым.
Подобревшие лица и губы упрямые
Близким отблеском юности озарены.
Есть в нем домик с березкой и старою мамою,
Снятся ночью солдатам гражданские сны.
В этой комнате, если б могли, мы увидели
Реки, горы, долины, дороги в пыли,
Слесарей, трактористов, веселых строителей,
Мирных жителей — добрых хозяев земли.

НАЧАЛЬНИК ЗАСТАВЫ

На энской на дальней заставе,
Где сосны одни да туман,
Начальник заставы отставил
С коричневым чаем стакан.

Включает усталый начальник
Приемник среди тишины
На энской заставе на дальней,
У самого края страны.

Довернута громкость на полный,
И стрелка ползет вдоль шкалы,
Сшибаются радиоволны,
Как бурного моря валы.

Болгарская речь донесется —
Певица в Софии поет,
Начальник легко улыбнется,
Ладонью щеку подопрет;

Припомнит дунайские ночи —
Он был в этих славных местах,
Вот жаль, по-болгарски не очень
Начальник заставы мастак.

Стремительный гул и нестройный
Ворвется в динамик вослед.
Поправит начальник спокойно
На поясе свой пистолет,

Чтоб сесть поудобней, поправит,
Да брови нахмурит слегка,
Да вспомнит о танковой славе
Ходившего к Эльбе полка.

В плащах потемневших, тяжелых
С границы приходит дозор..
Срывается радиоголос,
Негромкий идет разговор:

«Порядок. Оружье почистить,
В сушилку плащи, старшина!»
Как бабочки, мокрые листья
Налипли на стекла окна.

Наверно, в Москве в это время
Такие же листья летят;
Он смотрит в ненастную темень.
Он хочет увидеть Арбат.

И вот, будто в центре столицы,
Средь черной лесной тишины
Куранты гремят на границе,
У самого края страны.

Машины, гудя, пролетают,
А дождь подступил, как стена.
И он старшину вызывает:
«Удвойте наряд, старшина».

ТИШИНА

Тишина на границе такая, что слышится,
Как залетная птица присела на куст
И упругая ветка под нею колышется,
Дождь вчерашний роняя, как пригоршню бус.

Тишина на границе такая, что где-то
В речке окунь плеснет, ветер дальний пройдет, —
Слышат все пограничники в строгих секретах —
Молодой, но проверенный в деле народ.

Тишина на границе такая, что слышится,
Если за морем вдруг шевельнется война,
Как в порту под пехотою трапы колышутся —
Вот какая стоит на границе у нас тишина!

ЗАСТАВА ИМЕНИ КОРОБИЦЫНА

В квадратной самодельной раме
Закат меж соенами горит,
Ручей в бурлящем беге замер,
И неподвижно снег летит.

Там, возле старого сарая,
Где до границы два шага,
Со смертью в прятки не играя,
Встречает часовой врага.

Художник-старшина, на славу
Владея кистью, как окно
В далекий день своей заставы
Открыл на стенке полотно.

Тревожный ветер веет в лица
От заснеженного холста,
И бьет с колена Коробицын,
Ни шагу не сходя с поста.

Четыре дула поднимая,
Враги подходят стороной.
Вот-вот ударит пуля злая —
И упадет на снег герой.

Но на заставе знаменитой
Стоит его кровать в ряду;
Подушка аккуратно взбита,
И полотенце на виду.

Как будто он кровать заправил
И только что ушел в наряд,
Не зная о бессмертной славе,
Пришедшей много лет назад.

ЭКЗАМЕН

Побывал я в клубе армейском.
Не бывал я там целый век.
Принимало меня семейство.
Может, в тысячу человек.

«Встать!» — и ветер прошел по залу,
Мне ж хотелось сказать: «Садись».
Повстречали меня сначала,
Будто гость я, а не танкист,

Будто я не того же братства,
Жженный, стреляный, фронтовой.
И неловко мне было в штатском
Проходить сквозь солдатский строй.

На широкой тесовой сцене
Бархат прошелестел и смолк.
И в какое-то вдруг мгновенье
Я припомнил гвардейский полк.

Будто в прошлое настезь двери,
И друзей голоса в ответ:
«Что ж, послушаем и проверим —
Стихотворец ты или нет.

Почитай, мы примем экзамен...»
И читал я им у костра
Под открытыми небесами
Возле Мги стихи до утра.

Снова мне танкисты не верят
И глядят, прищурясь, вослед:
«Что ж, послушаем и проверим —
Ты на деле танкист или нет...»

Нужно им доказать стихами,
Что я брал в сорок третьем Мгу,
Что прицелом и рычагами,
Словно рифмой, владеть могу...

Зал откашлялся, смолкнул, замер .
Понял я: лишь спустя семь лет,
Вот сейчас я держу экзамен —
Стихотворец я или нет.

В КИНО

В колхозе, в кино, на экране
Кварталы Берлина горят,
Смертельною пулею ранен,
Споткнулся на крыше солдат.

Мальчишки скорбят и тоскуют
У самой стены на полу,
И им бы вот так же, рискуя,
Бросаться в огонь и во мглу;

Взбираться на кушол покатый
(Полотнище флага в огне)
И мстить за таджика-солдата,
Как будто за старшего брата,
Который погиб на войне.

Механики и полеводы
В шинелях сидят без погон,
Они вспоминают походы,
А зал в полутьму погружен.

И, как на сошедших с экрана
Лихих легендарных солдат,
Украдкою на ветеранов
Притихшие жены глядят.

Стучит, как кузнечик железный,
Поет в тишине аппарат.
И вот над дымящейся бездной
Встает на рейхстаге солдат.

Взметнулось полотнище флага, -
И, словно его водрузил,
Встает инвалид, что рейхстага
Не брал, но медаль «За отвагу»
Еще в сорок первом носил.
Огни зажигаются в школе,
В раскрытые окна плывет
Прохлада широкого поля..
На шумный большак из ворот
Полуторка медленно едет.
Мальчишки за нею бегут.
Кинопередвижку в «Победе»
Давно с нетерпением ждут.

Заката багровые флаги,
И дымный туман над рекой;
Герои Берлина и Праги
С экрана уходят домой.

ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ

Мы становились на колени
Пред ним под Мгой в рассветный час
И видели — товарищ Ленин
Глядел со знамени на нас.

На лес поломанный, как в бурю,
На деревеньки вдалеке
Глядел, чуть-чуть глаза прищуря,
Без кепки, в черном пиджаке.

Гвардейской клятвы нет вернее,
Взревели танки за бугром.
Наш полк от Мги пронес до Шпреи
Тяжелый гусеничный гром.

Он знамя нес среди сражений
Там, где коробилась броня,
И я горжусь навек, что Ленин
В атаки лично вел меня.

ПОЛК ОБЕДАЕТ

Встало солнце литое на небосклоне
В полуденной своей, самой яркой красе,
Ходят песни повзводно в этот час в гарнизоне,
Их выводят старшины из казарм на шоссе.

В гарнизонной столовой щи в котлах прокипели,
Приготовлена рыжих буханок гора,
Жаром пышут котлеты, жир стекает капелью,
Черпаками орудуют повара.

А за окнами лето, в гимнастерки одето,
По дорогам полсвета прошагало чуть свет.
Пыль клубит каблуками, бьет железом о камень.
Загорелое лето идет на обед.

А к его гимнастеркам травинки прилипли,
Солью тронуты плечи, щеки выдубил зной,
Но к ветрам и дорогам недаром привыкли,
Рубят правофланговые шаг строевой.

Над столами в столовой бачки словно боги,
До сиянья надраены мелким песком,
Мисок жаркие диски, запах щей на пороге,
И дежурный с повязкою перед полком.

Полк столы занимает, шумный, бритоголовый,
По команде пилотки летят на скамью,
Хорошо поработать солдату в столовой,
Поработав до пота в учебном бою.

**А за окнами клёны, в плащ-палатках зеленых
Встали, как часовые. Птичий смолк перещелк.
Солице над гарнизоном. Небосвод прокаленный,
Тишина на дорогах. Обедает полк.**

Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост
И я — восемнадцатилетний —
В кубанке овсяных волос.

Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной поры,
Еще не выдавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв
На танке гвардейской бригады
По дымному тракту боев,
Еще не писавший в тетради
Ни строчки военных стихов.

Во сне в ту далекую пору
Я глянул с улыбкой, а там
Парнишка с доверчивым взором
Шагал напрямик по полям.

Веселый, счастливый, довольный,
Ничуть не тревожась о том,
Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем.

Шагал, не жалея пшеницы,
Шагал, тишины не цenia,
Не слушая песенку птицы,
Что встала у солнца звеня.

На русого мальчика глядя,
Мне так захотелось сказать:
«Вернись к этой девушке в садик,
Ей легкие руки погладь.

На тропку сверни из пшеницы,
Почувствуй, как тихо вокруг,
Послушай залетную птицу, —
Не поздно пока еще, друг».

Но тут же я вспомнил о том, как
Ревел над землею металл,
Как в черных окопных потемках
Я письма твои ожидал,

Как небо казалось оттуда
Синей, чем любимой глаза,
И тишь приходила как чудо,
Когда умолкала гроза,
Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего...

Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

В ГОРОДСКОМ САДУ

В. Дементьеву

В саду городском в воскресенье
Оркестр на закате гремит,
И ситцевый ветер веселья
По желтым дорожкам летит.
Там вальс в босоножках-обновках
Кружит в хороводе огней
Без отдыха, без остановки,
Волшебною силой своей
Сближая сердца безрассудно,
Дыханье смешав на лету,
Забуть заставляет про будни
И верить велит в красоту
Девчонок с Песчаной и Дольной
И в мужество юных парней.
Которые, видно, из школьных
Вчера еще вышли дверей.
Отважны, сильны, постоянны —
Ты их убеждений не тронь!
Готовы девчонки с Песчаной
За ними в метель и в огонь.
А это, пожалуй, и верно,
Ты только поближе взгляни —
Мы были с тобой в сорок первом
Таковыми, как нынче они,
Когда оборвался внезапно
Наш вальс на тесовом кругу
И в маршевых ротах на запад
Ушли мы навстречу врагу.
Прощаний не помню короче,

Дороги тонули в пыли.
Мы песню про синий платочек
На память с собой унесли
Из этого самого сада,
В котором играет оркестр
Со старой дощатой эстрады,
Где нет на скамеечке мест.

9 МАЯ 1945 ГОДА

Я помню эту дату в сорок пятом.
Еще война гремела на войне.
А мы, отвоевавшие солдаты,
Ловили рыбу на реке Шексне.

Гребли вдвоем — он левою, я правой,
Вытаскивали сети не спеша.
Под носом лодки расступались травы
И за кормой смыкались, чуть шурша.

Огромный шар поднялся из-за елей
В заре, не догоревшей до конца.
И мы тогда на солнце загляделись,
Не пряча глаз, не отводя лица.

Река неслась, как время, в дымке алой,
Бесшумно отражая небеса.
И ни одной пылинки не упало
Еще на листья, травы и леса.

А в устье, так, что весла гнулись с треском,
Ворвалась лодка с озера одна.
И в лодке весть на все лады, как песню,
Несли и пели: «Кончилась война!»

Так вот он, мир! И, позабыв про сети,
Причалив лодку к берегу, бегом
Мы побежали к людям на рассвете, —
Мы не могли тот день встречать вдвоем.

Багровый флаг горел, кипел над крышей.
И, может, как в семнадцатом году,
К нему народ бежал, ту весть услышав,
Детишек подбирая на ходу.

С пустыми рукавами председатель
Все речь хотел сказать, как будто спеть,
И молча отворачивался к хате,
А слезы было нечем утереть.

Сейчас для нас как символ день победный,
Победе нашей грозной десять лет,
А он тогда был днем войны последним
И днем начала мира на земле.

Его установили мы, солдаты —
Танкисты, минометчики, стрелки, —
Для всех друзей в том мае, в сорок пятом,
Всем недругам на свете вопреки...

С тех пор не раз цвели сады на свете,
Но мне то солнце утра не забыть,
Оно всем людям мира в мире светит,
И никому его не погасить.

В новой чайной Дома крестьянина,
В дальнем Кичменском городке,
Два танкиста-однопольчанина
Повстречались накоротке.

Чемоданы, пальто на вешалку.
«Ты откуда?» — «А ты как тут?»
«Эй, девчата. давай не мешкайте,
Остановка на пять минут!»

Зазвучали в чайной названия
Европейских столиц седых,
Называли себя по званию
Два товарища боевых.

Поименно друзей припомнили,
Не пришедших издадека,
По края стаканы наполнили
За дела своего полка.

А в углу баянист нечаянно
Тронул медные голоса,
И тогда захлестнула чайную
Ветра жаркого полоса.

Было песнею все досказано,
То, что вспомнилось за столом.
Все досказано и доказано
Про Европу, да и про Азию,
И запел баян об ином.

Где-то волны плеснули синие,
Где-то дрогнули ковыли,
Как мотив голосами сильными
Подхватили и понесли.

В песне вынесла струги быстрые
Волга-матушка широка,
Та, что нынче свела у пристани
Двух товарищей из полка.

Старый снимок
Нашел я случайно в столе,
Среди справок,
В бумажной трухе, в барахле.

Старый снимок далеких,
Но памятных лет.
Ах, каким я красивым
Был тогда на земле!

Шлем ребристый кирзовый
Да чуб в три кольца.
Зубы белой подковой,
Веснушки — что солнца пыльца.

Не целован еще
И ни разу не брит,
Крепко через плечо
Портупеей обвит.

Вдаль гляжу я веселый,
Прислонившись к броне,
Среди сосен и елок,
На великой войне.

Светит солнце на траках,
Дымится броня.
Можно просто заплакать,
Как мне жалко меня.

Время крепости рушит,
А годы летят...
Ах, как жаль мне веснушек
Ржаной звездопад!

ЗВЕЗДА

Там пахло ваксой и махоркой
И влажной теплотой сукна,
Где выдал мне ее в каптерке
По списку ротный старшина.
И я не то чтобы беспечно,
Но просто прикрепил как мог
Эмалевый пятиконечный,
С серпом и молотом значок.
Я не подумал, как вставляли
С ним в восемнадцатом году,
Как коммунистам вырезали
Дроздовцы на груди звезду..
Гремела сапогами рота
У зеркала тогда полдня.
Огнем, газойлем, кровью, потром
Не обнесла судьба меня.
Немало полегло навечно
Друзей-годков в земле сырой
Под алою пятиконечной
Красноармейскою звездой.
Давно я снял свои погоны,
Уже давно другой комвзвод
В моем полку краснознаменном
Всю службу за меня несет.
Не пишут ничего газеты
Про то, чем занят командир,
Не потому, что тайна это,
А потому, что мы за мир.

Но и теперь дорожке нету
Ее одной на все года.
Неси лучи по белу свету,
С серпом и молотом звезда.

РАКЕТЫ

В наше время скорости и света,
Штурма неба мировых высот,
У меня есть дальняя планета.
И с нее ко мне летят ракеты
В праздники уже который год.
Вот они выходят на орбиту
Памяти

по небосводу вновь.

В сердце у меня для них открыты
Верность, благодарность и любовь.
Рвут они ночное покрывало.
Постоим, уйти повременим.
Вот уже как будто не бывало
Времени со сменой лет и зим.

Полк гвардейский. Мгинский, тридцать

третий

Жаркая планета средь планет
Юности моей,

на белом свете

Памятней ее,

пожалуй, нет.

Что со мною делают ракеты —

Шлют воспоминания сюда.

Я стою в бесшумных вспышках света,

А вокруг меня режут года.

Плещет дым газойля горьковатый,

Тяжкая колышется броня.

Снова в шлемах танковых ребята,

И дороги, полные огня.

Дружба — дружбой. Снова ради друга
По снегу товарищи ползут.
Я лежу под пулеметной вьюгой,
Но они пробьются и спасут.
Времени космическая бездна,
Как стекляшка, рушится у ног...
На земле нежней их рук железных
И надежней я найти не мог —
В ссадинах, в ожогах, в солидоле, —
Вечная поэзия земли.
В чистом поле, во широком поле
Вот они машины повели.
Я стою под звездным ливнем жарким.
В облаках, колышась и звеня,
Гаснут и встают из света арки,
В юность уводящие меня.
Замерло на площади движенье,
Город праздник над землей зажег,
И идут ко мне стихотворенья
В шлемах, в кирзе с головы до ног.

ПЕРЕД ПАРАДОМ

Уснула города громада,
И, может, час уже гремя,
В ночь за неделю до парада
Идут по городу грома.
На перекрестке иногда
Они встают в равнение стройном,
А дождь идет, течет вода
По стали пушек дальнобойных,
По башням, блещущим слегда,
И по парням в сукне и коже,
Глядящим с башен свысока
На редких в этот час прохожих.
Газойля дым, походов дым...
И, приобщенным к славе сталью,
Им думается, молодым,
Что за плечами плещут дали,
В которых Прага и Берлин,
Пожары, рейды медсанбаты...
И вот они глядят с машин.
Как всё выдавшие солдаты.
И дела нету им притом,
Зачем без видимой причины
Стоит и мокнет под дождем
Уже немолодой мужчина.

В ДЕНЬ ТАНКИСТА

Может быть, в сорок третьем,
Может, в сорок втором
Ветки дымные ветер
Колыхал над костром.
Скрыта хвоей сосновой,
В стороне от огня,
Танков, к бою готовых,
Возвышалась броня.
Но гремящий, не дальний
Фронт забывши на час,
Кто-то с грустью-печалью
Мир припомнил из нас.
Он негромкое кинул
Невзначай в тишину:
«Вот костер и машины,
Как в степи на стану...»
И под пологом мгlistым
Оказалось, что тут
Шофера, трактористы
Наступления ждут,
Ждут его комбайнеры
С кобурой на ремне...
И пошли разговоры
У солдат на войне...
Как они рисовали
Край своих мирных дней,
Как они тосковали
По работе своей,
Как хвалили друг другу
Кто Алтай, кто Урал...

В этой памятной были
Сам я там тосковал...
Та пора миновала,
И на новых путях
След солдатских привалов
Не отыщешь в лесах.
Только память хранится,
Да — на страх всем врагам -
Салютует столица
По торжественным дням.
Вновь кончается лето,
И сентябрьской листвою
В честь танкистов ракеты
Ввысь летят над Москвой.
А далеко сверкают,
И жарки и остры,
На приволье Алтая
Нынче ночью костры.
Кто-то там, на целинных,
Скажет вдруг в тишине:
«Вот костер и машины,
Как привал на войне...»
И поднимется рядом
У костра в тишине
Цвет гвардейской бригады
На примятой стерне.
И до каждого лично
Долетит из дали
Грохот залпов столичных
Над простором земли.

Здравствуй, юность танкистская!
До отбоя с подъема,
Где с тобой мы дружили и жили, как дома,
В грозном царстве газойля, металла и грома
Не бывал я давно на твоих танкодромах.
Тихо светятся лампы контрольные раций
У тебя в огневом броневом батальоне,
Маслянистые молнии в башнях хранятся,
Строгий холод брони ощущают ладони.
Над тобой проплывает, в багрец разодела,
Осень мирной державы, светла и нарядна,
Паутинками тонкими бабьего лета,
Дальней песней в просторах полей неоглядных.
Над тобою не плещет ревущее пламя,
Пред тобою спокойные горы и доли,
Журавли в небесах тебе машут крылами,
Вот стоишь ты, безусая, люк откинув тяжелый.
Знамя в штабе твоём зачехленным хранится.
На линейке хрустит утрамбованный гравий.
Но ты стала наследницей древних традиций
И навеки причастной к немеркнущей славе.
В честь твою салютует сегодня столица,
Небеса как костер полыхают багряный.
И, листая истории нашей страницы,
Вспоминают далекие дни ветераны.
Здравствуй, юность танкистская, верная долгу,
На ревущих, на мирных своих танкодромах,
В травах осени росами грузно наволглых,
В грозном царстве газойля, металла и грома!

НА УЧЕНИЕ

Летит, клубясь, над танкодромом
Газойля дым в начале дня,
Где в сталь закованные громы
Стоят на линии огня.
Сейчас упругие затворы
Взрывная отведет волна.
Мелькнет в прицелах дот, пригорок,
Как будто там сама война.
Ее сейчас на том пригорке
Сомнет тяжелая броня.
Летят в дыму «тридцатьчетверки»,
Встают, ревя, столбы огня.
Сосредоточены солдаты,
Ведь им уже давно слышны
Бомбежек тяжкие раскаты
Из дальней маленькой страны.
Проходят в небе строем ИЛы,
Молчат солдаты у машин,
И это есть молчанье силы,
Которая брала Берлин.

Жизнь, по пословице, не поле,
А были позади поля,
Где столько грома, крови, боли
И на дыбы встает земля.

Но снова, будто не бывало
Их, равных жизни, на пути,
Мы повторяем все сначала,
Что жить — не поле перейти...

Здесь нет ячеек пулеметных,
Не рвутся мины на пути,
Но там хоть был устав пехотный,
А здесь не знаешь, как идти...

Над пирогами и борщом,
Над студнем и вином
Вдруг повела гармонь плечом,
Плеснула вдруг огнем.

И замерла беседа вдруг —
Кто в лес, кто по дрова...
И стало слышно, как вокруг
Шумит, звенит трава.

И спор как сор, и хмель долой,
И в сторону вино.
И лозунг тот — хоть час, да мой
Сосед забыл давно.

И не хозяин под хмельком,
Уже тяжел и сед.
А песня правит за столом,
И жен уж рядом нет.

Есть снова рядом старшина
И дальняя страна,
В которой будет тишина
И кончится война.
В зеленом, мирном городке
Замолкли земляки...
А в песне — дальнем далеке —
Идут, идут полки...

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

В земле по грудь под Ленинградом
Шестнадцать лет тому назад
Под пулей, бомбой и снарядом
Стоял у Лигова солдат.

По вражьи́м выкладкам бесспорным
Он трижды был в тот день убит,
И уцелевшим танкам в город
Был с ходу путь прямой открыт.

С крестом на башне, с пушкой в душу
Пошел, как будто на парад,
До моря потрясая сушу,
Немецкий танк на Ленинград.

А самых храбрых нету рядом:
Они еще с утра легли...
Солдат окинул долгим взглядом
Огонь небес в дыму земли.

Резерв последний полководца,
Один из роты, рядовой,
Как в гимне партии поется —
Ни бог, ни царь и не герой, —

Он встал на бруствере траншеи,
Зажав гранату в кулаке,
О молодости не жалея,
В разбитом дачном городке.

Ударил столб огня под траки,
И захлебнулся на камнях
Вал бронированной атаки
От Ленинграда в трех шагах.

Примолк железный гул орудий..
Пилоткой пот отер солдат..
А мир считал: случилось чудо
Шестнадцать лет тому назад.

И кто он был — никто не знает,
Не заявил он сам о том.
Но только в сорок пятом в мае
О нем гремел победы гром.

И слава ходит по Союзу,
И подвиг этот не забыт,
А сам солдат пока не узнан,
Никем в народе не открыт.

Он жив, он с нами рядом, вот он!
И он сейчас наверняка
В трамвае ездит на работу,
Пьет в праздник пиво у ларька.

Голос первой любви моей — поздний, напрасный
 Вдруг окликнул, заставил на миг замереть
 И звучит до сих пор обещанием счастья.
 Голос первой любви, как ты мог уцелеть?..

Над горящей землей от Москвы до Берлина
 Пыль дорог, где отстать — хуже, чем умереть,
 И в бинтах все березы, в крови все рябины..
 Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

На тесовой калитке снежок тополиный.
 Холодок первых губ, как ожог, не стереть..
 А года пролетели, их, как горы, не сдвинуть.
 Голос первой любви, как ты мог уцелеть?!

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Д. Хренкову

Быть может, это и не модно,
Но у людей, как у людей,
Они хранятся на комодах —
Тома истории семей.

Люблю семейные альбомы:
Там со страниц на мир глядят
По линии мужской знакомо
Три поколения солдат.

Все молодые, все похожи.
Пусть новый день шумит вокруг!
Там дед не старше, не моложе,
Почти совсем такой, как внук,

Что смотрит с пристальной отвагой,
Сфотографирован на днях,
На фоне полкового стяга —
Семьи надежда и броня.

А дед в шинели, серой, длинной.
Оперся на эфес рукой,
Как будто богатырь былинный,
В высоком шлеме со звездой.

Глядишь, и кажется, с налета
В огонь, в степные ковыли
Тачанка в громе пулемета
Опять летит на край земли.

И он на ней, лихой и юный.
И знамя плещет у щеки,
И клич: «Да здравствует коммуна!»
Гремит на все материки.

А там, на деда так похожий,
Как будто дед не постарел,
Сын — и не старше, не моложе —
Все так же молод, прям и смел.

Знакома мне его дорога:
Ведь в сорок первом в ранний час
Труба, сыгравшая тревогу,
В ружье подняла вместе нас.

И на четыре года с лишком
Ушел солдат в огонь и гром.
Я знал о нем не понаслышке
Под Мгой, под Курском и Орлом...

Лет грозных жаркая зарница.
Она одна на все года,
Горит, горит на всех страницах
Пятиконечная звезда.

И ты сидишь, альбом листая, —
Как будто трогаешь рукой
Огни костров и даль без края —
Историю земли родной.

Витька, Коля, Саша и Петро —
Песня, доброта, отвага, сила.
Медные ладони над костром,
С пшенной кашей черное ведро,
В лапах сосен льдистые светила.

Витька, Коля, Саша и Петро —
Экипаж, друзья мои, солдаты.
Кашу ждут зимой в сорок втором,
Лица жарко вымыты костром,
Спины от усталости горбаты.

Позади и впереди война,
За спиною гати и болота,
А у ног одна лужайка сна
На снегу, тепла и зелена.
Есть охота, очень спать охота.

И мечта клокочет на углях,
Дышит пшениным теплым ароматом...
Это только в песнях и стихах
На привале думают солдаты
Всё о славе бронзовой в веках.

Рядом с ними перед тем костром
Я сижу на лапах мерзлой хвои,
Слушаю тревожный зимний гром,
Лью газойль на сучья под ведро,
Глажу пламя по спине рукою.

Тебя жестки, быстры и прямы,
Смотрит танк орудья черным оком,
Весь в мохнатом инее зимы,
В даль, которую откроем мы
На рассвете заревом с востока.

Дорогие, верные дружки,
Рыжий Витька, белокрысый Саша,
Коля и Петро — мои годки,
Как вы далеки и как близки
В мире светлом и просторном нашем...
Каждый год в честь вас гремит салют,
Тени гаснут, облака цветут —
В небе пламя плещется костра
Вити, Коли, Саши и Петра.

Я в сорок третьем был комсоргом роты,
 Был, вел учет и взносы собирал.
 И перед боем подо Мгой в болотах
 Собраниями начинал привал.
 Когда, проверив в сотый раз моторы,
 Ребята спали, мы, урезав сон,
 Сходились молча без речей, без споров
 На пять минут — таков уж был закон.
 Лесные комсомольские собрания —
 Их посещала родина сама,
 Их окружали стывшие в молчанье
 Пятидесятитонные грома...
 И каждый раз я как комсорг терялся,
 Молчал, сигарка догорит пока,
 Собрание закрывал и отправлялся.
 Уже один к секретарю полка.
 Комсорги рот, мы все сходились вместе
 (А полк уж спал) на целых пять минут,
 На пять минут задерживались здесь мы,
 А через час ракеты ночь взорвут.
 Как дорог сон, как валит с ног усталость,
 Но впятером курили мы среди тьмы:
 Нам эта привилегия давалась,
 И ею честно дорожили мы.

ХЛЕБ КОММУНЫ

Я с детства начал жить в коммуне
За Бийском, у Алтайских гор.
Под небом дальнего июня
Лежал ее земель простор.

Там, как в зеленом океане,
Все было общее до дна:
Дворы, дома и даже баня —
Для женщин и мужчин одна.

Загибы были — коль взглядеться.
Но я то время не сужу,
Я на него глазами детства
Без снисхождения гляжу.

Голубоваты, серебристы,
Плеща прохладой в жару,
Фонтаны тополей лучистых
В коммуне гнулись на ветру —

На фоне синих, величавых
Гор, поднимающих хребты.
И в дудках, лопухах и травах
Порхали птицы, как цветы.

Звенела кузница за речкой,
И кто-то врал из нас, что там
Садится солнышко под вечер
И всходит в небо по утрам.

А на плацу, ветрам открытом,
Весь день над крышей дым столбом,
Неладно сшитый, крепко сбитый
Стоял столовой длинный дом.

Там пахло щами на пороге,
Там от дресвы белы полы,
Столы, расставив крепко ноги,
Хлеба к дверям несли из мглы.

Дрожал, врезаясь в корку с хрустом,
Весь в крошках, будто в рже, металл,
Румяный круглый хлеб
капустных
След листьев снизу сохранял.

На двух больших ладонях словно
Пекли его в огне печи,
И он хранил их след неровный,
Все жилки, линии, лучи...

Всем одинаковый, бесплатный,
Коммуны хлеб, как тень и свет,
На длинных, струганых, щербатых
Столах некрашенных в обед

И в завтрак был и был на ужин...
А нам, ребятам, словно луг, —
Беги к нему, когда он нужен,
С ним рядом соль, зеленый лук

И в жестяных бидонах потных
Обрат — снятое молоко.
Пируй, когда тебе охота...
Смешное детство далеко.

Ты быстро улетело, детство,
Уже твоих не слышно крыл.
Но в жизни есть одно наследство, —
И я нигде не позабыл

Коммуны хлеб. Под синим небом
Не раз я ел его потом —
На пятерых буханку хлеба
Рубя трофейным тесаком, —

В ладонь с брони сгребая крошки,
Промерзшие, как серебро.
Под артналетом и бомбежкой,
Как смерть и жизнь, зло и добро.

Он черствым был, с огнем и горем,
Как слезы был, но в жизни мне
Он не бывал ни разу горек —
Ни в детстве и ни на войне.

И я считаю счастьем личным
Все, что мне жизнь несла даря:
Коммуны круглый хлеб пшеничный
И ветер близкий Октября.

ПАМЯТНИК

1

Танкисты спят под камнем и землей
А танк омыт на крутизне ветрами,
Цветут цветы,
и тополь молодой
Стоит пред ним, как свернутое знамя.
С открытым люком,
в шрамах и рубцах,
С обуглившейся башней, у дороги
На сером камне,
как в огне — в хлебах,
Поставлен он, торжественный и строгий.

2

В ту ночь крутила вьюга. и ни зги
Не видно было. Ветер жег, неистов.
Молчали настороженно враги.
К машинам молчаливо шли танкисты..
Последний раз махорочным дымком
Товарищи затягивались круто.
Гремел мотор. Сдвигался с места гром,
В железо первосортное обутый.
Тяжелой башни резкий разворот —
И в шлемофонах хриплое: «Вперед!»
Вперед!
И скорость третья, и нога
Легла на газ,
И кости вражьих дзотов

Хрустят уже.

Но залегла в снега
Под пулями и минами пехота.
А с флангов жгут термитными
в упор
Тяжелый танк...

И, пламенем задетый,
Захлебываясь дымом, взвыл мотор..
Как молнии, во тьму пошли ракеты,
Багровых вспышек непрерывный ряд,
Тяжелых взрывов круглые раскаты —
И вот уже орудия молчат
И пулеметы,
И пошли солдаты.
И грозное победное ура
Вдаль понесли железные ветра.
И мы пошли, гремели дизеля,
Ночь огненными крыльями
махала,
И, колыхаясь, грузная земля
В прицелах танков на дыбы вставала.

»

Взошла заря, с утра летят ветра,
Седые клубы дыма разметая,
Огонь зари как бы огонь костра:
В золе и пепле вся передовая.
А над блиндажем, из последних сил
Поднявшись к небу, как на пьедестале,
Он все еще горел, еще чадил,
Когда его штабисты отыскиали.
Полковник снял в молчанье с головы
Тяжелый шлем. Замолкли офицеры.
Все было здесь понятно для живых:
И это утро, этот пепел серый,

И втоптанные в землю сапоги,
И пушки, искореженные сталью,
И танк над всем побоищем...
Таким,
Таким он и стоит на пьедестале.

«Пускай стоит, чтобы кругом цветы,
Чтоб виден был народу издавека... —
Сказал полковник. — Чтобы с высоты
Орудие смотрело черным оком,
Как в Крым везут и в Сочи поезда
Далеких мирных жителей на отдых,
Как ночью с неба падает звезда,
Сменяются закаты и восходы...»
Горелой краской пахло от брони
И известью сырой от пьедестала...
«Пусть дети здесь играют, им в тени
Не жарко будет...» — медленно сказал он.
И рухнула обвалом тишина,
Мы на ходу задраивали люки,
И пороха тяжелая волна
Затворы пушек отвела со стуком.

Среди хлебов гранитный пьедестал,
Суровых линий прямота простая.
Тяжелый танк над рощами привстал,
О мужестве векам напоминая.
По толще стали ты определи,
Какие были витязи когда-то,
Коль на плечах своих носить могли
В полсотни тонн брони гремучей латы.
Танк слышит, как грохочут поезда,
И эхо долго в башне не смолкает...

И по ночам высокая звезда
Встает над ним, горит и потухает.
Зарницы отблеск ляжет на груди,
И тихо вздрогнут неживые траки,
И пристально в просторы поглядит
Тяжелый бог стремительной атаки.

Над полированной рекой асфальта,
То голубой от утренней росы.
То от огней сверкающей, как смальта.
То черной от дождя и от грозы,

Перед щитом с рекламою туризма
Среди потока ЗИЛов и «Побед»
У въезда в город, белый словно призрак,
Встает он с камня из далеких лет.

Пред ним цветы разбрасывает лето,
И, всех оттенков радуги, пестры.
Шелков и ситца полные «кометы»
Уносятся на взморье от жары.

А он все поднимается с гранатой,
Рвет гимнастерку на своей груди,
По-юношески легкий, угловатый,
И видит только танки впереди.

Свет звезд идет к Земле годами.
В ночь настужь распахни окно —
И, может, вспыхнет пред глазами
Звезда, рожденная давно.

Темны, глухи вселенной тропы,
А под окном трава звенит,
Стеклом и сталью телескопов
Прощупывается зенит.

Встают в стекле столбы стихии,
Отбушевавшие давно,
Вот так же свет Земли, России
Вселенной принимать дано.

Стремительно и дерзновенно,
Под стать, быть может, лишь мечте,
Свет движется во всей вселенной,
Живой, в межзвездной темноте.

Так за морями, за горами,
Над азиатскою тоской,
В крови и пепле, во Вьетнаме
Уже воспрянул род людской.

Так у звезды Полярной где-то
Семнадцатый бушует год —
Над Петропавловкой ракетой
Фонарь взлетает в небосвод.

В созвездье Лиры пыль клубится,
Горят костры, блестят штыки,
Буденновские колесницы
Багровый ветер рвут в куски.

Метет метелица стальная.
И гнется Млечный Путь под ней,
Клинками сабель озаряя
Напахи, бурки и коней.

Там жив Чапаев над Уралом,
Там у походного костра
О нас мечтают запевалы,
Не засыпая до утра.

А от Земли в лавине света
К мирам в космической дали
Уже несут, звеня, ракеты
Звезду кремлевскую Земли.

СОРОК ЛЕТ

Старой песенки этой не скоро
Отзвенит беспощадный мотив:
«Сорок лет — бабий век».
Нашим девушкам нынче под сорок,
Отлюбили они, не любив.
Были жаркими косы и руки,
Но из целого счастья
Взахлеб
Им достался одной лишь разлуки
До сих пор не прошедший озноб.

Только вовсе не жалости ради
И не праздно сочувствуя, я,
Им в глаза беззаветные глядя,
Сокрушен, как за други своя.
Слов не сказанных,
Песен не спетых,
Как ушедших годов, не вернуть.
Начиналось далекое лето
И сгорело в глазах — не взглянуть.
Видно, правда, что ровно полжизни,
А быть может, и больше, с собой
Унесли от них те, что отчизне
Присягнули своей головой.
Где-то высятся душевные грозы,
Где-то луны томят до утра,
Обжигают прохладные звезды
И кострами знобят вечера.
Кто-то, вскинувши руки под небом,
Полыхает, как в пламени куст...

Это все не о них, это небыль.
Но я их утешать не берусь
Тем, что было не зря. Они знают,
Знают бабьей недолей, тоской,
Раз костры по ночам полыхают
И гремят соловьи за рекой.

Утешение слабое это,
Вовсе в том утешения нет, —
На земле не кончается лето...
«Сорок лет — бабий век», —
Весь ответ.

Уходит в небо с песней полк
От повара до командира.
Уходит полк, наряжен в шелк,
Покинув зимние квартиры.

Как гром ночной аэродром.
Новзводно, ротно, батальонно
Построен в небе голубом
Десантный полк краснознаменный.

Там, в небе, самолетов след —
Как резкий свет кинжальных лезвий,
Дымок дешевых сигарет
И запах ваксы меж созвездий.

Пехота по небу идет,
Пехота в облаках как дома.
О, знобкий холодок высот,
Щемящий,
Издавна знакомый.

По тем болотам подо Мгой,
Где мы по грудь в грязи тонули
И поднимались над кугой
На уровне летящей пули.
Смотрю, как мерзлую лозу
Пригнул к земле железный ветер,
Стою и слушаю грозу,
Как будто первый раз заметил,

Что подвиг, как бы он высок,
Как ни был бы красив, — работа.
И пахнет кирзою сапог,
И звездами, и солью пота...

В ГОСПИТАЛЕ

По железному карнизу
У больничного окна
Ходит голубь тучкой сизой,
Золотого ждет пшена.

Госпитальная палата,
Запах йода и тоски:
Кормят голубя ребята —
Бывшие фронтовики.

Слабые от операций,
Бледные дозелена,
Вот уже как лет пятнадцать
Жить мешает им война.

Ветерком двоих качает,
Кто-то стонет, кто-то спит,
Зорькой, цветом иван-чая
Грудка голубя горит.

Он обходит подоконник;
Осторожней, чем к огню,
Тянутся к нему ладони,
Мявшие, как воск, броню.

Веткой синих вен повиты,
Слабы руки у ребят.
Ходит голубь домовито,
Глаз кося, вперед, назад.

Вовсе не эмблема века,
А живое существо
Под защитой человека,
Утешение его.

КУРГАН-ГЕРОЙ

Я слышал, что курган Мамаев
В бетон и мрамор одевают.
Ревут бульдозеры и скреперы
Над зимней Волгою с утра,
Сшивается стальными скрепами
Сегодня наше и вчера.
Так, значит, верно, в самом деле
Прошло с той битвы двадцать лет,
Когда в солдатские шинели
И в ватники он был одет.
Когда сто дней катились волны
Свинца и пламени над ним,
А он стоял сто дней у Волги,
Прикрытый мужеством одним.
И пусть оно предстанет в мраморе,
Пока еще тревожен век.
Над ним всегда в дыму и пламени
Лететь на землю будет снег.
И из траншей неперекопанных
Вставать солдаты будут в рост
Над Азией и над Европою.
Ушанками касаясь звезд.

Новое время — новые песни.

Поговорка

Ах, песни старые, забытые,
Запеты до хрипоты,
В недавнем прошлом знаменитые,
Вы словно в молодость мосты.
Вздохнет ли драная гармоника,
Затянет ли осевший бас,
Встаю, иду в края, где конники
И радуги
Благословляют вас.
Иду туда, где зори дымные,
Где блеск брони и звон костров,
От Одера идут до Зимнего,
К себе и в молодость отцов.
Пусть наотрез права пословица,
Я с ней не спорю, не хочу.
А песня все-таки не клонится,
И ей такое по плечу.
Смотри, вошла она — и дрогнули
Глаза, и губы, и сердца
Перед летящею дорогою,
И снова славе нет конца.
И сторонятся те, которые
Новы и модны, может быть,
Но без огня того и пороха,
Чем вас сумели начинить
Святые, юные, неизвестные
И бескорыстные творцы —
Признание себе не песнями
Снискавшие в огне бойцы.

СОСНА

На белом, розовом, на синем,
На голубеющем снегу
Лежит сосна, роняя иней,
Как бы споткнувшись на бегу.
На сахарном снегу пластался,
Вся зелена, вся золотая
И в кроне солнцем обливаясь,
Звенит и рвется высота.

Но от сравнения с солдатом
Я отрешиться не могу,
Вот так споткнувшимся когда-то,
Назад лет двадцать на снегу.
Ну что ж, перед годами теми
Я не стыжусь банальным быть.
Лежит сосна,
Не властно время
Того, что было, изменить.

НЕВСКАЯ ДУБРОВКА

Б. Пидемскому

Мы с товарищем бродим по Невской Дубровке,
Два довольно-таки пожилые хрыча,
Будто мы разломили на круг поллитровку,
Мы с товарищем плачем и солдатские песни

поем...

Вот он, берег Невы сорок первого года.
Двадцать лет поднималась и жухла трава,
Шли дожди и снега, лишь одна оставалась

пехота, —

Та, что в берег вцепилась, от дивизии рота
В сорок первом году, ни жива ни мертва.
Вспоминает полковник лейтенантское звание,
Вспоминает о Женьке, санитарке глазастой, —
Как она полоскала рубашку свою и рвала,

как ромашку, для раненых, —

И смеется, как будто бы вспомнил о счастье.
А в траве земляника пылает на брустверах,
И солдаты лежат между ржавыми минами,
И, наверное, Женька — красавица русая —
Пулеметом порубана, где-то рядышком, милая.
Вспоминает полковник, а земля исковеркана,
Двадцать лет ничего на земле не разгладили,
Да и мы — как земля, наша память, наверное,
Будет тоже, как эта земля, вечно в ссадинах.
На шоссе ждет машина нас, зря надрывается.
От воронки к воронке над траншеями медленно
В бой на Невской Дубровке от земли отрываются
Пять солдат с лейтенантом, из роты последние.
Ничего нет вокруг, но велением памяти

**Мины рвут тишину, лейтенант чертыхается,
И солдаты встают... Воздвигается памятью**

ПАМЯТНИК.

Там, где нету его, но стоять ему там

полагается.

А вокруг — мирный луг, а вокруг — жизнь

нормальная.

По Неве к Валааму плывет теплоход, полон песнями.

Но сердца, словно компасов стрелки над аномалией,

Бьют о ребра вовсю, будто тесно им, тесно им.

А водителю Вите лет двадцать, не более.

Столько, сколько нам в армии было когда-то.

Он включил себе радио, не идет с нами в поле,

Наши слезы и песни ему непонятны.

Что ему это поле, — как нам Куликово, не боле!..

Хлещет радио джазами над погостом в костях

и металле.

Мы с товарищем, с нашей славой, с болями,

Эпопеей для Витьки, историей стали.

Только мы не история, мы в нее не годимся, —

В нас ликуют и плачут железные годы,

И живут там солдаты, и хрипят: «Не сдадимся!».

Делят хлеб и патроны у бездонного брода.

Делят хлеб и патроны, разгружают понтоны.

Нам бы надо обидеться на курносого Витю.

Но у жизни есть горя и счастья законы.

Наше — нам, юность — юным, и мы не в обиде.

И зачем ему, Витьке, за нас нашей памятью

МУЧИТЬСЯ.

Ах, зачем, все равно у него не получится.

Свищут птицы, горит земляника на брустверах,

Полон Витька к истории благодарности и

уважения.

Он глядит на шоссе и на девочек в брючках,

без устали

Мчащих велосипеды вдоль древнего поля сражения.

РАССКАЗ СОЛДАТА

Мне вовек не забыть ту пору.
Был тогда я еще юнцом,
Но солдатом, нюхавшим порох,
Защищал над Невой город
И срывал блокады кольцо.
Разве вспомнишь все про блокаду?
Девятьсот ее дней горят,
Как скрижали мужества. Надо
Их читать со всем Ленинградом,
Я же был лишь его солдатом
В январе много лет назад.
...Был по ротам и батальонам
Нам зачитан приказ — и вот
Клич по фронту пошел поименный,
Ни в один устав не внесенный. —
Коммунисты идут вперед!
И пошли вперед коммунисты,
Честью этою дорожа,
Над землей огневой и мгlistой
Первый в грудь принимая выстрел,
И качнулась земля, дрожа.
Дым окутал Воронью гору.
Грянул гром из тыщи стволов,
Взвыли танковые моторы.
И глядел легендарный город
На работу своих сынов.
На снегу, кипящем от стали.
Встал весь фронт как один солдат,
Как мы верили — день настанет!

Как мы часа этого ждали —
Знает только лишь Ленинград.
На прямую наводку пушки
На руках расчеты несли.
Водрузив на снину катушки,
Связь тянули связисты. «Катюши»
Били с ходу огнем ревущим,
Пулеметы землю мели.
Не какой-то отдельный гений
Этот день в штабах начертал,
А народ с великим терпением
Сам готовил его в сраженьях,
В непомерных своих лишениях
Сам победу эту ковал.
И теперь, когда жарким светом
Вновь горит салют на Неве,
Я-то знаю — над парашетом
Хоть одна да летит ракета
И за наш экипаж КВ.
Город празднует, веселится
Золотой рассыпает дождь.
И наверное, за границей
Кой-кому при этом не спится,
Кто-то злобствует. Ну так что ж!
Было дело в сорок четвертом,
Нам не грех вспомнить о нем, —
Как мы доты сметали к черту,
Как завидовал немец мертвым
И с ума сходил под огнем,
Как на город сошла минута
Тишины победных годов
После дней тех блокадных лютых...
Как народ громыхал салютом
Сам себе изо всех стволов.

Не считал я закаты,
Не считал я рассветы,
Верил только в загады
И не верил в приметы.

Я пришел в сорок пятом
Опаленный, живой,
Молодой, конопатый,
С золотой головой.

Думал, глянув на лето:
Жизнь еще впереди.
Все, что кончилось. — это
Уходя — уходи...

Не считал я закаты,
Не считал я рассветы.
Пожилым, бородатым
Вспомнил дальнее лето.

Сосчитал и закаты,
Сосчитал и рассветы —
Позабыл про загады
И поверил в приметы.

Глянул в дальнее лето —
Защемило в груди...
Все, что кончилось, где ты?
Жизнь, стой. погоди!

Это было все-таки со мной
В день девятый мая, в сорок пятом:
Мир желанный на оси земной
Утвердил я, будучи солдатом.

Пели птицы, радуга цвела,
Мокрой солью заливало щеки...
А земля сожженная ждала,
И с нее я начал, как с оплохи.

Начал вновь мечты и все дела,
Села, пашни, города, плотины,
Выбелив на солнце добела
Гимнастерки жесткую холстину.

Это было все-таки со мной.
Для труда, прогулки и парада
Не имел я лучшего наряда
И в рабочий день и в выходной.

Кто-то за железною стеной
Рабским посчитал мое терпенье.
Что ему сказать? Его с коленей
В сорок пятом поднял я весной.
Начиная мира сотворенье.

Шел бетон, вставляли корпуса,
Реки переламывали спины,
Домны озаряли небеса,
Плуг переворачивал равнины.

Это было все-таки со мной.
С неба на земные континенты
Я ступил, затмив собой легенды,
В форме космонавта голубой.

Я иду дорогою земной,
Перед солнцем не смежая веки...
Все, что в мире делается мной,
Остается на земле навеки.

В БРЕСТЕ

Здесь первый шаг свой сделала война
В июне, в сорок первом, на рассвете.
Здесь нынче соловьи, и тишина
Струится в заводи с зеленых ветел.
Бетона глыбы разметал тротил,
Черны провалы старых казематов,
И прячутся ромашки меж могил
На кладбище, где спят одни солдаты.
Не все еще известны имена
Тех, кто стоял здесь насмерть в сорок
первом,
Тех, кто отдал ей честь свою и верность,
Когда еще спала вдали страна.
Но в небесах синеют здесь глаза
Солдат, взглянувших первыми на пламя.
Стирается во времени гроза
Квадратных крыльев с черными крестами,
Уходит взрывов дальняя волна
В историю на тихие страницы...
И над землей встают их имена —
Русоволосых, юных, круглолицых.
Не требуя ни славы, ни наград,
Все, что могли, свершили здесь солдаты.
Год сорок первый только ими свят,
Без них бы не настал и сорок пятый.
Я в Брест вхожу, как в сорок первый год.
Гремят о землю тяжкие удары,
И принимает комендантский взвод
На грудь свою железный натиск армий.

Он не был вероломством потрясен
И паникой внезапности охвачен,
Бесстрашно ждал минуты этой он, —
Как мог бы здесь он устоять иначе?
Без гимнастеров, с коек на траву,
Расставив прочно сошки пулеметов,
Залег он здесь, у крепости во рву,
Как на Берлин идущая пехота.
Год сорок первый, сорок смертный год,
Но в нем встает, здесь присягнув державе,
Не отступавший комендантский взвод
В крови, железе и бессмертной славе.
Встает он в соловьиной стороне,
В росе и травах молодых по пояс,
И слушает, как мчится в тишине
«Москва — Берлин», зеленый скорый поезд.

Я на войне писал стихи украдкой,
 Скрывал стихи от посторонних глаз,
 Под картой в сумке прятал я тетрадку.
 Друзья просили: напиши про нас!
 Про то, как писем ждем,
 Про то, как у сержанта
 Жена в тылу с другим, не прячась

не таясь...

Про то, как мы тоскуем.
 Ты таланта
 Не пожалей
 И напиши про нас.
 А я стихи писал, когда все спали.
 Все про себя писал. Как тосковал я сам,
 Как писем ждал,
 Хотел, чтоб вспоминали,
 Не забывали... Я отказывал друзьям.
 Я говорил им, сонным и усталым:
 Отстаньте, я пишу письмо домой...
 Домой! И лица им улыбка озаряла —
 Прости, пожалуйста, само собой...
 Они валились в сны свои на нары,
 Коштилка замирала в тишине.
 И я писал, за то им благодарный,
 Что не мешали мне.
 А ночь в громах ворочалась снаружи,
 Стучала пулеметною строкой.
 Я юным был, и было мне не нужно
 Заемных чувств, чтоб быть самим собой.

...Не было ни маршей, ни речей,
Ни знамен. ни воинских парадов.
Был он — ослепивший свет очей —
День, в который ничего не надо.
Солнце было, были небеса,
Каторжная кончилась работа,
Та, что длилась будто без конца
И без роздыха четыре года.
И никто не вспоминал о ней,
Все мечтали только о грядущем —
В солнце ясном, в дождике идущем,
В рощах, в тишине, в игре теней.
Били в небо, гнали лошадей,
Плакали, на месте застывая..
Кончилась вторая мировая,
И никто не вспоминал о ней.

Мы для костров рубили топором
В землянках все, что было нашим бытом.
Разогревали масло над костром,
Настраиwали рации открыто.
Чехлы срывали с пушечных стволов.
Делили водку, заводили танки,
А над землей в ту ночь огнем мело,
Ревело небо перед днем атаки.
И кто из нас тогда подумать мог,
Что вспомнят через два десятилетия
И эту ночь, и день, пришедший в срок,
И праздником страна его отметит.
Кто мог подумать и вообразить,
Что будут оды и статьи в газетах.
Минуты не было, чтоб покурить.
Не то чтобы еще мечтать при этом.
Дрожала из конца в конец земля,
День занимался над равниной белой.
Как трубы, грохотали дизеля.
Сталь на морозе колоколом пела.

СОЛДАТСКИЙ МАРШ

В этот день гремели марши, марши —
Громогласны, бра́вурны, легки.
Из Берлина воротились наши
Славой осененные полки.
Но не вспомнить всех гремевших песен,
Маршей всех в тот день победный наш.
В этом дне один далекий есть — он
Навсегда запавший в душу марш.
Смолкли трубы сводного оркестра
Гролом перекатным по стране,
И возник не медный, не железный
Стук сапог солдатских в тишине.
Он катился по земному шару —
По лесам, по пашням, по траве..
Шли солдаты шагом, шагом, шагом,
Шли по Красной площади в Москве.
Шли без труб, без музыки, без грома,
Словно в чужедальной стороне.
Шли привычно, тяжело, знакомо,
Как четыре года на войне,
Как в походе, как это бывает.
Лишь врывался в шаг неожиданно вдруг,
На мгновенье ритм перебивая,
Дерева сухой, трескучий стук.
Словно кто-то сваливал поленья
В кучу с ходу, прямо через борт.
Это к Мавзолею на ступени
Падали штандарты вражьих орд.

Это шли солдаты шагом, шагом, —
Ряд за рядом, тысяча рядов.
И бросали стяги, стяги стяги
Армий, эскадрилий и флотов.
С той минуты по земному шару
Не стихает, помнится, гремит,
Как идут солдаты шагом, шагом,
Как летят штандарты на гранит.

НА ПИОНЕРСКОМ СБОРЕ

На сцене в пионерском хоре
Поют бесстрашно пацаны
Стальные песни из истории
Отечественной войны.
На сцене, голосами ломаными,
Под медь трубы и барабан.
Поют «Вставай, страна огромная» —
Гимн всех солдат и партизан.
А в зале словно бы в печали —
И седина и ордена —
Сидят родители в молчанье,
Как вставшая на бой страна.
На этом пионерском сборе
Они почувствовали вдруг,
Что стали эпосом, историей.
Что времени замкнулся круг.
Что где-то снова рядом с ними
Дружки, погибшие в бою.
А барабан гремит во имя,
А голоса зовут, поют,
Как будто не мальчишки юные
Под красным знаменем, а полк,
И поступь у него чугунная —
Здесь, в школе, встал и вдаль пошел.
Застыли в тихом зале матери,
У глаз расширенных платки:
На бой смертельный с неприятелем
Уходят милые сынки.
Уходят вдаль и не вернутся,

Уходят в пламя, дождь и снег,
А матери всё остаются
Из года в год, из века в век.
Смешались времена и даты,
Глядит в глаза отцов война.
Из века в век идут солдаты,
А родина на всех одна.
На всех — на тех седых в молчанье.
На всех — на тоненьких юнцов,
Что, словно бы однополчане,
Поют на сцене песнь отцов.

Красный бархат и алый шелк,
На траве преклонил колени
Тридцать третий гвардейский полк,
А на знамени в небе — Ленин.
Где-то там, в полковом строю,
Лейтенант в свои девятнадцать.
На одном колене стою
Со словами клятвы солдатской.
Шлем кирзовый в руке зажат,
Говорю слова беззаветно
Четверть века тому назад,
А как будто вчера все это.
Небо рвется над головой
В черных всплесках осенней сини.
А на завтра уходим в бой,
В бой за Ленина и Россию.
Горьким дымом плещут ветра,
Пахнут кровью, газойлем, толом.
Все как будто было вчера.
Только я уж давно не молод.
Почему же не раз, не два
Вспоминаются неизменно
Небо грозное и трава
Та, железная, под коленом?
Вспоминаются не в бою —
Где-то в залах и кабинетах,
И в далеком чужом краю.
На краю почти бела света.

Видно, память крепка у нас
Или просто дело не в датах, —
Присягают солдаты раз,
Только раз присягают солдаты.

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

А наши песни остаются,
И в пригородных поездах
Они опять всюду поются,
Как мы их пели на фронтах.
Есть на веревочке гитара.
Своя компания вокруг.
И нет на свете песни старой,
И времени замкнулся круг.
Поют ее, как мы певали,
Вдруг повзрослевшие юнцы.
Поют опять не трали-вали,
А то, что деды и отцы,
Когда им было лет по двадцать,
Когда, казалось, тишь и гладь,
А завтра надо призываться,
А послезавтра умирать.
Летит вагон заре вдогонку,
Ах, как натянута струна!
И мы стоим грустя, в сторонке,
И родина на всех одна.

Опять на старую гляжу
 На фотокарточку оттуда,
 Где жизнь моя в огне, как чудо,
 Шла по стальному рубежу.
 Чему он радуется там,
 Юнец, мальчишка в гимнастерке,
 Бомбежке, на снегу кострам,
 Щепотке рубленой махорки?
 Он, улыбаясь, на меня
 Глядит из взорванного мира.
 В планшете кирпичном храня
 Настроенную музой лиру.
 Чему он радуется там?
 Снаряд шальной, завыв, ударит,
 И он не пискнет, как комарик.
 А полк уйдет к иным огням.
 Гомер гвардейского полка.
 Ни жизни, ни любви не зная,
 Он может все наверняка.
 О чем я не предполагаю.
 Возьмет немытой пятерней
 В горсть переливчатые струны —
 И я пред ним замру немой,
 Завистливо, как мальчик юный.
 Ракета над полком взойдет.
 Он эту лиру к черту кинет,
 И рейх к его ногам падет
 В дыму в поверженном Берлине.

Танкист гвардейского полка,
Мальчишка. искра грозной бури,
На что он там издалека
Глаза улыбчивые щурит?..

Что знаю я о мире и войне?
Да ничего.
Как в травах льются росы,
Как бьет свинец по танковой броне...
А что еще?
Ты задавай вопросы.

Философ лоб наморщит, как Сократ.
Политик соловьем залется в пенье.
Ты уши раскрывай, он только рад.
Он полон весь глобальных обобщений.

Я знаю лишь подробности одни.
Я ими обожжен и зачарован
Ты их забудь. Но все же сохрани,
Как найденную некогда подкову.

Когда-нибудь и зазвенит она.
И ты рукой коснешься строчки ржавой.
Есть мир на свете.
Но была война.
И кровью и железом пахнут травы...

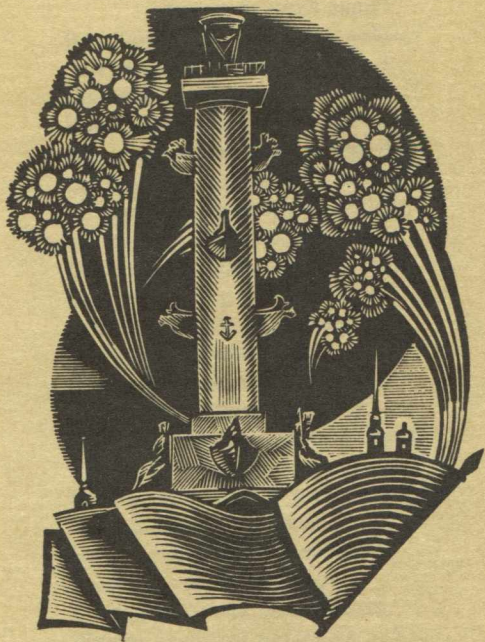
БАЛЛАДА О ПАРЛАМЕНТЕРЕ

Армиями оставленный,
Веря в добро и чудо,
Стоит капитан Остапенко —
Один на дороге в Буду.
Друзья его позабыли,
Жизнь его стала былью.
Белой походной пылью
Годы его покрыли.

А за Дунаем синим
С почтою голубиной,
С молниями соборов —
Сахарно-белый город.
Красные трубы Пешта.
Арки мостов чугуновых.
Стоит капитан безгрешный —
Русоволосый, юный.

Ревут в сорок пятом танки,
Пламя над всем Дунаем,
А капитан, как ангел,
Городу мир предлагает —
В стираной гимнастерке,
Один, даже без нагана.
Восемь дивизий Хорти
Целятся в грудь капитана.

Годы, праздники, будни
Плывут себе по Дунаю.
Пляшут мальчишки в Буде,
И он им мир предлагает.

Мир секретарше мэра
В руке с угольком помады,
Пенсионерам в скверах,
Памятникам и оградям.

Где-то на дальних реках
Снова бушует пламя..
Мир предлагая веку,
В камень врос сапогами —
Армиями оставленный, —
С верой в добро и чудо
Стоит капитан Остапенко
Один на дороге в Буду.

В заздравной дате государства,
 Отмеченной календарем.
 Еще дымится снег январский,
 Кинжальным вспоротый огнем.
 Еще цветет над Ленинградом
 Салют, качается в глазах,
 Во имя снятия блокады,
 На улицах и площадях.
 Не все, что было, бронзой стало
 И медью литер прописных,
 Хотя уже, как зубров, мало
 Участников боев живых
 И тех блокадников, которым
 За девятьсот ночей и дней
 С тех пор обязан жизнью город
 И ратной славою своей.
 Все то, что было, — с ними рядом:
 Им кажется, еще вчера
 На Невском падали снаряды,
 Звенели в небе «мессера»,
 В снегу по пояс шла пехота,
 Жизнь хлебным мерилась пайком, —
 Но им не то что нет охоты
 Сегодня вспоминать о том,
 А нечего добавить словом
 К молчанью павших дорогих,
 Где снег, не ведая о славе,
 Летит из года в год на них.

В соседях ближних, в землях дальних
Сильнее слов любых гремит
Молчанье мемориальных
Гранитных пискаревских плит...

Костры горели на снегу,
Мы их сооружали быстро —
Ведро газойля из канистры,
И, как деревья, шли танкисты
Погреться, покурить в кругу.
Друг друга подперев плечами,
Никто не заводил бесед, —
У каждого свое молчанье,
Свои слова, свой в лицах свет.

Костры горели на снегу...
Настало время мне признаться:
Ни мужество, ни долг солдатский,
С тех пор забыть я не могу —
На черном фронтовом снегу
Круг человеческого братства.

Самые отважные солдаты
 Были те, что не пришли домой,
 В день Победы, в мае, в сорок пятом,
 Став навеки родиной самой.
 Как редело наше поколение —
 Звездам в небе гаснувшим сродни —
 Знают только русские селенья,
 Города да матери одни.
 Как в жару в степи мелеют реки
 И сады сгорают в тишине,
 Лучшие друзья у нас навеки
 В юности остались, на войне.
 Не хотим мы выйти в генералы,
 Меньше нас на том, чем на том.
 Время что-то с нами потеряло,
 Что не смог бы кроме нас никто.

Молча спят под бронзовую сенью
 Памятников в скверах городских
 Циолковский наш и наш Есенин,
 Не раскрывши замыслов своих.
 А года без них всё длятся, длятся...
 Ах, как в мире холодно без них!
 Цепь порвалась. Павшим не подняться,
 Чтобы на земле согреть живых.
 Только плещет пламя над гранитом.
 Нерушима кладбищ тишина.
 Кто забыт — не знаем. Что забыто?
 Ничего не скажут имена...

Какое лето шло по всей стране,
 Все в ливнях зноя, тишины и света.
 Когда война, готовая к войне,
 Ждала сигнала.
 Ах, какое лето!
 Хлеба стояли на полях стеной,
 Шли к морю поезда с отпускниками.
 За город собирались в выходной
 Компаниями, школами, цехами.
 А в Греции и в Африке бои,
 А в Бресте у старинных казематов
 Грохочут на закате соловьи
 И спать ложатся с песнями солдаты.
 Нам с той поры не позабыть вовек
 Той тишины, спустившейся на травы,
 На рощи и на русла синих рек,
 На города и веси всей державы.

• • • • •

Не шутки шутим, на земле живем,
 Ее железом били, кровью мыли.
 И даже в день, когда замолкнул гром,
 Мы этой тишины не позабыли.
 Мы не забыли сорок первый год.
 Да, мы солдаты, с той поры солдаты.
 ...Какое лето по земле идет,
 В хлебах и травах, пахнущее мятой...

Живым поверка. Павшим слава.
Салюты гром и тишина.
Победу празднует держава,
Надев цветы и ордена.

От маршала и до солдата
Перед Победой все равны,
Как были ей равны когда-то
В день окончания войны.

На площадях и на полянах —
Повсюду царствует она
В дворцах бетонных и стеклянных,
В избе всего на три окна.

И только мальчики с портретов,
Как много лет тому назад,
Не увидавшие Победы,
Со снимков в траурных багетах
На матерей одни глядят.

Такой уж день, дела такие —
Со счастьем боль неупроорот.
Творец истории России —
Победу празднует народ.

ОКТЯБРЬСКИЙ ПАТРУЛЬ

Земля была все той же, небо тоже
Меж затененных каменных громад.
И по бедру легко стучали логи
Патрульных, обходивших Петроград.
Пальтишки настужь. Холодок осенний
Был нипочем на утренней заре.
День начинался. Первый день творенья
В семнадцатом, восьмого в ноябре.
Был город тем же. Но над ним на Зимнем
Горел, плескался, вился алый стяг
На тонком древке в небе блекло-синем,
И был патрульных скор и весел шаг.
От Смольного по каменным ступеням
Они спустились и пошли смеясь.
Из кабинета глянув вслед им, Ленин
Свет погасил. Заря в окно лилась.
И шли они счастливые, как дети,
По середине улицы втроем,
И эхо их шагов по всей планете
Уже катилось, как весенний гром.
Ломались троны, падали короны,
Горел разбитый бомбами рейхстаг.
Был Невский тих, снежком посеребранный,
И по нему патруль чеканил шаг.
Балтийский ветер дул с реки морозной,
Шагал патруль, по Невскому шагал.
И космодром, нацеленный на звезды,
Гагарину скафандры примерял.

Вниз на Гавану с гор спускался Кастро,
Меконг с сампанов вел огонь в зенит.
Шагал патруль уверенно и властно,
Зажав в багровых кулаках ремни.
Над Африкой гремели барабаны,
Знамена поднимали племена.
И сотрясались города и страны, —
Такой была на Невском тишина.
Вдали, у Александровского сада,
Проснулись птицы, плыл костра дымок,
И самый юный, с сердцем нету сладу,
Пел песенку веселую, как мог.
Земля была все той же, небо то же, —
Но он не тот. Не бог и не герой.
Па внуков и детей своих похожий,
Он с песней шел, как будто брат с сестрой.
Был первый день. Еще был молод Ленин,
Немногим больше сорока пяти.
Шагал патруль, и, разгоня тени,
Вставало солнце на его пути.
С «Путилова», а может быть, с «Айваза»,
С Обуховского, знать, наверняка,
Шагал и пел он, юный, синеглазый,
Девчонкой не целованный пока.
Я с ним сойду в одном окопе вместе —
Блокаду прорывать в сорок втором.
Он будет мой товарищ и ровесник,
Мы встанем с ним на бруствер и пойдем
Под нулями и минами как надо.
И я себя почувствую, что вдруг
В семнадцатом году по Петрограду
Иду на розовеющем ветру.
Что жив еще и молод в Смольном Ленин,
Он в синее окно глядит нам вслед.
Мы только что спустились по ступеням
И двинулись с винтовками в рассвет.

Еще на свете первый день творенья,
Горят огни на рострах. Слит вода.
Стоят в метро вагоны без движенья,
И лишь патруль идет через года.

БАЛЛАДА ВЗЛЕТА

Снега без меры, без конца и края,
Зима в России землю замела.
Гляжу на них, и кажется — читаю
По ним ее заботы и дела.
Деревни на снегу в лесах сосновых
Струят дымки, бесхитростно просты,
И от деревни до деревни новой
Снега повсюду празднично чисты.
Нога на них ни разу не ступала,
Лежат под снегом напши и сады.
Куда идти сквозь белые завалы,
Зачем?
Как видно, нет такой нужды.
Вот тропка к бане. Вот дорога
в город.
Желта тропинка к скотному двору.
И все.
А дальше чистые просторы,
Нетронутые, белые вокруг.
Но где-то далеко, в районе энском
Протаяны снега и сожжены.
Там голос счет отсчитывает резко
Среди непогрешимой тишины,
Земля качнулась, от удара
дрогнув,
Ракета встала на столбе огня.
Здесь к звездам начинается дорога,
В неведомое шар земной мая.

В нее вплелись тропинки всей

России,

Бегущие в безмолвии снегов,

Как струи газа в пламени косые

И молнии неспешных большаков.

Так вот она дорога, та дорога

От заметенных деревень страны,

От струганого теплого порога,

Где веник притулился у стены.

.

Что говорили вам минуты эти,

Когда, оставшись с кораблем одни,

Вы шли в скафандрах молча

по планете?

Наверное, сказали вам они:

— Возьмите вербы мерзлые

в дорогу,

Звонящие над речкой ледяной,

Хруст снега у обжитого порога,

Дымок деревни из трубы печной,

Звон эстакады выгнутого моста,

Гул городов и тишину полей, —

Возьмите их с собой в дорогу

к звездам —

Все может пригодиться вам на ней.

Как снаряжали вас, как собирали

В дорогу, у которой нет конца, —

Есть лишь Россия-мать

В ее начале,

Дороги этой.

В посविствах свинца,

В пожарах красных вдоль

по горизонту,

И сборы в путь — их вспоминаю я.

Там сыновья по ней уходят
к фронту,
Ее единственные сыновья.
Уходят, чтоб в бою поднять
Россию
В победном сорок пятом в высоту,
Которую никто не мог осилить,
Явив земле святую красоту.
И вы летите, поднимая доли,
И горы все ее, и города.
И сельскую бревенчатую школу,
Где мальчики читают по складам.
Там с вами все, что детство
открывало
Здесь, в городе гранитном
над Невой,
Где Ленин у Финляндского вокзала
Встречает день на башне броневой.
Грохочут дюзы, небо разрывая,
Все выше поднимается страна,
И люди смотрят, глаз не отрывая, —
Всем снизу на земле она видна.
И я лечу за вами следом мыслью,
Хотя бы на секунду на одну,
Туда, где звезды неподвижно
виснут,
Чтобы увидеть разом всю страну.
Россия сверху, словно ствол
березы,
Белым-бела, вся в трещинах дорог.
В бугристых темных застругах
мороза
На ней Урал, как будто смол
подтек.
Бела кора березы и бугриста,
Гладка и заскорузла и нежна.

Береза на земле в туманах

мглистых

И в ясном солнце на земле одна.

Да и земля одна. Вокруг лишь

звезды,

Шар голубой в крошечной темноте,

На нем Россия — белая береза,

И нет ее милее в высоте.

Ракеты. Космонавты. Космодром.

Вы скажете — что смыслю я

в ракетах,

Валетающих, несущих в небо гром

Над гребнями алеющих рассветов?

Я знаю их, как стихотворец стих,

В том самом главном знаю,

изначально.

Послушайте, я расскажу о них

Не хуже, чем конструктор

генеральный.

Я с юности с ракетами знаком.

У Черной речки били пулеметы.

Ракета поднималась над леском

И поднимала над снегами роты.

Земное притяжение порвав,

От мерзлой глины отодрав шинели,

Вставали парни, смертью смерть

поправ,

Ругаясь хрипло в огненной метели.

Мы в танке на морозе в тишине

Ракету ждем: мы без нее

не можем.

Скинь рукавицу, прикоснись

к броне —

И ты на ней оставишь с пальцев

кожу.

На пятерых одна сигарка вокруг
Поочередно обжигает губы.
Редает тьма. И над землею вдруг
Взрывают небо яростные трубы.
Сто молний озаряют облака,
Ракетный залп «катюш» ревет
в округе.

Сейчас настанет очередь полка.
Мы жмем стартеры, опускаем
люки...

А через день под елью у костра,
Не по заказу, по своей охоте
(Пусть сверят даты лет редактора),
Я напишу о том в своем блокноте:
«Потомок наш о нас еще

вспомынет

В каком-то многотысячном году,
В путь отправляясь на ракетоплане
На только что открытую звезду.
Не представляя, как от звона стали
Земля дрожала в пламени костров
И как ракеты толком начиняли
И посылали предки на врагов.
Он скажет так (и прав, пожалуй,
будет,

Лишь по преданьям знающий
войну):

— В тот дальний век изобретали
люди

«Катюшу» для полета на Луну».

Хотел бы прямо, без обиняков,
А как сказать, чтоб ты в меня поверил.
Я роюсь в груди обветшалых слов
И целой жизнью меряю потерю.
С углями перемешано, с золой
Оно, как несгоревшая железка,
Омыто кровью, потом и землей,
От ржавчины очищено до блеска.
Я жил и мыслил, подтвердит оно,
Скрепляя расступившиеся звенья
Годов нелегких, минувших давно.
И новых дней упрямое рождение.
А ты однажды распахнешь окно —
Ворвется ветер с дымом и озоном,
И ты со мною будешь заодно
Дышать им так же, как во время оно
И я дышал.
Шли грозы по реке,
От жажды выгорали побережья,
И чье-то сердце падало в тоске,
И подымалось все-таки в надежде...

РОВЕСНИКАМ

Опять придвинулись
И не дают вздохнуть
Года, которые мне были как награда.
В них просто умереть,
Как в небеса взглянуть.
А жить не просто,
Если жить как надо.
Я думал там,
Когда домой вернусь,
Забуду их и все начну сначала.
Поверю в радость,
Тишину и грусть.
И будет мне,
Как прежде, горя мало.
Но вновь придвинулись
И не дают вздохнуть
Года, как поле снежное с колючкой ржавой.
Люк закрываю,
Выбираю путь.
И никакого дела нет до славы.
Не шутки шутим —
На земле живем.
Ее железом били,
Кровью мыли.
И неужели мы с нее уйдем,
Как травы, без следа,
И станем пылью?
Что травы — да.
Что станем — тоже да.

Но в нас витал
Свободы грозный гений.
Мы шли освобождая города
И поднимая нации с коленей.
...За пятьдесят товарищам моим.
Им некуда от времени деваться,
Лысеющим, стареющим, седым.
А мне все кажется,
Что им по двадцать.
Гляжу на них и вижу те года,
Где шли они
Во всей красе и силе,
Когда была Россия молода
И судьбами ее
Они вершили.
Там в кирзовых планшетах
Вся она
Лежала поквратно на двухверстках,
Коричневая, желтая и зеленая,
Им во владенье отдана
По горсткам.
Что горсть ее?
Да — глина, да — песок.
Но сталь еще,
И кровь, и пот при этом,
И летний полдень ясен и высок,
Листья шумна,
И птицы свищут с веток.
Лысеющим, стареющим, седым,
С ней всем моим товарищам по двадцать.
Она, как соль
Для хлеба лет и зим,
Что и без нас ведь
Будут нарождаться...

О, русская земля, ты уже за холмами еси!

«Слово о полку Игореве»

Всю ночь за лесом где-то шла гроза.
И мне казалось, что на белом свете
Я молод вновь, как высказать нельзя,
И сплю на фронте в эшелоне третьем.
Возле дороги в травах и лозе,
Раскинув руки, ниц упав неловко,
Я силю один, похоронив друзей.
Полк отвели на переформировку.
Горят на горизонте города,
Кричат дороги, пыль белей известки,
А мне не будет в жизни никогда
Спокойней, чем на этом перекрестке.
Как будто в древней песне — позади
Уже Россия за холмами где-то.
И на плече моем, присев, сидит,
Как на холме, птенец, теплом согретый.
Меня не будит ни орудий рев,
Ни марш пехоты, проходящей мимо.
Высокий день встает из-за холмов,
И солнце раздвигает клубы дыма
Из-за холмов, из-за моей спины,
Покрытой солью белой гимнастерки.
Кончается четвертый год войны,
И где-то дребезжат окошка створки.
А это все за лесом шла гроза,
Гром полыхал, и падали зарницы.
Слезами застилали мне глаза
Друзей погибших молодые лица,
Была душа тревогою полна,

Забывшие сильнее болели раны,
И вспыхивала белая стена,
Печатавшая перекрестье рамы.
На горизонте вновь стоял пожар,
Крича летели испуганные птицы,
А я один, я без оружия, стар,
И даже пальцем не пошевелиться..

Мы говорим, задумываясь редко,
Что время беспощадное течет.
Как на войне,—с кем бы пошел в разведку?—
А думать надо: кто с тобой пойдет?

Да, так и было. Встанешь с автоматом,
Кисет за пазуху — и на народ.
И говорилось: — Кто со мной, ребята? —
И добавлялось: — Два шага вперед..

Все меньше, меньше остается рядом
Товарищей хороших и друзей
Не потому, что падают снаряды
Давно на территории твоей.

Скорей всего, что ты не тот, который
Когда-то был, и в этом вся беда.
Металл заржавел, порастрачен порох,
И незачем ссылаться на года.

Крутые горки укатали сивку —
Не поговорка, мука — поделом.
Ах, не в разведку, в юность на побывку,
И запастись бы верой и теплом.

Тогда бы можно и не хитровато:
— С кем я пошел бы? — молвить в свой черед.
А очень просто: — Кто со мной, ребята? —
И помолчать. И два шага вперед..

Что было, то было. И все же
Забылось, былшем поросло.
Быльем, ни на что не похожим,
Ко мне обернувшимся зло.

Однако, ни в чем не изверясь,
Встречая вчерашних друзей,
Иду, как по жердочке, через
Болотный глубокий ручей.

Курю на ветру сигареты.
Веселые сыплю слова,
Встречаю с надеждой рассветы
И знаю, что правда права.

Вот только неожиданно зальется
Вдруг сердце тоской на ходу
По ржавому, в минах болотцу
В глухом сорок третьем году...

Стоят в европейских державах неблизких
И рядом с Россией, на Висле и Влтаве,
С армейскою алой звездой обелиски,
Которые год сорок пятый оставил.
Ах, год сорок пятый, великий и святой!
От щедрого сердца, не требуя платы,
Свободу и счастье дарили солдаты,
А сами ложились под холмик горбатый.
А годы меняет земля, как обновы.
А время все мирное длится с рассвета.
Четыреста лет не бывало такого
Периода мира в Европе, как этот.
Четыреста лет не бывало ни неба,
Ни солнца такого на Влтаве и Висле.
И белыми сделались ленточки крепа,
И темными стали с звездой обелиски.
Гремит на бетонных дорогах музыка,
Неонные зори сияют влюбленным,
На зимних курортах смешенье языков,
Под флагами наций ревут стадионы.
Все правильно!
Так и хотелось тогда
Идущим до Шпреи, до Вислы, до Влтавы,
Чтоб мир нерушимый сошел на державы,
Где шли они, с боем беря города.
Такого они сокрушили врага,
Такую победу их сталь утвердила,
Что ими оплачены даже снега,
Которые их покрывают могилы!..

ВОСПОМИНАНИЕ О ТЫЛЕ

Однажды зимой в сорок третьем
Судьба фронтовая моя,
Как будто наградой отметив,
Закинула в наши края.
В ремнях, в полушубке дубленом
Мне был и мороз — не мороз,
С пайком на неделю законным,
Что выдал румяный начхоз.
Мне письма из дома писали:
«Живем мы неплохо, сынок...»
Я знал, что не так, но из дали
Представить всю правду не мог.
И, спрыгнув на станции Тихвин
С платформы состава пустой,
В вокзале полуночно-тихом
Я встретился с правдой самой.
В иотопленном спящем вокзале
Я в кружку набрал кипяток
И пахнувший хлебом и салом
Тугой развязал вещмешок.
И я бы поел, только тотчас
Почувствовал, севши к столу:
Две женщины, с матерью дочка,
Проснулись в недалеком углу.
Как на золотистое чудо
В багровой солдатской руке,
Они загляделись оттуда
В стыдливой и скорбной тоске
На хлеб, две проезжих хозяйки,

Что сами его и пекли
Для фронта в тылу. Без утайки,
Как только они и могли.
Давно это было, а было...
Стал в горле кусок поперек,
Когда вдруг одна попросила:
«Продайте нам хлеба, сынок...»
Продайте, отнюдь не подайте...
Еще не стара, молода...
Иначе не скажешь, — хозяйка...
Сама высока и горда.
Я слов благодарных не слушал
С росинками радостных слез,
Оставил недопитой кружку
И выскочил в ночь на мороз.

В ранней юности, в дальней были,
Не умевших еще любить,
Нас окапываться учили
И траншеи учили рыть.
Старшина не давал поблажки,
Над душой стоял — не ленись,
Без команды не пей из фляжки —
Так у нас начиналась жизнь.
Крепче в землю вожмись и вройся,
Белый бруствер укрой травой,
А потом ничего не бойся, —
Ты с землей, и она с тобой.
Та наука до пота и дрожи.
А потом на весь свет война.
Был большим оптимистом все же
Обучавший нас старшина.
Но опять его вспоминаю.
Я не вспомнил бы без нужды,
И причина тому иная,
Да не скажешь ей «подожди».
По годам я давно уж маршал,
А судьбой навсегда солдат.
Трудно в землю врываться с марша,
Но нельзя отходить назад.

Я ее вспоминаю снова
В полушубке солдатском, в каске,
В сапогах пудовых кирзовых,
В давней были, как будто в сказке.
Мины падали, снег сметая,
Обнажая до дна болото.
Кровью на снегу залитая
Залегла — не встает — пехота.
Ткнувшись в снег головой неловко
Ни назад, ни вперед ни шагу.
За убитыми, как за бровкой,
Поле ровное, как бумага.
И горит там после атаки,
За деревней Гора у леса
Наша рота, все наши танки,
На газойле горит железо.
А она мне встала навстречу,
Головою ткнулась под мышку
И свои подставила плечи,
Ты держись, говорит, братишка.
Ты держись. И скинула каску,
И пошли мы по полю с нею,
С нею, тоненькой и глазастой,
Нос веснушками весь усеян.
Про таких говорят заглазно,
Что ни кожи, ни рожи нету.
Шла она в снегу непролазном
От кювета и до кювета
Там, где пели пули и мины,

До деревни Гора к танкистам,
Да еще подставляя спину,
Да еще твердила — держись ты.
А потом она парабеллум
У меня взяла осторожно,
К рукоятке его прикипела,
Как перчатка, — с ладони кожа.
Постояла возле носилок
И ушла к пехоте без слова.
Это в сорок четвертом было
У деревни Гора под Псковом.

Конь плакал. Падала звезда.
Летели птицы в глубь заката.
И шли неведомо куда
Себя забывшие солдаты.

Мир стал похож на водоем,
В нем, словно водоросли, мысли
Струились неживым огнем
И тучами печально висли.

Но где-то все-таки была
Граница воздуха и света,
Тончайшая, как гладь стекла,
День накрывающая этот.

Еще рывок, еще бросок,
И можно будет, можно будет
Пробить его наискосок
И, вынырнув, вздохнуть всей грудью.

Ах, какой мы штурмом взяли город
На заре морозной в январе!
В нем сирень клубится, а не порох,
Дети в каждом доме и дворе.

Год мы этот город штурмом брали.
Над болотом с черною водой
Танки шли, горели, догорали,
Столбики вставали со звездой.

Музыка играет на вокзале,
В парке птицы на ветвях свистят,
Девушки с зелеными глазами
Пьют в кафе стеклянном лимонад.

Полк однажды вновь завел моторы.
За колонной хлынули ветра.
В рост, не нагибаясь, шли саперы
Там, где был передний край вчера.

Людям стало жарко на морозе.
Стлали гати, ставили мосты,
И гармошка драная в обозе
Жала на басы до хрипоты.

В окнах тыща солнц встает с рассвета,
Улицы веселия полны,
Он красив и молод, как планета,
Никогда не знавшая войны.

Белый город с небосводом синим.
От позиций наших в давний год
Пять минут всего, пожалуй, ныне
Электричка до него идет.

Полж моторы заглушил, как умер.
Нам открылся город на заре.
Лишь стучал штабной морзянки зуммер
На заре вечерней в январе.

Ничего. Ни дома и ни дыма.
Ни души в округе. Падал снег
Медленно, бесшумно, нелюдимо..
День кончался, начинался век.

Знаю я, что в мае, в сорок пятом,
Выиграв великую войну,
Маршалы завидуют солдатам,
Шедшим пешим ходом с автоматом
До победы через всю страну.
Через всю Европу до рейхстага
Шедшим, совершая чудеса,
Как поется в песне, шагом, шагом
Через реки, горы и леса.
И недаром, загрустив, недаром
В тишине сосновой под Москвой,
Проверяя гранки мемуаров,
Маршалы последней мировой
Знают — нету на войне сражений.
Знают — есть солдатский крестный путь,
Чернозем и глина по колени,
Снег по пояс и вода по грудь.
Все охваты, клинья, контрудары,
Трижды свят, сам черт ему не брат,
Совершил бессмертный, легендарный —
Никуда не денешься — солдат.

Памяти Г. К. Жукова

Умер маршал. Нет, не умер маршал,
А навек вернулся в строй полков.
Тех полков, что под Москвою с марша
В бой уходят в пламени снегов.

С ним его бессмертные солдаты.
Дождь прошел высокий, как штыки,
Под Берлином в мае, в сорок пятом, —
Как они сегодня вдруг близки!

И опять, как в памятное лето,
Небеса июньские чисты.
Сняты с орудийного лафета
Медленно тяжелые цветы.

Полдень двадцать первого июня.
С музыкой неожиданной марш-броска
Мимо угасающих петуний
Двигутся стремительно войска.

Может быть, успеют до рассвета.
Знаю я, они успеть должны.
Крутится стремительно планета.
Умер маршал мировой войны.

ОДНА ЛЮБОВЬ

(поэма)

В окне вагона, как в портретной раме,
Огнем освещена, отдалена,
Она стояла, как двумя ручьями,
Стеклом и тишиной отделена.

Уже во власти скорого движения,
Еще вблизи, но вся уже в пути,
И ждать не в силах было отправления
Так, как не в силах было отойти.

А стук колес все назревал и медлил,
Светилось в раме темное лицо,
И жар волос литых с отливом медным,
И на руке, как искорка, кольцо.

Сейчас ударят знаки отправления,
Сейчас качнется влево и пойдет
Покатых плеч короткое смятенье,
Ладоней пламя и волос размет.

На пальце, брызнув, искорка растает,
Все блики света вдруг поглотит тьма,
И предо мною пустота предстанет,
Стена забора, рельсы и дома.

На кой же черт придуманы вокзалы!
Как будто без вокзалов под луной
Для расставанья стало места мало
И не похож на них весь шар земной.

А может, для того нужны вокзалы,
Чтобы в минутном грохоте колес
Вдруг родилось, пришло и отверкало
Все, что в года вместить не удалось.

Меня в любви не стерегли удачи,
Любил ее, как грех, за красоту,
За низкий голос с трещинками плача
И смеха ключевую чистоту.

Волос летели солнечные кольца,
И счастьем и разлукою грозя,
Глаза глядели серые, с монгольским
Косым разрезом, стрелами глаза.

А ноги были у нее от шеи —
Попробуй за такую угонись,
Но если и погонишься за нею —
Так времени не хватит, надо жизнь.

Она как ветер, не давалась в руки,
И вдруг сама могла тебя обжечь,
И заявить, что это так, со скуки,
А не любовь, и не об этом речь.

Над городком сходились зори лета..
Черемуха гуляла, как зима.
Смолою пахли до ночи, нагреты,
Заборы, тротуары и дома.

Ночей июньских белый плеск и пламень
Стоял, бушуя, звезды погасив,
Над озером за синими лесами
Нас на короткий миг соединив.

Да, молодость была еще причиной,
Неясное брожение в крови.
Там, где бродили мы, как бедуины,
В торжественных владениях любви.

Где вдруг на миг она к тебе прижмется,
Пред тем, как скрыться на крыльце впотьмах
И женское мелькает превосходство,
И любопытства холодок в глазах.

Ах, эта дробь по мостикам дощатым!
Стучат, стучат беспечно каблучки.
Я слышу вновь их, как слышал когда-то,
Всегда близки и вечно далеки.

Стук каблучков по памяти, по датам,
По странам, по дорогам, городам
Мальчишке слышен, слышен и солдату,
И слышен нынче, к сорока годам.

Четыре года, вечности четыре —
Огня, брони, снегов, госпиталей —
В исхлестанном свинцом и кровью мире
Меня в любви не сделали взрослей.

В глаза мои в упор из-под ресниц
Взглянуло небо солнцем и покоем,
И жаркий ливень мальв и медуниц
На полотне метнулся, беспокоен.

Пылало с белой ямочкой плечо,
Сияющее яблочным загаром,
И жгло меня спокойно, горячо,
Открытое совсем вблизи недаром.

Вот тут бы взять ее и увести
На край земли навеки за собою,
В луга, где тонко куличок свистит,
Мягка трава и дремлют маки стоя.

На край земли... Я видел край земли —
Окоп солдатский с бруствером горбатым.
Там маки крови рыжие цвели
И травы пахли толом горьковатым.

И я, чужак, как пенёк деревенел,
Курил табак и говорил до света,
И все не то и не о чем хотел,
И Пушкина цитировал при этом.

Среди екатерининских берез.
На узенькой скамейке из штакета
Часа в четыре ночи, все всерьез...
Я пожалел об этом в то же лето.

Любила ли? По-своему любила,
Как женщина мальчишку, как могла.
Но с глаз долой — из сердца вон.
Забыла?
Нет, не забыла, но с другим ушла.

Уехала. Сыграла свадьбу где-то,
А весело ли, грустно, — все равно.
Шел год победы, — в нем рекой в то лето
Плескались счастье, слезы и вино.

Теперь легко пережитые были
Мести, клубить, как папиросный дым,
А мне в ту пору неуютно было —
На белом свете столько лет и зим.

Но на него я вовсе не в обиде.
На свет. Кто обижается на свет,
Тот ничего, наверно, в нем не видел...
Свет белым был ночами от ракет.

И зыбким был. Но снова у дороги
Свистит свистулькой тонкая лоза,
Звенит, как обруч, солнце на пороге.
Топочет ливень, падает гроза.

Но кто считает, что Земля кругла?
Давно известно, что Земля горбата.
К одним щедра, к другим скупа и зла,
И дело не в зарплатах и заплатах..

Над нею солнце круглое встает,
И круглый год жара, дожди, метели. —
Свершается стихий круговорот,
И в этом цель, а не дорога к цели.

Протравлен солью, пылью пропылен,
На сапогах земли пудовой комья,
И звездной жаждой к миру опален,
Не тосковал годами ни о ком я.

Стояло время, и текли края,
Пески, пустыни, горные откосы,
Серебряная ниточка ручья
И воли морских зеленые колеса.

Но как-то у притихшего огня,
С оказией придя за перевалы,
Письмо от старого дружка меня
У озера Телецкого догнало.

Спадал костер, шумела тишина,
И в том конверте две строки вначале
О женщине, о том, что вдруг она
Ему сказала обо мне, кричали.

И их тоска, как радость, обожгла,
И время взорвалось костром косматым.
И я поверил, что Земля кругла,
Кругла Земля, а вовсе не горбата.

Готический приморский городок,
Где храмы, как гигантские ракеты,
На площадях стояли у дорог,
Клубил сиренью в ожиданье лета.

Казалось, это дым уже клубит
Из-под контрфорсов, как из дюз, на плиты
И город вдруг взвывается, улетит
К сияющему белому зениту.

Но, не интересуясь стариной,
Я проходил по улицам. Мне город,
Где должен был я встретиться с одной
Знакомой женщиной, был тем лишь дорог.

Я переулок скоро отыскал
И, видя подходящего амура,
Который на одной ноге скакал,
Играя в классы,
Бросил я окурок.

Амур был рыж, такому все отдашь,
Он, шоколадку получив, присвистнул
И взвился на какой-то там этаж
На крылышках своих с моей запиской.

Над этим домом плыли облака,
Над этим домом солнце поднималось,
Крошили звезды крышу чердака,
Дожди плясали, радуга сгибалась.

В нем женщина замужняя жила,
Смеялась, пела, плакала, сердилась,
И никого, как птица, не ждала
И, словно птица, все-таки томилась.

Я ждал, ходил, шаги в минуты множа,
Как маятник, у дома на углу,
И розы, закрывая от прохожих,
Держал в руке неловко, как метлу.

Девчонки из аптеки выбегали,
Просили по цветочку, вот народ!
Я не давал, я ждал, там тоже ждали
И из окна смеялись: не придет!

Проехала машина поливная,
Шофер кричал: «Давай полью цветки!»
И вдруг из-за угла, почему я знаю,
Как я узнал по стуку каблучки.

Мы не встречались с нею восемь лет,
Лет пять мы не слыхали друг о друге.
Из-под ее ресниц прохладных свет
Ко мне метнулся в радостном испуге.

На всех камнях своих земных путей
Не забывал я той далекой, русой,
Весь городок был наш в плену у ней,
Глаз, песенок, проказ ее и вкусов.

Статна, горда, лукава, смущена,
Передо мною вся открыта свету,
Как даль весной, она и не она
Над всем стояла и ждала ответа.

Девчонки за окном притихли стайкой,
Шофер, притормозив, глядел нам вслед,
Гремело море, кувыркались чайки,
И не было ни дум, ни дел, ни лет.

А поутру, от солнышка хмельна,
Метя ветрами тающими ситца,
Без стука двери распахнув, она
Ко мне влетела в комнату, как птица.

Недавний сон дрожал еще в глазах
Недрогнувших, доверчивых, бездумных,
И я ее почувствовал в руках
Гораздо раньше, чем о ней подумал.

Ее дыханьем близким я дышал
И слышал: сердце колотилось рядом.
Я все забыл. Но тут же услышал
Испуганное, горькое: «Не надо!..»

Что значить в этот миг слова могли?
Не надо — гнутся с грузом ветви сада,
Не надо — просят все цветы земли,
И рощи на ветру кричат: не надо!

Но, вся полна отчаянья насквозь,
Ударилась она неожиданно в слезы.
Что сделал я?
«Мне не дарили роз,
А я ждала, что все же будут розы.

Жизнь поднесла бумажные цветы,
Ей не было до нас, девчонок, дела.
Так в мире не хватало красоты,
Что истинного я не разглядела».

Мне тоже в жизни не встречалось роз,
Бывало, сказка ими расцветала,
На окнах в детстве рисовал мороз
Ветрами, снегом и зарею алой.

Четыре года посреди земли,
Слепящим громом разрывая воздух,
Передо мной вставали и цвели
Бризантные, клубящиеся розы.

Сквозь рощи роз меня судьба вела,
Лилейно-белых, розово-багряных,
В шипах колючек ржавых в три кола,
Над зарослями проволоки рваной.

И надо мною мог огня цветков
Встать и закрыться холмиком горбатым,
И я дарил их, отводя замок,
Дыша угарным воздухом отката...

Свидетельствовать могут все ветра,
Мосты, скамейки, памятники, здания:
Лишь только розы с этого утра
Я ей дарил до самого прощанья.

Я их творил из сумерек и дня,
Асфальта, солнца, облаков и парков.
Как будто не бывало до меня
Ни Пушкина, ни Данте, ни Петрарки,

Я верю кисти старых мастеров
И рубенсовской щедрости натуры,
Сверкающему грому их пиров
В тиши мансард пустых под небом хмурым.

Всех линий света, схваченных огнем,
Стремительному ритму и движенью,
Всему, что вечно красотой зовем,
И божеством еще и вдохновеньем.

Я говорил ей: «Здравствуй! Добрый день!»
Как это просто, и как это мудро,
Был добрый день, всю цвела сирень,
Но как сказать хотелось: «С добрым утром!»

А утро будет, утро быть должно,
Я осенью за ним приеду снова.
Так мною было твердо решено,
Хотя в ответ не сказано ни слова.

Ни да, ни нет, лишь «я тебя люблю».
Пароль и пропуск, и в глазах такая
Сквозная даль, и в ней по ковылю
Ветра и свет, ветра и свет сверкают.

О чем мы говорили, — никогда
Не рассказать, не вспомнить —

это знаки были

Морей и солнц, летящих сквозь года,
И парусов в сверканье звездной пыли.

И только в день отъезда, лишь за час
До поезда, когда нам грустно было,
«Куда ты едешь спешно так сейчас,
Кто ты теперь?» — она меня спросила.

И должен ехать был на юг, к горам,
Туда, куда мои отряды вышли.
И я сказал, что я спешу к кострам,
Там ждут меня в горах мои мальчишки.

Мальчишки ждут... Кто женщину поймет!
Когда электровоз вагоны сдвинул
И разомкнулся рук замок навзлет,
Я услышал: «А разве ты мужчина!...»

•

В то лето ты была везде со мной:
В Армении, в долине Арарата,
Где между гор библейских рай земной,
Оранжевый на синем, был когда-то.

Со мной была ты хлебом и вином,
Входила в воду озера, как в небо,
Колеблясь зябким розовым огнем,
На белом пляже свой оставив слепок.

Я не писал тебе — зачем писать
Цветам, деревьям, воздуху и свету.
Лозе граната, птичьим голосам,
Всему незатухающему лету.

И в час, когда тяжелые винты
Несли два нимба к морю над горами.
Была ты ощущеньем высоты
Над облачной дорогой и ветрами.

Из лета в осень шел по небу ИЛ,
Земля под ним разворачивалась в плане,
Я землю лишь в подробностях любил,
Пропавших сверху в общих очертаньях.

А с женщиною все наоборот, —
Издалека ее не видишь всю ты.
Лишь волосы, глаза, бровей полет,
Подрабности одни лишь почему-то...

Две огненные, рыжие стены,
И пламя листьев на стекле машины,
И волосы ее подожжены,
Пальтишко настезь, и платочек скинут.

Рождались наши фразы, как молва,
Обрывочно, тревожно, без вступленья.
Разъединяли смутно нас слова,
Но в близость претворяло их движенье.

Летели крыши загородных дач.
Шлагбаумы, кивающие косо,
Все пролетало, проносилось вскачь,
Лишь неподвижно полыхала осень

Торжественной последней красотой.
В которой все горит, все льется светом.
От дюн до паутинки золотой,
Как будто здесь себя сжигает лето.

И мы к нему примчались на пожар.
Ушла машина, и в кафе пустынном.
За столиком, забредшим прямо в парк,
Она заговорила вдруг про сына...

И снова чем-то мучась горячо,
Курила неумело папиросы,
Твердя, что надо встретиться еще...
И было страшно задавать вопросы.

Миры менялись на ее лице:
То тень, то свет, то горькое смятение.
Все впереди, и ничего в конце,
И время шло, кончая день осенний.

Никто из нас не говорил «прощай»,
И, может быть, «прощай» — ветра сказали.
А может, просто вспыхнул неба край,
И двое нестерпимо увидали —

Сентябрь на прибрежной полосе
Был из живого выкован металла,
И черное графитное шоссе
Его на два пожара рассекало.

Для счастья припасенные слова
Под Мгой и Псковом, на ветру открытом,
Давно в огне сгорели, как трава
Вокруг брони, расколотой термитом.

Но я его берусь нарисовать:
Вот женщина, глаза, улыбка, плечи,
И ей мужчина говорит слова
Обычные — «день добрый» или «вечер».

Над ними солнце в синеву встает,
Вот утро — говорят они друг дружке,
И черный хлеб она на стол кладет
И разливает чай по белым кружкам.

А небо смотрит из окна на них,
Спокойное, огромное, без края,
В нем все, что есть, отныне для двоих
До смерти и они об этом знают.

И не украсть, не дать, не взять займы,
Не выпросить, не разделить на части
День добрый лета, осени, зимы.
Лишь «здравствуй» есть и нет «прощай»
у счастья...

Но голос вновь ворвался в телефон
Стремительно, упруго и неожиданно.
Как на земле хозяйничает он!
Звенит и тает, словно лед, мембрана.

Вначале было слово. Голос был,
С ним все преобразилось во вселенной,
Мотор такси над городом трубил,
Мосты вставали, расступались стены.

Она прошла спокойно по ковру,
Затянутая, в тесном платье черном,
И погасила праздника игру
В окне высоком медленною шторой.

Потом с ногами села на диван,
Забилась в угол, маленькою стала,
Взяла с вином недопитый стакан,
Но не пила, а просто так держала.

И все твердила — голова болит,
Как неуютно, зябко здесь и пусто...
Сводила плечи, а они цвели,
На красном белые, над платьем узким,

Над черным, скользким — белые как снег,
Горячие податливые плечи.
И поджимала ноги, как во сне,
Шелк натянув коленями навстречу.

И вдруг с размаху выпила вино
И, руки отводя от рук, сказала:
«Здесь душно...» И в мгновение одно,
Как сталь пружины выпрямившись, встала.

Над белым встала в черном, отдалясь,
И черное сменилось алым цветом,
И голос низкий прошептал смеясь:
«Мой милый, разве ты боишься света?»

Два раза простучали каблучки,
Веснушками летели кнопки с треском,
Над головой поднялись две руки,
И время жаром опалило резким.

И женщина, прекрасна и щедра,
Передо мной костром взлетела алым
Навек, на ночь, до самого утра...
Как это много и как это мало!

Ведь не украсть, не дать, не взять взаймы,
Не выпросить, не разделить на части
День добрый лета, осени, зимы,
Лишь «здравствуй» есть и нет «прощай»
у счастья.

Бывало, я довольствовался малым:
Теплом махорки, пайкою ржаной,
И счастлив был, а тут мне горько стало
За нас обоих в тишине ночной.

Зачем туманить правду наших лет,
Нам никуда от них вовек не деться!
Своей рукою погасил я свет
И вышел, чтоб она могла одеться.

Я все о ней, о ней и о себе,
И, кажется, о времени ни слова,
Но разве не оно в моей судьбе
И горестей и радостей основа!

Оно не только в громком и большом
В труде и славе, горных пиков выше.
Прислушайтесь, как время бьется в том,
Как люди любят, как грустят, как дышат.

Как меряют сердца любовь и долг!
Я был бы не таким в минувшем веке.
Мой сын возьмет себе иное в толк —
Иное время, в нем иные реки.

Пусть счастье наше личное война
Легко разбила, как стекло, на части,
Но есть любовь — сильнее войны она.
А кто сказал, что нет любви без

счастья?

Чередованьем тени и огня
Оно прошло сейчас в громах вокзала,
Щемящим сквозняком обдав меня,
Под знаками неона и металла.

Что ж, повернемся к станции спиной,
Закурим, у пальто поднимем ворот.
Похолодало, дождь идет стеной,
И в молниях встает за нею город.

БЕЛОЕ ОЗЕРО

Кто же первый сказал мне на свете о ней?
Я никак не припомню сейчас.
Может, первый назвал ее имя ручей,
Прозвенел по весне и погас.

Мог сказать бы отец, но я рос без отца.
В школе мать говорила, обучая детей.
Я не слушал, я ждал лишь уроков конца, —
Дома не с кем меня оставлять было ей.

А вокруг только небо, леса и поля,
Пела птица-синица, гуляли дожди,
Колокольчик катился, дышала земля,
И звенел ручеек у нее на груди.

Может, птица-синица, береза в лесах,
Колокольчик с дороги, калитка в саду,
В небе радуга, дождь, заплутавший в овсах,
Пароход, прицепивший на мачту звезду.

Рассказали, как это бывает, о ней,
Но тогда я, пожалуй, был робок и мал
И не знал языка ни синиц, ни дождей...
Я не помню, кто мне о России сказал.

Светлый север, лес дремучий
В узорочье, в серебре...
Как медведи, в небе тучи
Черно-буры на заре.

Ели — словно колокольни,
Тишина, как спирт, хмельна,
И из трав встает над полем
Рыжим филином луна.

Пенье весел, скрип уключин,
Рокот журавлиных стай...
Не скажу, что — самый лучший,
А милей всех сердцу край!

ДЕРГАЧ

Зацвели за Вологдою ивы,
Вскрылась полноводная Шексна.
В эти дни меня зовет призывно
В отчий край раздольная весна.

В тонкий ствол оттаявшей рябины
Прянул сок могучею струей,
Из Египта устремились клином
Журавли горластые домой.

И бежит через края чужие
Все пешком домой дергач, пешком,
По земному шару всё в Россию —
Тонкий, голенастый, хвост торчком...

Человеку холодно без песни.
На земле, открытой всем ветрам,
Я не знаю: в мире место есть ли,
Где не верят песням, как кострам;

Песни на земле не сочиняют, —
Просто рота городом пройдет,
Просто девушки грустят, мечтают,
Да гармошку кто-то развернет.

Белая береза отряхнется,
Встанет под окошками в селе,
Сердце чье-то сердцу отзовется, —
И поется песня на земле.

Как лесам шуметь, рождаться людям,
Ливням плакать, зорям полыхать —
Так и песня вечно в мире будет,
И ее не надо сочинять.

У СЕБЯ ДОМА

Я давно, признаться, не бывал
В городке зеленом, деревянном,
Там, где я десятый класс кончал
И на будущее строил планы.

Было мне все время недосуг,
Некогда домой собраться было —
То меня на север, то на юг
Дальняя дорога уносила.

Где-то город строили в лесу, —
Мне командировка открывала
Новой жизни первую красу,
Будущего самое начало.

Где-то знаменит на всю страну
Стал колхоз успехами своими.
Крыльями фанерными качнув,
Плыл ПО-2 над далями лесными.

Каждый раз зимою я решал:
Вот домой поеду нынче летом.
Но на Волге строили канал —
Как мне было не увидеть это!

Но в каком бы ни был я краю,
Милую районную столицу,
Тихую провинцию свою
Вспоминал — пусть нечем ей гордиться.

В стороне от всех больших дорог,
От железной за сто километров,
Маленький зеленый городок,
Старый друг с черемуховым ветром.

С вымпелами в зелени рябин,
С поясом тесовых палисадов...
И казалось мне, что он один
Не растет, не строится, как надо;

Вкруг него, как видно, не найдут
Никаких таких месторождений,
Только реки сонные текут,
Льны цветут, да облака плывут,
Да базар шумит по воскресеньям.

На его дощатые мостки
Наконец ступил я нынче летом,
Повстречались мы как земляки
И протолковали до рассвета.

Он мне все показывал лицом,
Просто и без хвастовства, как надо, -
Новый тротуар, и новый дом,
И деревья выросшего сада.

Обошел я тот знакомый сад.
Там уже без орденов и планок,
Пиджаки накинув на девчат,
Ходят парни под его баяны.

Я тогда спросил его о том,
Где теперь знакомые ребята,
С кем ходили в детстве босиком
И из юности ушли в солдаты...

Не узнать ребят, по всей стране
Крупными ворочают делами.
И выходит так, что наравне
Славой мы с большими городами.

АКРОПОЛЬ

В незапамятном детстве раннем
Я увидел впервые город —
Сказкою о царе Салтане
Он открылся мне с косогора.

Вал зеленый у вод блескучих,
Стены сахарные над валом,
Золотые луковки в тучах
Лента радуги обвивала.

Голубинная почта меркла
В синем небе над головою,
Звон катился на крыши с церкви,
С колоколен, медным прибоем.

Крыши крыты железом красным,
Окна в два ряда и заборы.
Потрясенный творимой сказкой,
Въехал я на телеге в город.

Первый город мой, в зорях алых
Щедро ты мне дарил открытья,
С чудом первой любви, пожалуй,
Мог тебя одного сравнить я.

И хотя на земле с тех пор я
Повидал городов немало,
Выходил к ним спокойно, к гордым,
Из ворот гремящих вокзалов, —

Но недавно, за синим морем,
В королевстве чужом, не в сказке,
Будто снова я въехал в город
На телеге мальцом вихрастым.

Белый мрамор колонн летящих —
С морем синим и небом рядом, —
На холме под солнцем палящим
Мне открылась земля Эллады.

И, увидев впервые город
Из всех городов на свете,
Словно солнце и словно горы,
Переживший тысячелетья, —

Замер я, словно в детстве раннем,
Заглядевшись с косогора,
Перед молодостью сказанья
На земле сухой, словно порох.

Я уже никогда не забуду
В небе полные солнца колонны
И безгрешного детства чудо —
Мой Акрополь в лесах зеленых.

ВЕЧЕР СТИХОВ В КОЛХОЗЕ

В колхоз далекий в пору сенокоса
Приехал я, чтобы стихи читать,
А после отвечать на все вопросы,
Какие станут люди задавать.

Здесь никогда поэтов не бывало,
Но мной в сельпо, между сапог и вил,
В строю брошюр, желтых, залежалых,
Твардовский все же обнаружен был.

Вещала всем с дверей сельпо афишка
О том, что я писатель СССР.
А в клуб пришли девчонки и мальчишки,
Учительница, фельдшер, инженер.

Но я был рад. Колхоз встает с рассветом,
Лишь три часа за сутки спит колхоз,
Ему не до артистов и поэтов —
Бушует по округе сенокос.

Что мог бы я прочесть ему такое,
Достойное не просто трудодня,
А солнце в сенокос, росы и зноя, —
Нет, не было такого у меня.

И среди белых полевых букетов
Над кумачовым заревом стола
Я призывал на помощь всех поэтов,
Которых мать-Россия родила.

А в зале льны цвели, цвели ромашки
На длинных лавках, выстроенных в ряд,
И тишина: ни шороха, ни кашля,
Лишь было слышно — комары звенят.

За окнами домой проплыло стадо,
Закат погас и смолкли петухи.
Три женщины вошли и сели рядом
В платочках новых, праздничных, тихи.

На темных лицах, как на негативах,
Белели брови, выгорев дотла,
Но каждая из них, видать, красива
Когда-то в девках, в юности была.

Они отдали все без сожаленья
Полям и детям, помня о мужьях, —
Мне пусты показались сочиненья
Расхваленные критикой в статьях.

И я прочел для этих трех солдаток,
Примерно лет моих, немолодых,
То, что на фронте написал когда-то
Не как стихи, а про друзей своих...

ПОБЫВАЛЬЩИНА

Здесь лесов-то тьма, а в лесах Тотьма
Утонула — не видно крыш.
Как придет зима, занесет дома,
Сверху Тотьмы не разглядишь.
Все леса, леса, вплоть до полюса,
И на юг, леса, на восток,
За околицей хвоей колются,
Пробираются без дорог.
А в лесах она, река Сухона,
В ней веслом до дна не достать,
Как придет весна, думы вслух она
Начинает петь-напевать.
Она баскими дарит сказками,
А за сказками бает быль,
Быль неласкова, глубь опасная,
Разбиваются волны в пыль.
По реке плоты
В сорок две версты.
До небес семь верст
Лесом все...
В небе тыщи звезд,
Месяц в полный рост,
И медведи ходят в овсе.
Хочешь — верь не верь,
Приезжай, измерь,
Не мешай человеку врать.
Это просто проверить
Тебе теперь —
Самолетом рукой подать.

Полчаса не срок, городок у ног,
И леса стоят, как сказал,
Только вот, браток, что насчет дорог,
Про дороги я не соврал.
К нам дороги ягою мерены
Лет полсотни назад клюкой,
И клюка ее здесь потеряна.
В темном лесе за Юг-рекой.

ВСТУПЛЕНИЕ К СКАЗКЕ

Вечер небо за окнами вызвездил,
Небо сыплет синими искрами,
Месяц землю посыпал известью,
Будто город только что выстроенный.

Огонек, словно нос утиный
В лампе-луковице стеклянной.
Он да я, да сказка старинная —
Трое в горнице деревянной.

Сказка ходит в дорогу одетая.
По сверкающим половицам,
Вы запомните сказку эту, и
Эта сказка вам пригодится.

Про жар-птицу она известная,
Есть на свете река зареница,
Как охапки огня чудесного
Там проносят хвосты жар-птицы.

Чуден свет этих перьев, чуден,
Как от солнца от лучезарного.
Просто диву даются люди,
Не дается им только жар его.

Вот поймать бы, мечтают люди,
Посадить бы в светлицу птицу,
Чтоб при этом пречудном чуде
Жить в веселье им и трудиться.

Пить чай с малиной, смородиной,
С молоком топленным, с ватрушкой.
А откуда та сказка родиной —
Я тебе расскажу,
Ты слушай.

Болото, да лес, да озера,
Да выцветший купол небес.
Деревня избежит на пригорок,
И снова болото да лес.

Там сплавщик встает над рекою,
Багор занеся, как копье.
И ветер, не зная покоя,
Старинные песни поет.

Там солнце — в рыбацкие сети —
Запуталось в белую ночь,
И парус трещит на рассвете,
Не в силах волны превозмочь.

Дарил меня первой любовью
И горем и радостью он,
И славой своей, и присловьем —
Всею, чем и богат и силен.

И в нем понимать я учился
Травы и деревьев язык,
В воде и огне окрестился,
К веслу и винтовке привык.

До песен и сказок охочий,
Хранящий и радость и грусть,
Мой северный край. Заволочье.
Моя журавлиная Русь.

ТЫКВА

В жару растенья никнут,
Бегут от солнца в тень.
Одна лишь чушика-тыква
На солнце целый день.

Лежит рядочком с брюквой,
И кажется, вот-вот
От счастья громко хрюкнет
И хвостиком махнет.

Всялошную голубым узором
Мороз разрисовал окно.
Темно становится, и скоро
Зажгут огни. Пора б давно...

Сверчок скрипит в углу за печкой,
А я глаза закрою вдруг,
И мне покажется — кузнечик
Трубит на весь в ромашках луг.

Качнутся легкие березы,
Как луг, запахнет старый дом.
Но это мать вошла с мороза,
Внесла подойник с молоком...

БЕЛОЗЕРЬЕ

Здесь ели — словно колокольни
Подняли к облакам кресты.
И древней темнотой раскольной
Темны овины, как скиты.
И за раздольем трав духмяных,
Болотных, рыжих и густых,
Над озером плывут туманы,
Нлывет протяжный шум тресты
Как гул молитвы староверской,
Сердца щема глухой тоской...
О, край дремучий белозерский,
Старинный, озерной, лесной!

На городском валу заплачу
И ветром слезы осушу
Мне вдовый жребий предназначен,
Но на судьбу не заропщу.

Он спит на поле Куликовом,
Мой князь, мой муж, и Русь его
Качает на груди пуховой,
Возлюбленного своего.

КОЛОДЕЗНЫЙ ЖУРАВЛЬ

За околицей у колодца
Долговязый журавль стоит,
Воду пьет — никак не напьется,
Хочет в небо — и не взлетит...

В небо цепь его не пускает,
И, с тоскою шею подняв,
Смотрит он, как на юг улетают
Журавли на исходе дня.

ПОЕЗДКА В КОВЖУ

Ивану Бузину

Это мне запомнится — начало
Лета, уходящего в леса,
Чайки подрались у причала,
Плачут, надрывая голоса.

Ветерок, излюбленный «щолонник»,
В мокрое уперся полотно.
Чайки вслед затеяли погоню, —
Только не догнать нас все равно.

Вот уже белеет церковь Спаса,
С берега донесся запах трав,
Дым жилья, к себе зовущий властно,
Шелест зацветающих дубрав.

Дранкой будто рыбьей чешуею,
Крыты избы ковжских рыбаков.
Будут там нас потчевать ухюю,
Сладкой жарениной из снетков.

Облако за месяц зацепилось,
За рекой кричали поезда.
Ничего такого не случилось,
Только грусть пропала без следа.

Просто захотелось оглянуться,
Постоять у моста, у воды,
До неба тростинкой дотянуться,
Прикурить сигарку от звезды,

Услыхать травы произрастанье,
Трепет полночных планет
И еще того, чему названья
В нашем языке, пожалуй, нет..

У той березки, где с тобой
Встречались мы вечер каждый,
Пробитое насквозь стрелой
Я сердце вырезал однажды.

Мы говорили, на заре
Прощаясь, перепутав руки:
«Сотрется сердце на коре,
Но не стереть любовь разлуке».

Смешная юность далека...
Ты замужем, и ты забыла
Веснупчатого паренька,
Которого тогда любила.

А я пришел сюда и вот
Гляжу, один в саду просторном,
Как сердце на коре живет...
И лишь стрела на сердце стерлась...

Л. П.

Опять пойдут хлестать метели
Вдоль деревенок и дорог,
Опять почти на две недели
Пути отрежут в городок.

На пятый день придут газеты
На тройке из Череповца.
От сельсовета к сельсовету
Негромок голос бубенца.

Тулуз на ямщике, как пламя,
Горит один среди зимы,
И кони, фыркая, ноздрями
Учуют дальние дымы.

Наутро рыжий письмоносец
Опять письма не занесет...
Я не порадуюсь на просинь,
Что в низком небе настает,

Не поделюсь грустью с ближним...
В лесу, петляя, шла лиса.
И уведут надолго лыжни
Меня в глушковские леса.

Зима несет в серебряной пыли
Кудели снежной длинные волокна.
Сугробы, словно волны, подошли
И пеною захлестывают окна.

Несет избу в далекие моря,
В седую замять снеговых видений.
Хвосты жар-птиц опять в печи горят
На звонких на березовых поленьях.

Ковчег сосновый дранкою обшит,
Углом изба врезается в метели.
Качает землю, клонит и кренит,
И небо, словно парус, в самом деле.

А на столе веселый самовар
От счастья скалит золотые зубы
И над конфоркою клубится пар
Лихим казачьим светло-русым чубом.

Что нам метель? Бревенчатый ковчег
Сколочен плотно, и пирует сказка
Над самобранкой белою как снег
Вся в бусах и в кокошнике угластом.

Вся в лентах, в сарафане расписном
Моя Моревна с острова Буяна.
Мы в полночь непробудную плывем.
По снежным безудержным океанам.

Пушай свистит разбойник Соловей
На той сосне косматой, за деревней.
За тридевять земель сбежал Кашей
Нам песни петь, мед-пиво пить
с царевной.

ЖУРАВЛИ

Сыплет ветер северный, раздобрясь,
Золото деревьев вдоль земли.
В Африку, в Египетскую область,
Улетают в небе журавли.

Улетят они в страну чужую,
На прощанье обронив перо.
Будут жить, по родине тоскуя,
Зиму проклиная и мороз.

Крокодилы на далеком Ниле
Журавлям напомнят топляки,
Что плывут посередине милой
Северной сплавной Шексны-реки.

Возле фараоновой гробницы,
Там, где пальмы, камни и пески,
Будет им все время север снится,
Светлые от звезд березняки.

И, презрев природы изобилье,
В час, когда трещит на Волге лед,
Журавли, свои расправив крылья,
В яростный отправятся полет —

Через ветры, холода и грозы,
Пух в пути теряя и перо,
К рыжим поймам, к тоненьким берегам
Голубой весеннею порой.

Так бывает с русским человеком:
Час придет — родимая земля
Через океаны, горы, реки
Позовет к отцовским тополям.

И ничто его не остановит,
Словно бы летящих вдоль морей
Из Египта к давнему гнездовью
Молодых горластых журавлей...

ЗИМА

Мир накрепился, прям и светел.
Едва заметен поворот,
Но по планете хлынул ветер
Уже арктических широт.
Еще в пленение не веря,
Плескались реки в берега,
Когда седая, как поверье,
Вдоль по воде пошла шута.
И, тронув дымчатым припоем
Излук и стариц тишину,
Мороз ударил в голубое
И затуманил вышину.
И белизной неповторимой
Окуталась тогда земля,
Когда торжественно зазимок
Упал на черные поля.
Бери двустволку и на вате
Фуфайку туго опояшь.
Ни пуха, ни пера, приятель,
Пусть будет полон твой ягдташ!
Отсальютуй зимы началу
Утиной дробью вдоль бугра.
Вот осень русаком промчалась,
Двустволка вскинута... Пора!

НА ПРИСТАНИ

Гудком прощальным пароходным
Осенний вечер оглушен,
Отчалят чалки, примут сходни,
И пароход уйдет в затон.

Залепит снегом расписание
Декабрь на пристани опять.
И график встреч, разлук, прощаний
Никто не будет соблюдать.

По льду на розвальнях разлапых
Обозы с сеном поплывут, ,
Пахнёт щемлящий сердце запах,
Как будто лето провезут.

Почудится, что не хозяин
На пристани седой декабрь,
Что вновь встречают, провожают
И смотрят в голубую рябь.

Но снег залепит расписание,
И до июня вплоть опять
Никто ни встреч и ни прощаний
Не будет график соблюдать.

Опять плывет закат над реками,
Туманы на воду легли,
И петухи прокукарекали,
Должно быть, на краю земли.

Вновь движется по борту русская,
Просторная моя земля,
Бежит луны дорожка узкая,
Цепляясь за крыло руля.

А коростели, как уключины,
Скрипят, скрипят... Весь край родной
Плывет меж облачными кручами
На веслах в тишине ночной.

С мостом пятипролетным с башнями
И с гидростроем в три окна
На речке Чалексе над пашнею,
Вдали звенящей, как струна.

А где-то жаркая гармоника,
Негромко ахнув, понесет
Простую песенку о конниках
До самых северных широт.

И отзовется эхо чистое
На тонкий стук ее подков
Клинками сабель, дымом выстрелов —
Далеким отблеском боев.

В МЕТЕЛЬ

Метет метель, сугробы наметая
По кровли селам и по грудь лесам,
Но вот луна, как нива золотая,
Издалека сверкнула небесам.
И сразу воздух неподвижно замер,
И в тишине открылась, чуть пыля,
Как будто негатив перед глазами,
Под черным небом белая земля.
Вдаль покатилаь по ее раздолью
Горошина живая бубенца,
Копытами взрывают к небу поле
Два вороных гривастых жеребца.
Над санками овчинные тулупы,
Как два костра, пылают, гнутся, жгут,
И пар летит от мокрых конских крупов,
И свищет черной молниею кнут.
Но кони вдруг, храпя и приседая,
Тяжелый останавливают бег,
Тулупы с маху седоки срывают,
Бегут вперед, — навстречу человек.
На лыжах, до бровей густым, колючим
Обросший инеем, как бородой,
С мешком заплечным, с фляжкой на случай
Спешил он по равнине снеговой...

★

Метель за всеми четырьмя углами
Такая, что не выйти за порог,
Как будто полюс северный снегами
Обрушился с утра на городок.

В такую пору пить чай с вареньем,
С брусникой или ягодой другой,
В лежанке пошевеливать поленья
Как свечка побелевшей кочергой.
Старик хирург, накинув плед на плечи,
Сидит задумчив. Вот уж сорок лет
Он так привык сидеть один под вечер,
Когда пустеет этот кабинет.
Но издалека в трубке телефонной
Тревожный голос вдруг зарокотал,
И в тихой поликлинике районной
Хирург над телефоном резко встал.
Слетела с плеч упрямая усталость.
Коней! Машину!.. Только нет дорог.
И о себе опять некстати старость
Напомнила привычной дрожью ног.
А там больной, он ждет надежной, скорой,
Той помощи, которой близко нет...
Но весть уже прошла по коридорам
И распахнула двери в кабинет.
Хирургу молодому лишь за двадцать,
Старик не уважает молодых,
Не доверяет часто операций
И сам всегда присутствует на них.
Ворчит порой: «В мединститут приходят,
Призвания не чувствуя ни в чем.
С зубилом вам работать на заводе,
Быть слесарем, милейший, не врачом».
И он, недоуменно сдвинув брови,
Глядит в упор из-под тяжелых век.
«...Прошу вас разрешить, Иван Петрович,
Я лыжник, я дойду — там человек...»
Там человек! — Когда курган Малахов
Дрожал от ядер, в пламени багров,
На поле боя к раненым без страха
Шагал военный доктор Пирогов.

Там человек! — Геройством не считая,
Себе отважно прививал чуму
Российский медик Лебедев в Китае,
И наконец чума сдалась ему.
Ревели пушек тяжкие раскаты,
Локтями разгребая черный снег,
Ползли в шинелях русые девчата
Под пулями туда, где человек..
А за окном все круче снежный ветер,
Хирург накидку опустил с плеча,
Как будто к ним вошел неслышно третий,
И сразу в нем хирург узнал врача.
...Ладонь сухая, легкая в упругой,
Большой, чуть дрогнувшей, она навек
Запомнится, как эта ночь и вьюга, —
«Идите, доктор, да, там человек!»
Метель гудит в ушах стократным эхом,
Толкает, опрокидывает в снег,
Но от столба к столбу идет по вехам
На помощь человеку человек.
Одна забота, как с пути не сбиться,
Идти вперед и вовремя успеть,
Дышать на остановках в рукавицы
Да нос и щеки яростно тереть.
Не успеваешь оглянуться, лыжню
Сминает сзади начисто пурга,
И, как река, колючей пеной брызжа,
Летит она, ревушая в ногах.
Валы встают навстречу снеговые,
Грозь смахнуть и смять его легко,
В тулупах хвойных ели вековые
Распахивают полы широко.
С трудом поймав огонь на сигарету,
На пять минут приткнулся у ствола,
Передохнул, меж хвойных лап согретый,
Теперь уж недалеко до села...

А ночь летит над всем земным простором,
Конца и краю вьюге не видать...
Из городка колхозную контору
Телефонистка требует опять.
Спит городок, а в комнате на почте
Тепло от изразцов печных плывет,
В тепле, не зная, как врачу помочь ей,
Сидит она сейчас, а врач идет.
К стене прибило у крыльца березы,
Железо с крыши почты ветер рвет,
Пятнадцать километров до колхоза,
Метелица метет, а он идет.
Бледнеет в городке телефонистка.
В наушниках пугает тишина.
За эту ночь ей стали очень близки
Больной и врач, и слышит вдруг она:
«Мы лыжников и лошадей сейчас же
Пошлем встречать товарища врача...»
И, кажется, она их видит даже,
В контору входят парни, грохоча,
В конюшню конюх в санки запрягает
Двух рысаков, привастых, огневых,
И, обо всем на свете забывая,
Она уже сама кричит о них:
«Иван Петрович, слышите — встречаются.
Иван Петрович, милый, дорогой...»
И не звонок мембрану колыхает,
А бубенец залился под дугой...

Луна плывет над белыми домами,
Храпят в упряжке кони у ворот,
Копыта снег и поводья боками,
И молча у крыльца стоит народ.

В медпункте тишина, у белой двери
В халатах фельдшер и сестра с врачом.
«Успели вовремя, диагноз верен,
На стол больного, и сейчас начнем».
Наутро, будто вьюги не бывало,
Горит заря. По краю большака
Березы в инее пушистом, алом,
Как розовые встали облака.
Сугробы расчищая вдоль по тракту
Бревенчатым тяжелым утюгом,
Пронес, гремя на всю округу, трактор
Свой энтээсовский рабочий гром.
Как осенью под сечкою капусту,
На улице дорогу мнут пимы,
Скрипит снежком рассыпчато и вкусно,
И зацепились за дома дымы.
Врач вышел, провожимыми смущенный,
На улицу села. Хорош денек!
А бабушка в тулупчике дубленом
Сует ему упрямо узелок...
И вот автобус с кузовом зеленым,
Билет за два рубля до городка,
В автобусе молочницы, бидоны,
С бензином смешан запах молока.
И тотчас же кричит шоферу кто-то:
«На месте доктор. Трогай, брат Кузьма!»
Мотор зарокотал с пол-оборота.
День начался.
Районный тракт.
Зима...

Есть где-то моря-океаны,
Где волны до неба летят,
А здесь у руля капитаны
Спокойно в туманы глядят.

Ни лоции нет, ни компаса —
Знакомая с детства река,
Как выверена по ватерпасу,
Пустынна, тиха и гладка.

Беляны, груженные тесом,
Избушки на грузных плотях,
Речные высокие плесы,
Свистки куличков в камышах.

Плывут работяги-буксиры,
Натянут канат, как струна.
Ровняет плоты по ранжиру
Зеленой линейкой Шексна.

Работают молча матросы.
Тоскует на барке гармонь,
А вечером мачты выносят
Под звезды зеленый огонь.

Скрипучею дремой парома
Навстречу пройдет перевоз,
Пахнёт сенокосом знакомо
С парома осанистый воз.

«Ну как там, Фадееч, с покосом?»
Картуз приподняв, капитан
С буксира паромщика спросит,
Вглядевшись в вечерний туман.

Ему, как и волку морскому
На сушу не скоро ступать:
Он в плаванье тоже — и дома
До осени, знать, не бывать...

ПЛАВУЧАЯ КУЛЬТБАЗА

На сцене культбазы плавучей,
В кисейное платье одета,
В тоске по Ромео измучась,
Прощается с жизнью Джульетта.

Девчата из ближних колхозов —
Доярки, вязальщицы, жницы —
Сидят, и нестыдные слезы
Дрожат у девчат на ресницах.

Молчат, загрузив, плотогоны,
Колышется занавес алый,
Печальная песнь о влюбленных
Почти полсела заволиовала.

А в окнах речная прохлада,
Плывет вологодская осень,
Дыхание дальнего сада
И трав увяданье доносит...

Подходят буксиры и разом
Свой ход убавляют на малый,
Чтоб не потревожить культбазу,
Волною не стронуть с причала,

Как будто на мостиках знают,
Что здесь умирает Джульетта,
И, тихо штурвалы вращая,
Уводят буксиры к рассвету.

А осень шуршит по откосу
Осокой, засохшею в глине.
И ветер из поля доносит
Старинную песнь о рябине..

В РЫБИНСКОМ МОРЕ

От Череповца до Щербакова,
В сто километров ширины.
От ненастья почти лиловы,
Ходят волны, как валуны.

Там, где лес побасенки баял,
Пел, шаманил, — прошла вода,
Сосны каменные срубая,
Свищея, как никогда.

И в медвежьих берлогах ныне,
Двухпудовые, среди тьмы,
В шубах бархатных на резине,
Как чугунные, спят сомы.

Парохода железная туша
Прет уверенно напролом.
Победители моря и суши
Крепким балуются чайком.

Сапоги снимают в каютах,
Гасят свет и в тиши кают
Дерматинovому уюту
Молча должное отдают.

Что им мокрой воды стихия —
Пена белая на ветру.
Им дела предстоят такие.
Позавидуют все вокруг —

Горы с места сдвигать и доли,
Реки на плечи поднимать...
Пароход, как огромный молот,
Плющит волны...

Я лягу спать.

Пусть вода меня укачает,
Убаюкает, сон придет,
Как волна, на ветру крепчая,
Из неведомых мне широт.

И приснится под гул ненастья,
От Мегры до Череповца,
Край огромных работ и счастья,
Перестроенный до конца.

ПЛОТОГОН

Ему пятнадцать лет под осень
Исполнится всего, а он —
В отцовском пиджаке, курносый —
Уже заправский плотогон.

На бревнах дерн уложен клумбой
У ног его для огонька.
И босоногому Колумбу —
Как океан Шексна-река.

Плывет он, земли открывая,
С багром тяжелым на плоту.
Костер горит и осыпает
Сухие искры в темноту.

Перекликаются с буксиром
Далеким эхом берега,
И Млечный Путь блестит над миром,
Как неизвестная река.

Вот будет осенью рассказов,
Когда он станет вспоминать,
Что видел, где друзьям ни разу
Не приходилось побывать!

Жизнь перед ним — рекой широкой,
Как в реку, он в нее влюблен.
Минуют пристанями сроки,
И капитаном станет он.

А волны плещутся о бревна,
До Щербакова путь далек.
Горит на клумбе яркий, ровный
Костра дремучего цветок...

НОВЫЙ МОСТ

Мост — как радуга из железа —
Перекинулся над рекой.
Три бетонные волнореза
Утверждают его покой.

Левый берег и правый берег
Повстречались накоротке,
Встреча данная в полной мере
Отразилась в Шексне-реке.

Там в ажурных железных звеньях
Спят застрявшие облака,
Словно фотоизображение,
Колыхающееся слегка.

Вот качнули, сверкнув, оркестры
Медных труб музыкальный гром,
Поезд тихо тронулся с места,
Поезд стукнул в мост колесом.

И прошло его отражение,
Все в знаменах и все в венках,
Все зеленое, все в движение,
В синем небе на трех быках.

Утро было. Одевшись теплей по привычке,
 Я на улицу вышел, любясь на осень.
 На веселое солнце, на избы, на птичник,
 Возле речки стоящий на рыжем откосе.
 Вдруг слышались сверху какие-то звуки,
 Сердце разом задевшие зовом и грустью.
 Синь плеснула в глаза, взял шапчонку я в руки:
 Улетали, кружа над деревнею, гуси.
 Долго белые гуси кружили над лугом,
 Над речушкой холодной, над птичником теплым,
 Где их братья, тесня в это время друг друга,
 Гоготали в кругу перед птичницей Феклой.
 Из корзины она рассыпала им зерна,
 И они их клевали, глотая проворно.
 И с чиновною важностью белые шеи
 Гнули перед корзиной все злее и злее.
 А над ними над лугом трубою сигнальной
 Одинокой, призывной, прощальной, печальной.
 Плотный ветер крылами наотмашь сминая,
 По-солдатски равнялась гусиная стая.
 И ложилась на курс, ей завещенный, древний.
 С ливнем, с бурями, с лютой тоскою
 По озерам полесским, по русской деревне...
 До сих пор эта стая меня беспокоит.

Здесь постепенно умирает лето
В прохладе тростниковой сентября,
Огнем зари погаснувшей задеты,
Сады весь день торжественно горят.

За дымкой золотистой обмолота,
За кузовом прямым грузовика,
За голубым дорожным поворотом
Взъерошилась от холода река.

И в поздних волнах солнечного света,
Над берегом пустынным и крутым,
Березы, словно памятники лету,
Из серебра и бронзы отлиты.

СТАНЦИЯ «ВАЛЯ»

Л П.

Легким именем девичьим «Валя»
Почему-то станцию назвали.

Желтый домик, огород с капустой,
Поезд не стоит и двух минут,
На путях туманно, тихо, пусто...
Где ты, Валя, проживаешь тут?

Подступают к паровозу сосны.
Охраняя станции покой.
Валя, Валя, выйди, как березка,
К семафору, помаши рукой.

Видно, был влюбленным тот путеец,
Инженер, чужак немолодой:
Полустанок в честь тебя затеял
С краткою стоянкой путевой.

На минуту. Постоять, влюбиться!
Стукнут рельсы, тронется вагон.
Я хотел бы здесь остановиться
Навсегда у сердца твоего.

У тебя по самый пояс косы,
Отсвет зорь в сияющих глазах...
Валя, Валя, где-то за откосом
Голос твой мне слышится в лесах.

БАКЕНЩИК

Река разлившаяся, быстрая
В туманах по ночам плывет.
Но бакен вдруг горячей искрою
Из тьмы приветливо мигнет.

И пароход идет уверенно
От огонька на огонек
Фарватером реки проверенным;
И пусть туманный путь далек,

Пусть мели есть в реке опасные, —
Доставить нужно грузы в срок...
Горит, горит косынкой красною
Во тьме далекий огонек...

А бакенщик, сев в лодку древнюю,
Огни вывозит каждый раз,
Когда закаты за деревьями
Здесь догорают в поздний час.

Живет на берегу он издавна,
И в дождь и в бурю, вопреки
Стихиям всем, на совесть призванный
Следить за вехами реки.

И рулевые в ночь туманную
Добром вспомнят каждый раз
Его, когда огни багряные
Вдали увидят в поздний час.

А он, совсем о том не ведая,
Наверно, чинит фонари,
Вставляя сам в оправы медные
Кусочки алые зари.

Словно башни победы — на рыжих увалах
Скирды хлеба. Скрипучая песня колес.
Листья падают, как позывные сигналы
Дальней радиостанции, с белых берез.

Над дорогой, над елью, над камнем, над срубом,
Над болотной кугой, оглашая приказ,
Журавлиного войска высокие трубы
Поднимаются к солнцу в назначенный час.

И уже на селе вышибает дубовые днища
Бородатая брага. Раздайся, народ!
Это осень выходит на круг, подтянув голенища,
Вот ударят баяны, и в пляску пойдет.

В кумаче горизонт... Я люблю это время застолий,
Добрых свадеб до самой последней звезды,
И сто тысяч гармоник на гребнях ста тысяч
околиц,
Дым победного пиршества после горячей страды.

Время песне настало
Выходить на работу.

Что с того, что шагала
Песня в маршевых ротах.
Что с того, что танкисты
В гвардейских бригадах
Выносили со свистом
Песню на автострады
Трех держав иностранных
И столиц заграничных...

С перламутром баяны,
Работы отличной,
Пусть хранят те куплеты,
Что бойцами, бывало,
Были весело спеты
На коротких привалах.

Нынче время такое, —
Сняли парни шинели
И для нового боя
Спецодежду надели.
Время острить рубанки,
Топоры и зубила
И вставлять спозаранку,
Чтобы в полную силу
Наша грянула песня —
Слово верное на кон! —

Чтобы было ей тесно
И просторно, однако,
Чтоб ее хлеборобы
К себе зазывали,
Чтобы пели и чтобы
Своей называли.

Где-то зори на склоне
Небес догорают,
Ржут далекие кони,
И, в полях замирая,
Ходит песня за речкой
В селе недалечко,
Золотистым колечком
Мотив завивая...

СТАРЫЙ БУКСИР

Буксиру не приснится океан.
В затоне тихом, на приколе вечном,
Стоит выдавший виды ветеран,
И ржавчина легла ему на плечи.

Он, пресноводный житель длинных рек.
Весь почернел от копоти и сажи,
В каком году он начинал свой век —
Ему, пожалуй, и не вспомнить даже!

А сколько он провел больших плотов
Да барок с камнем, с кирпичом к причалам!
Из них немалых десять городов
Построить можно было бы, пожалуй.

Мальчишки удят с борта пескарей.
В пустынном трюме бродят по железу.
Он молча спит, ни широтой морей,
Ни далью океанскою не грезя.

Лишь тонким стоном отвечает сталь,
Когда гудят суда на повороте...
Стоит буксир, как бы сама печаль.
Сама тоска железа по работе.

А мне, пожалуй, ничего не надо,
Лишь строй берез серебряных в снегу
Да леса сине-белую громаду, —
Клянусь, что так. И я, друзья, не лгу.

А что еще? Да жить на белом свете,
Быть может, до шестидесяти лет.
А что еще? Могу друзьям ответить —
Весь, до былинки, этот белый свет.

Этот поезд, идущий в лето,
По пути к дорожному, к заветному,
На него доставать билеты
Очень трудно простому смертному.

Надо с трудностями бороться,
Год сидеть за книгами честно,
И тогда для тебя найдется
Возле лампочки лучшее место.

Рюкзаки, как подушки, — в голову,
И — да здравствует наше лето! —
Едут в Киров, Свердловск и Вологду
Земляки по университету.

Поезд медленно с места тронется,
Зачарован навек простором,
И березы ему поклонятся
На опушке за семафором.

Лес протянет к нему зеленые,
От росы блестящие лапы.
Речка вынырнет под вагонами,
Вся рябая от солнца, в накрапах.

А в вагонах — все окна настезь,
Вьется кольцами дым веселый,
В область сердца, по праву счастья,
Едут юные новоселы.

Область сердца, область Сибири, —
Там в пшенице один заблудишься.
И по сердцу леса на Свири:
Что задумано — все там сбудется.

Поезд полон, как ветром, песнями.
Их везут, и на каждой станции
Песня спрыгнет с короткой лестницы
И среди тишины останется.

Вот одна завернула за здания
И звенит где-то там, над рожью.
Но короткие расставания
Никого не томят тревожно.

Вот уже семафор ладонью
Приказал паровозу: «Трогай!»,
И на землю опять обронен
Гром, прикинувшийся дорогой.

Под него веселей живется,
От Москвы до Владивостока
Он не раз еще отзовется
Эхом юности в днях далеких.

К инженерам и агрономам
Вдруг при встрече случайной где-то
Подойдет, позовет знакомо
Этот поезд, идущий в лето.

В ТЕПЛИЦЕ

На улице снежная вьюга метет,
А в двери войдешь ты с мороза —
И августом жарким навстречу пахнет
В тепличном хозяйстве колхоза.

В зеленое пламя ботвы помидор
Тебя поведет от порога
Прямой, убегающий вдаль коридор,
Как будто бы в поле дорога.

Здесь, словно подсолнухи, лампы стоят
Под небом стеклянным рядами.
Краснеет редиска, клубится салат,
Соседствуя с огурцами.

И капли воды на крупинки росы
На листьях мохнатых похожи.
Озябли слегка пузаны-огурцы —
В пупырышках нежная кожа.

Забудешь, что стекла от снега белы...
Горят огоньки желтоцвета.
И лишь не хватает гуденья пчелы
В теплице для полного лета

Да пения иволги над головой,
Когда от клубники багряной
Пахнёт на тебя сенокосной порой.
Лесной земляничной поляной.

ЖЕРЕБЕНОК

В день ярмарочный на площади
Отстал стригунок от лошади.
Его напугала сутолока
Людей, машин и телег.
Он в страхе на все натывается,
Копытца врозь разъезжаются...
Наверное, кажется глупому:
Останется здесь навек.

Среди помидор раскаленных,
Лука клинков зеленых,
Среди поросячьего визга.
Летающего из корзин,
Среди пиджаков, да жакеток,
Да разных сокровищ лета
Ему не найти дорогу, —
Куда побежишь один?

Но тут, раздвигая в стороны
Всю ярмарку разом, поровну,
Бензином и полем пахнувший,
Пофыркивая, напрямик,
Обрызганный, пропыленный,
На шинах с травой зеленой,
Через базарную площадь
Двинулся грузовик.

И, видно, уж так случается:
Стоит народ, улыбается,
Идет грузовик, покачиваясь,

А за грузовиком
Бежит жеребенок площадью,
Бежит, как будто за лошадей,
Копытца легко подбрасывая,
Помахивая хвостом.

В ПОЛЕ

Как девочка-подросток,
Стоит в хлебах березка,
Глядит в простор зовущий,
На небо и на травы,
На золотой, насущный,
Поспевший хлеб державы.

А в нем дороги лента
С холма на холм ложится —
Дорога до райцентра,
А может, до столицы.

По ней в кудлатой пыли
Полуторки грохочут.
И тень широких крыльев
Отбросил с неба летчик.

Как голубая птица,
С ученым полеводом
По ней «Москвич» промчится
И проползет подвода.

И пешим ходом просто
С тугим мешком заплечным
Веснушчатый подросток
Пройдет заре навстречу.

Он песенку затянет
Про парня из забоя
И на березку глянет —
Как позовет с собою.

И на дорогу-ленту
Она не наглядится.
Дорога до райцентра,
А может, до столицы.

Одна из тех на свете,
Каких повсюду много.
В огромном жарком лете
Знакомая дорога.

НА ВОКЗАЛЕ

Метет на перроне вокзала пороша,
Люди снежок у вагонов толкут.
Вот отправляется парень хороший,
Окончив строительный институт.

Целых полкурса пришло прощаться
Веселых, горластых, дружных парней:
Возле дружка своего толпятся,
А парень думает лишь о ней —

О ней, что вниманья не обращает,
Поближе к вагону не подойдет,
Ждет отправления, видно, скучая,
От нечего делать перчатки мнет.

Стрелки торопятся по циферблату —
До отправления минуток пять...
Нет чтобы тут вот уйти ребятам,
Другу несмелому не мешать.

Все, что в душе у него томится,
Руки на плечи ее положив,
Сердце заставив потише биться,
Он бы сказал — и остался жив...

А девушка, видно, о том не знает;
Из факультетских девчат она
Самая бойкая и озорная —
Вдруг приемирела, стоит одна.

Что-то глаза на ветру слезятся,
Руки со злостью перчатки мнут —
Нет чтоб друзьям отойти догадаться
И отвернуться на пять минут.

И все, что в душе она год хранила
И не промолвила с глазу на глаз,
Тут бы сказала, не утаила.
Без недомолвок и колких фраз.

Но раздается гудок прощальный,
Зажег паровоз на груди звезду,
Тронулся, двинулся поезд дальний,
Прыгает парень в него на ходу.

Так и не сказано слово это,
Слово единственное на двоих,
Полное радости, счастья, света,
Самое лучшее слово для них.

Только ведь дело, друзья, не в этом,
Будут дороги и города,
Вечно летящие в зиму и лето,
Встречу сулящие поезда...

СТУДЕНТКЕ

Там замечает улицы зима,
Как по морским волнам плывут дома,
Мальчишки пробивают лыжню к школе,
Когда еще царит поутру тьма.

А здесь шумит в метели Ленинград.
Автобусы по Невскому летят,
В цветочных продают живые розы,
И дворникам лишь страшен снегопад.

А ты могла бы в городке чужом,
Когда одни метели за окном
Трубят в свои сверкающие трубы,
Не тосковать о городе большом?

Могла б ты, сняв тяжелые пимы,
Устав от всей ребячьей кутерьмы,
Под абажуром разложить тетради,
Где строчки угловатые прямы,

И по страницам угадать в тиши
Черты тебе раскрывшейся души,
А по рисунку — что грядущий мастер
Попробовал на нем карандаши?

И так — пока в предутреннюю сонь
Спать не уйдет из лампочки огонь
И ты услышишь, как палит из пушки
Мороз на всю Шексну или Шелонь.

Спит сторожиха, в школе тишина.
В окно плывет торжественно луна,
На нем цветут тропические розы,
Из льда и снега южная страна.

Поленья рассыпаются в печи,
Сверчок в углу настойчиво стучит
Малюсеньким упругим молоточком
О жаркие сухие кирпичи.

А за стеною в облаках берез
Затихнет мир. Сиянье синих звезд.
И ты сидишь, накинув шаль на плечи, —
Забыла про метель и про мороз,

Решив, что день делами был богат...
И скучно вдруг без гомона ребят,
И хорошо тебе, коль скоро к школе
Они по лыжне тропку проторят...

Уходит прочь косматая метель.
Свою на Невском бросив каянитель;
Тебе на Мойке в общежитье снятся
(нега вокруг на двадцать пять недель...

Ты далека, но за пургой ночной
Тебя я вижу именно такой.
Ты приезжай, таких там ждут и ценят,
Таких, как ты, там примут всей душой.

Л. П.

Ты любовь не зови,
Коль ушла она прочь от порога.
От несчастной любви
Есть отличное средство — дорога.

Километрами меряй
Летающее время разлуки.
Позабудешь потерю,
Коль занято сердце и руки.

Поброди по тайге, задубей
От наждачных ветров на заимках,
От железных дождей,
От мороза и льда, от зазимка.

Топором поработай
И горы порви аммоналом,
Все забудь и, припомнив кого-то,
Вернись и влюбляйся сначала —

В синеглазую девушку,
Вовсе не схожую с тою,
Не подумавши (где уж там!),
Стоит любить иль не стоит.

И нагрянет любовь,
От которой некуда деться,
А коль влюбишься вновь —
Помогло, значит, верное средство!

КУРОРТНИКИ

А. Яшину

Сверкали горы в небе гранями,
Пейзаж был ярок и величествен,
Два земляка, два северянина,
Ходили по земле таврической.

А над горами, как пожар, еще
Катилось солнце — море плавило,
Но было грустно двум товарищам,
Одетым по курортным правилам.

На юге загрустив о севере,
О всех делах, что там оставили,
Один подумал: «Как посеяли?..»,
Другой: «Как лес на реках сплавили?»

Как там район живет, работает
Да как там планы выполняются,
Когда они здесь беззаботные,
По бережку у моря шляются.

Но не любили громких фраз они,
И про дела свои хозяйские
Вслух было ими просто сказано
Совсем не так в то утро майское.

Один сказал: «На Белом озере
Еще остатки льдин мерещатся,
И цвета моря море озими
В полях за Белозерском плещется».

Другой вздохнул: «У нас за Вологдой
Черемуха в Никольске пенится,
И, значит, ветер веет холодом,
А здесь куда от солнца денешься...»

ШУРА КАПАРУЛИНА

Стол предрика в солнечных накрапах
Тополь отражается в стекле,
И лежит велюровая шляпа,
Как зеленый холмик, на столе.

С лектором из областного центра
Петр Степаныч разговор ведет,
Машинистка в «ундервунд» за стенкой
Осторожно, деликатно бьет.

К ней в окно влетает зелень мая,
Стук подков, автомашин гудки,
И влетела с ними золотая
Песня-птица с берега реки.

В двери, не стучась, без промедленья
Машинистка — волосы вразлет:
«Петр Степаныч, я прошу прощенья,
Шура Капарулина поет!»

Удивленья гостя замечая,
Ничего не говоря в ответ,
Петр Степаныч радио включает —
И ворвалась песня в кабинет.

Молодой, грудной, щемящий. властный
Голос разом всех зачаровал,
Будто близко пролетело счастье, —
Кто из нас о нем не тосковал?

В девичьей косынке над рекою, —
Все его по-разному зовут...
Песня льется, душу беспокоя,
И молчит за стенкой «ундервуд».

«Но нельзя рябине к дубу перебраться», —
Шура Капарулина поет...
А немолодому ленинградцу
По районам предстоит скитаться,
И жена уж третий месяц ждет.

Имена певиц перебирая,
Чуть взгрустнув — немножечко устал,
Вот сидит он, недоумевая,
Оперы любитель, театрал.

«Кто ж такая это, в самом деле?»
У предрика свет из-под бровей:
«Мастерица кружевной артели,
Гордость наша, местный соловей...»

Песня то замрет, то с новым жаром
Городок весенний захлестнет,
Над притихшей площадью базарной,
Над рекой у пристани плывет.

В парке, где поют на кленах птицы,
Из окошка радиоузла
Песня льется. Где же ей втиснуться
В микрофон-скворечник у стола?

И шофер-парнишка с грузом срочным
Выключил мотор возле ворот,
Он от песни уезжать не хочет...
Шура Капарулина поет!

ФОТОГРАФ

На углу, на площади базарной,
В домике, где солнце в окна бьет,
Маленький, смешной и популярный
Мастер фотографии живет.

Здесь по воскресеньям утром ранним,
С важностью особой на лице,
В праздничных костюмах горожане
Вытирают ноги на крыльце.

В доме белокаменные горы,
Лодка на волнах, как на пиле,
Конь-огонь, — ударь с размаху шпорой
И на край земли лети в седле!

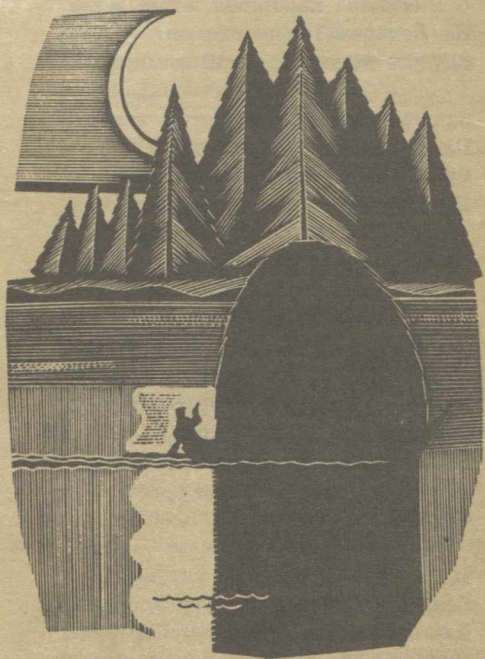
Есть для малышей свисток отличный,
Чтоб на мир глядели малыши
(Вот сейчас вспорхнет навстречу птичка)
И смеялись ото всей души.

Мастер посетителей встречает
Как гостей, которым очень рад,
Молодых и старых величает,
Полчаса наводит аппарат.

Подойдет, чуть-чуть поправит орден,
Чтоб сидел клиент во всей красе,
Шутит сам: «Снимаю!.. Снял!..

Испортил!..»

Не испортит. Это знают все.

Весь район за стеклами витрины
Показал фотограф неспроста,
Женщины, мальчишки и мужчины,
Как в театре, заняли места.

Вот на старом снимке, как в тумане,
В мичманке парнишка юный встал.
На Великом-Тихом океане
Служит нынче грозный адмирал.

Закусив зубами папиросу,
На фанерном скакуне летит
Русый, недозволенно курносый
Из села Ивановки «джигит».

Не пошел «джигит» по части конной,
И, как видно, не пошел не зря:
Знают все большие стадионы
Хватку молодого вратаря.

Рядом с ними (я скажу заранее:
Слава`их не очень велика) —
Просто рядовые горожане,
Просто из соседних сел крестьяне,
Снятые на фоне городка.

Ну, а чуть повыше на витрине
Семь портретов с Золотой Звездой:
Две звезды заслужены в Берлине,
Пять — в колхозе, на земле родной.

Смотрят, как живые с фотографий,
Ретушью прикрашены слегка,
Люди незаметных биографий,
Люди всем известных биографий —
Жители родного городка.

ПЕРВЫЙ ТРАКТОР

Ему до тех красавцев далеко —
Тяжелых, многотонных, гусеничных.
Что поднимают целину легко
И стали вроде лошадей обычны.

Прямой капот, четыре колеса,
Труба с дымком — вот главные приметы
И вся его железная краса,
Воспетая в начале пятилеток.

Но как «Аврора», мир перевернув,
В Неву входила, испарывая воды,
Так в бедную крестьянскую страну
Из Ленинграда вышел он с завода.

В него стреляли ночью кулаки —
В путиловца, партийца, ленинградца, —
Но где он шел — вставали мужики
За ним, как бы во время демонстраций.

Казалось, по деревне ехал гром,
И с ним никто не мог сравниться в силе.
И я за ним бежал, как за полком
Сейчас мальчишки бегают босые.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь прошел, и сторона лесная
Расступилась, и во всей красе
Встала в небе радуга цветная,
Как ворота на конце шоссе.

В створе расступившегося бора
За воротами — сады, дома,
Белый, красный, золотистый город,
Неба, солнца, красок кутерьма.

Будто зачарованный картиной,
Восхищенных глаз не отводя,
Смотрит пассажир автомашины
Сквозь стекло с веснушками дождя.

Кажется: пока что не открыта,
Там, за радугой лежит она —
Солнцем залита, дождем промыта —
Необыкновенная страна.

ГОЛУБЬ

Есть мальчишка в солнечном районе.
Он ничем не знаменит пока,
Только в небо запустил с ладони
Белого как кипень голубка.

И глядят прохожие, не дышат,
Позабыв на миг свои дела,
На зеленую, как лето, крышу
В синих волнах майского тепла.

Длинный шест над головою гнется,
Тонкий свист летит над городком,
Выше, выше белый голубь вьется
Над мальчишкой в небе голубом.

Виражами ходит, виражами,
Будто весь отлит из серебра,
Даже с дальних улиц горожане
Видят птицу снежного пера.

Видно, что-то им напоминает
Этот голубь, взвившийся в зенит,
А мальчишка этого не знает, —
Запрокинув голову, свистит.

В рубашонке выцветшего ситца,
Озорной, без шапки, босиком, —
И летит душа его, как птица,
Над залитым солнцем городком.

Виден голубь в поле трактористу,
Виден и девчатам за леском,
Как звезда-снежинка в небе чистом
Над одноэтажном городком.

ПЕСНЯ

7 II

Начинается песня эта
На делянке, там, где костер.
В дым кудлатый сверху одетый.
Ланы жаркие распростер.

Он ломает сухие сучья,
Плещет пламенем у виска,
И для песни, пожалуй, лучше
В полночь места не отыскать.

Высоко, высоко и тонко
Тенор песню вывел, — она
Все о том, как жила девчонка...
А за тенором, как со дна. —

Бас, упрямый, тяжелый, низкий.
Поднимается на снегу.
И летят светляками искры.
Пропадая, шипя в кругу.

Бородатые, в полной силе
(Седина легла у виска),
О девчонке вдруг загрустили
И запели два мужика.

И не то чтобы счастье мимо
Пронеслось у них, стороной.
И не то чтобы нелюдими.
Одиноки в стране лесной.

Просто хожено было много,
Этак лет, наверно, с полета,
По тяжелым земным дорогам,
И давалась жизнь неспроста.

Просто были, видать, невзгоды,
Просто трудно было не раз,
Просто вспомнили вдруг по годы.
Так вот песня и родилась.

Высоко, высоко и тонко
К синим звездам летит она,
Как жила за рекой девчонка,
За рекой, за Шексной, одна.

Гудок над пристанью вечерней,
 Река — как черная заря,
 И вот мне ключ каюты вверен —
 Я еду, проще говоря.
 Еще не взрыли воду плицы.
 Томит минута тишины,
 А память уж вперед стремится,
 Навстречу бакенам Шексны.
 Сейчас за первым поворотом
 Березка встанет на косе,
 И проплывут моста пролеты
 Во всей своей стальной красе.
 Шексна, ты в детстве мне казалась
 Всех рек огромней на земле.
 В тебе все небо отражалось
 Со всеми звездами во мгле.
 Ты поднимала пароходы
 В два этажа, как города.
 Я много рек за эти годы
 Больших и малых повидал.
 И на иные ты похожа,
 Как тропка на широкий путь...
 Но ты мне стала всех дороже,
 А это значит что-нибудь.

СТИХИ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Л. П

Я встретил женичину одну
И вспомнил о девчонке русой.
Весь город был у ней в плену —
Глаз, песенок, проказ и вкусов.
Весь деревянный рай земной.
Черемуховый, двухэтажный,
Со средней школой, с тишиной.
Со змеем в облаках бумажным.
Мы не встречались десять лет.
Лет шесть не знали друг о друге...
Из-под ресниц прохладных свет
Метнулся в радостном испуге.
Она — и не она, собой,
Как светом, день преображая.
Красивая передо мной
Стояла женщина чужая.
Я девочку любил тогда.
Есть память — с этого вокзала
И в юность ходят поезда.
«Ты помнишь?..» — девочка сказала.
Я оглянулся —
Сердце сжалось:
Разлукой сожжена дотла,
Любовь передо мной предстала,
Как степь от солонца бела.
Два-три куста воспоминаний
На ней пока еще росли,
Не зелень, а одно название,
Все пожелтевшие, в пыли...

А дальше пепел трав горелых
И отпечатки в нем цветов,
Когда-то синих, алых, белых. —
И я заплакать был готов.
Но предо мной, открыта свету,
Стройна. лукава, смущена,
Стояла и ждала ответа,
Как даль весенняя, она.
Звала она щемящей грустью.
В которой солнце, тишь, гроза...

И я забыл девчонки русой
Проказы, песенки, глаза.

Низко пригибая травы лета,
Шла гроза, огнем грозя земле,
В буре электрического света,
В фиолетовой слепящей мгле.

А под нею, тенью злой застигнут,
Белый голубь крыльями хлестал
Частого дождя косые иглы,
Воздуха похолодевший вал.

Легкий лепесток живого света.
Погасить его хотела тьма,
Но, с земли давно завидя это,
Мальчуган на крыше не дремал.

Он, шестом вооружась как пикой.
Весь взъерошен и взаправду зол,
Воздух свистом рассекал и гиком
И плевал на то, что дождик шел.

Сам не зная, как могло случиться
То, что с крыши в страхе не удрал,
Беспокоясь всей душой за птицу,
Он ее подбадривал и звал.

И когда над ним разверзлись громы,
Он, чердак закрыв за голубком,
Заплясал, охвачен незнакомым
Чувством, в этот миг рожденным в нем.

Молнии ломались по соседству,
Но, по крыше вдруг пустившись в пляс,
Он грозил им кулачком детским,
Ничего на свете не боясь.

В субботу «Голубой Дунай»,
Где вывеска гласит,
Что пьют здесь белозёра¹ чай,
Не от чаев шумит.

И не вино тому виной,
Какая в нем вина.
Что здесь народ под выходной
Толкует дохмельна.

Тяжелых кружек пениiii круг
До пенья петухов,
Железо узловатых рук
И нежный лен чубов.

В пыли полей, лесов, дорог,
В краю, навек родном,
Их проперчило солнце впрок
Веснушчатым огнем.

Министры поля и реки
Всё на земле пройдя,
О пользе солнца и дождя
Толкуют земляки.

¹ Местное название жителей района Белозерска.

Чистосердечной речи лад
Не терпит слов пустых.
Что думают, то говорят
О всех делах земных.

Без них не выдаст хлеб район,
Не встанет дом, не ляжет лес,
Не вырастет красавец лен,
Не знать земле чудес.

В субботу «Голубой Дунай»,
Где вывеска гласит,
Что пьют здесь белозёра чай,
Не от чаев шумит.

Над тихими столицами районов
Сейчас идет бесшумный звездопад,
И у калиток, райских врат влюбленных,
Негромко кольца на груди звенят.

В черемухе и звездах ночь кружится
Необычайной, редкой красоты.
В такую пору спать грешно ложиться.
А я домой пришел до темноты,

Попил чайку, перечитал газеты,
Спокойной ночи пожелал жене,
И вот она, своим теплом согрета,
С подушки рядом дышит в ухо мне.

И я прощался у калитки тоже,
Из рук любимой отбирал кольцо,
И целовал прохладное до дрожи,
Во тьме ночной сиявшее лицо.

И надо мной в черемуху летели
Бесшумно звезды с высоты небес,
Кружился мир и соловьи немели. —
Был полон белый свет простых чудес..

КРУЖКА МОЛОКА

Гончар на круге деревянном
Ей отдал взмах руки своей,
А после печи цвет каляный,
Пожар малиновых углей.

Огня, воды и глины дружба
Застыла каменным цветком.
Ах, эта глиняная кружка
С парным душистым молоком!

Густым, ромашкового цвета,
Белей любых берез в селе,
Дар утренней зари и лета
На белом скобленном столе.

Под ручку пальцы вдеты снова,
В ладони кружка улеглась.
Глоток — как вдох в бору сосновом,
И вот уж утвердилась связь

С жарой, где воздух сенокоса,
Звения, пронзают овода,
С большим зеленым лугом росным,
Где речка стынет, как слюда.

Где женщина по рани первой.
По знобкой рани босиком,
Еще не выспавшись, наверно,
Уже прошла, звения ведром.

Ах, эти глиняные кружки
С парным душистым молоком,
Как их берут поутру дружно
Детишки, вставшие кружком, —

Белоголовы, синеглазы,
В рубашках, стиранных сто раз,
Двумя ладошками, как вазы
Берут хрустальные у нас.

Блестят от соли скипы хлеба,
Сопенье слышится одно,
И не глаза глядят, а небо
Глядит на глиняное дно.

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Рукав просторный засучив по локоть,
Сжимая пальцы в узел кулака,
Его валяют на столе широко
И бьют его с размаху под бока.

Нет, это не обычная работа,
Священнодействием пахнет на столе,
Встречаются здесь грохот обмолота
С порой весенней сева на земле.

Полет ладоней яростен и нежен,
Все праздничней крутая пляска рук.
Валяют хлеб на кухне первый, свежий,
Труда и счастья замыкая круг.

Дожди и ветры пролились на камень.
Гром прогремел заслонкой, день окреп.
Веснушчат, рыж и кругл, как солнца пламень,
На кирпичах благоухает хлеб.

О нем звенит считалка, пляшут дети.
Газеты пишут, и в штормах судебных
Есть мера высших ценностей на свете —
Любовь, как хлеб, и дружба, словно хлеб.

А в кухне окна настезь, пахнет мятой,
Горячей глиной, молоком парным,
Хрустящей коркой, дымом горьковатым
И полевым простором распашным.

На полотенцах петухи горласты,
Белы полы, как на реке песок.
И все предметы к торжеству причастны,
А день просторен, светел и высок.

МЫТЬЕ ПОЛОВ

Как моются полы до белого каленья? —
Перегибая сильные тела,
Подолы подоткнув и обнажив колени,
Хозяйки моют пол в субботу добела.

Грохочут чугуны, гоняют тряпки воду.
Тяжелым ко́сарем раздроблена дресва.
Со щелоком парным и грацией свободы
На праздник утверждаются права.

С угла и до угла летает поначалу
Березовый голик, раздавленный ногой,
Обсыпанный дресвой, пока молчат мочала, —
Всему черед и честь, как в каждой
мастерской.

Здесь чистоту творят, а не полы здесь моют,
Ладони горячи и рук полет широк.
И лифчики трещат. Здесь дело не простое.
Здесь каждый бы из нас за две минуты взмок.

А им хотя бы что! Они как будто рады,
Лукавы их глаза, и плеч изгиб ленив...
Я тоже мыл полы в казарме по наряду,
Но не был весел я, тем более — красив.

А во дворе горят половиков полотна,
Как радуги на кольях у ворот.
Хозяйки моют пол под праздник, в день
субботний,
И праздник настает...

Из лавки овощной доставленный,
Кочан капусты — это сгусток
Поэзии, но не прославленной,
Поскольку он — кочан капусты.

Кочан капусты — это золото
Дождей, качающихся, грузных,
И жарких дней, на солнце колотых,
В клубок закрученное с хрустом.

В нем пенье птиц, ветров смятение,
Прохлада тени, запах мяты,
И первое тепло весеннее,
И звон отточенной лопаты,

И холодок росинки маковой,
Алмазной, гордой и прозрачной,
На листике рассады лаковым
Оброненной зарей кумачной.

Поэзия опубликована,
Все начинается как вызов.
Сталь синяя секиры кованой
И плаха, струганная снизу.

Река в кастрюле медной взорвана,
Топочет пенными кругами,
Шипит плиты планета черная
И брызжет синими цветами.

О, георгины кухни газовой,
Железные цветы горелок!
Кочан капусты волей, разумом,
В своей работе наторелым,

Разделан на лапшу и звездами
Колючей соли пересыпан.
А вот уже и лавры возданы
И перцем сдобрены до всхлипа.

И клубы пара ходят тучами.
Пахучи, яростны, приветны.
Щи возвышаются могучие.
Над ними небеса и ветры.

Цветочки на фаянсе замерли,
И каравай раскрыт, как Библия,
На них глядят, их ждут, их налили.
Они воскресли и погибли!

У КОСТРА

В глуши таежной на сплавной реке,
Воткнув багры, как будто копыя, в боны,
Как в песне, на песчаном берегу
Стоят, сидят и курят плотогоны.

Одним бы надо за пять верст в деревню,
Другим в барак бы рядом до утра,
Но вот они, большие, как деревья,
Сошлись у одинокого костра.

Уха в котле старательно клокочет,
И, руки на колени положив,
Перед явлением необъятной ночи
Они примолкли, обо всем забыв.

Как трещинка в стекле, как паутинка,
Звенит комар, а может, кровь звенит,
Неслышно закрываются кувшинки,
И льются струи на реку раkit.

Омытые закатом, за лесами,
Как белый город, встали облака,
И между смоляными берегами
Недвижна света полная река.

Тяжелые, сколоченные грубо,
Из рук не выпускавшие багра,
С реки не уходили лесорубы,
Бывало, от утра и до утра.

Не уходили и не замечали,
Среди какой красы они живут:
В безлунном блеске белой ночи дали —
Леса и взгорья, сказка наяву.

А тут костер, свободная минута,
Сверкнула в небе золотом стреха,
Стоят и не уходят почему-то,
И выкипает на костре уха.

Стоят, как будто в храме, лесорубы,
И тень улыбки бродит по губам,
И, словно в детстве, вздрагивают губы,
Как будто что-то шепчут по складам.

Под атласным одеялом
Солнцем полное плечо,
Лен волос, румянец алый,
Золотой пушок у щек.
Ты, наверное, не встала,
До сих пор ты спишь еще.

С вечера метель мела,
Мир калила добела.
Лес молил январь о чуде,
Но казалось, что не будет
Больше света и тепла.

А сейчас для всех влюбленных
В окнах свету терема.
Снегу полная зима,
День — царь-колокол червонный —
Полон звону, разума.

Милая моя краса,
Я ль не верил в чудеса,
Посмотри: не шелохнутя
Вплоть до полюса леса,
В воздухе дымки, как блюда,
Днем с огнем в лесу лиса, —
Не пора ль тебе проснуться,
Милая моя краса.

ГАРМОНИКИ

Над базаром музыка властвует,
Сто гармоник поют в углу,
Голубые, алые, красные,
На морозе поют к теплу.

Пар кудлатый клубит над лицами,
Снег укатан, словно каток.
Люди скидывают рукавицы и.
Свой треух отвернув чуток.

Наклоняют ухо и слушают,
Выбирают ту, что нужна,
Чтобы тешила вдоволь душу им.
Голосиста была и нежна.

Выбирают свою, особую,
Среди тысячи голосов.
И на слух и на оцупь пробуют
Песню, пляску, грусть и любовь.

Уж чего бы так, ведь гармония,
Не орган тебе, не оркестр..
Эх, гармония — филармония,
Да и опера сельских мест.

За нее трудовые, кровные
Отдают без боли рубли.
На плечо ремешок, и, словно им
Привалило счастье, — пошли.

Лесорубы, шоферы, пахари —
Все поклонники красоты...
А гармони поют и ахают,
И цветут на мехах цветы.

А базар еще пуще прежнего
Дымный воздух рвет городской
Громкой удалю, грустью нежной,
Буйной радостью и тоской.

ДВЕ ДАЛИ

Даль одна, ближайшая, темна,
А за ней — прозрачная от света.
Золотой жары полным-полна...
Так бывает в середине лета.

Здесь вот-вот на тихие луга
Хлынет дождь и гром ударит зычно,
Там сгребают сено, мнут стога,
Медом зной стекает с плеч кирпичных.

Пятнами цветными на песке
Брошены у речки сарафаны.
Девушки купаются в реке.
Дали две — различные. как страны.

И кукушка там и тут слышна,
Счет ведет и радостям и бедам,
Но звучит по-разному она,
Эта леса синего беседа.

Тем девчонкам под ноги летят
Без подсчета годы, как полтины.
Пропустить боясь, сажу, объят,
Словно грустью, песней кукушиной.

Прозвучит короткое «ку-ку»,
Жду, когда еще одно обронит,
Как колечко с камешком в реку,
Или замолчит и похоронит.

А девчонкам просто наплевать,
Распустили косы, ноги босы,
Сколько жить — считать не сосчитать,
Мять траву без спросу на покосах.

Солнышко у них над головой.
Отдаются небу, ветру, водам...
Тень и свет, прохладный день и зной
Под одним бескрайним небосводом.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ В ВОЛОГДЕ

Как колоколья ростом длинен,
Сажень в плечах, глазаест, усат,
Царь прибыл в город по причине
Совсем не царской, говорят.

В ботфортах, сшитых саморучно,
С дубиной, струганной ножом,
На складах пристанских, как крючник,
Царь околачивался днем.

Беседы вел с мастеровыми,
С купцами пил, табак курил
И, царское роняя имя,
Пешком по Вологде ходил,

Собак дубиной отгоняя.
Монашки, глядя вслед ему,
Крестами перси осеняя,
Гадали, что теперь к чему,

В глазах его бесовских пламя,
Дым из ноздрей, как две струи,
И кукиш делает перстами
Притом на храмы божии.

А паче, даже думать срамно,
Царь отбывает на покой,
Стуча перстом в перстие по раме
К вдове над Вологдой-рекой.

Ах, либе Анна, либе Анна,
Вдова голландского купца,
Добра, вальяжна и желанна,
Хотя и девочка с лица.

У ней атласы на перине,
Из Амстердама в склянках ром.
Что до утра в царевом чине
Он с Анной делает вдвоем?

Тут замирают дух и сердце, —
А царь по Вологде спешит,
Весь солнцем пропечен, как перцем,
Ушкуйник, а не царь на вид.

Он смел в любви и лих в застолье,
Но перед ним сейчас вдали
За речкою не лес да поле,
А море, флаги, корабли.

И Анне в горнице не спится:
Опять на дереве в окно
Поет томительная птица
И жжет в постели полотно.

Две крутых соболинки
Над рекой-синевой.
С торжеством и грустинкой
Низкий голос грудной.

Темным вишеньем спелым
Тронут маленький рот.
Золотых, загорелых
Плеч покатый полет.

Словно вверх по ступеням,
На тропе полевой
С ней летит по коленям
Синий ситец волной.

И встает и не сводит
Глаз при встрече народ, —
Словно юность проходит,
Словно счастье идет.

ХЛЕБ

В нем дюжина дождей и солнца суток сорок,
В нем пара сотен зорь и полдесятка гроз,
Сто тысяч в нем токов и шин машинных
шорох
Комбайнов ровный рев и ливни синих звезд.

Лежит бугор меж гор, в народе говорится,
А выставят на стол, и станет стол — престол.
Хлеб — голова всему. Он с солью не бранится.
Смиряется и пес пред ним, хотя и зол.

КОНЦЕРТ

Начинается, начинается,
Алый бархат уходит вбок.
Выплывают на луг красавицы,
Оживает старый лубок.

Сарафаны цветные тканые,
Из сафьяна все сапожки,
Как негаданные, неожиданные
Гуси-лебеди вдоль реки.

Гуси-лебеди, струи в лепете,
Ивы падают с высоты,
Солнце в небе встает из небыли,
Поднимается из мечты.

А по залу летит дыхания,
Вздоха радостный ветерок,
А на сцене зорь полыхание,
И под сердцем вдруг холодок.

Это так ведь мечтали прадеды.
Предки наши о красоте,
О несбывшейся и ненайденной,
Как о дали и высоте.

Пусть у нас своя, непохожая
И мечта есть и красота.
Непохожая, только что же мы
Восхищеньем томим уста?

Даль иная, высоты новые,
Только замер вдруг, замолчал
И любуется облюбованной
Красотою сегодня зал.

Видно, есть в ней самое главное,
Без чего не быть красоте,
И выходит она как равная
К нашим помыслам и мечте.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Запаситесь картою,
Поезжайте в Каргополь
Через реки синие
И леса
Зеленые,
Через птичьи голоса
И ключи студеные.

Каргополь, как Акрополь,
С храмами и высями,
На горе стал во поле
Гордо, независимо.
На Онеге во поле,
Чем не брат Акрополю.

Небо там старинное,
Стиранное ливнями,
С песнями, с былинами,
С елью, как с оливами.
Град стоит, красуется
С простотой естественной,
Возведен не суетно
Топором-кудесником.

А вокруг него холсты
Белые растелены,
И утрами с высоты
Солнышки рассеяны.

**Солнышки рассеяны,
Радуги расставлены
На российском Севере
В стороне прославленной!**

И я ее искал, по свету ездил я
За тридевять земель, морей и рек.
Красоты видел, но самой поэзии
Так и не встретил, глупый человек.

...Дышало лето ливнями и грозами,
Дымились реки, зрела тишина.
На большаке с плакучими березами
Мне повстречалась запросто она.

В своем краю, за речкою, не за морем
Она мелькнула вдруг грузовиком,
Плеснула песней, так что сердце замерло
И опалило душу холодком.

За песней баб над громкими колесами.
Растаявшей стремительно в пыли,
Вечерками, страдаю и покосами
Она открылась посреди земли.

Горячим хлебом обмолота первого,
Кувшином потным на краю стола,
Озерами с нетающими вербами,
Луной морозной в зареве стекла.

Девчонкою босой, простоволосою,
Забредшею во ржи, как василек,
Она прошла под солнцем и под звездами
И озарила запад и восток.

А было-то всего лишь — бабы ехали
Да песня, да обычный грузовик, —
Но это оказалось ее вехами,
И мир за ними встал и был велик,
Такой, что мне не рассказать не высказать,
Какой он есть, и только, может быть,
Чтобы понять далекое и близкое,
Жизнь надо просто заново прожить...

А я ее искал, по свету ездил я
За тридевять земель, морей и рек,
Красоты видел, но самой поэзии
Так и не встретил, глупый человек.

И в землях тех она, видать, прописана.
Но надо с ними жить и бедовать,
Пот проливать под небом кипарисовым,
Чтоб запросто в лицо ее узнать.

С Викуловъ

Мы редко с ним теперь встречаемся —
 У каждого свои дела.
 Но все ж встречаемся, случается.
 Вдвоем садимся у стола.
 Не по желанью — по традиции,
 Как на Руси заведено,
 Мы балуемся не водицею
 Дистиллированной. Но...
 Как только «что» да «как» кончается,
 Отодвигается хрусталь —
 И раздвигается, что чается,
 Что видится, — и глубь и даль.
 Он трет виски, он наклоняется
 И курит, курит без конца.
 И тень, и свет, летя, сменяются
 На резких линиях лица.
 И край, в котором уместиться бы
 Могло с полдюжины держав
 С их европейскими столицами,
 Определяется вдруг, став
 Тем настоящим, главным, истинным:
 И как живешь и как дела, —
 С чем исповедуются искренне,
 Ни боли не тая, ни зла.
 Над чем задумываясь, пробуют
 Себя, других и жизнь понять
 По счету по большому, строгому,
 Где не на кого зря пенять.
 А надо встретиться с причинами
 Того, что плохо, что не так...

Шумят поля, горит рябинами
И подступает к сердцу тракт.
Раскинулась в дождях и радугах
Провинция лесов и рек,
Печали, сокрушая, радуя,
Как личная судьба — навек.
Ах, эти встречи с другом досветла
Гора окурков. Поздний час,
Наговоришься вроде досыта,
А ляжешь — не смыкаешь глаз.

ЖЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

Сложились бабы по рублю,
Простые бабы, деревенские,
И пьют, я их не оскорблю —
Мол, пить занятие не женское.

У баб на то причина есть.
Особая, всемерно веская —
По радио промчалась весть.
И озарилась доля женская.

Вся вдруг до донышка видна
С поры далекой, незапамятной.
На целый белый свет одна,
Горя своим горячим пламенем.

Три полбутылки на столе
Плодовой, ягодной и выгодной.
Пьют бабы у себя в селе,
Румяные от водки выпитой.

Их не зовут домой мужья:
«Валюша. Валя, Валентина!»
Судьба — не песня соловья,
Не все вернулись из Берлина.
Пахали бабы, жали хлеб,
Леса рубили, сенокосили,
Век прожили в своем селе,
И слыхом не слыхав о космосе.

А над землей уж третий час,
Быстрее, чем шар земной наш кружится,
Вокруг него в который раз
Летит сестренка, дочь, подруженька!

Над щами, стиркой и страдой,
Над песнями, от слез солеными,
Летит над старыми законами,
Муж по которым — бог земной.

Гремит над всей землей эфир,
И марши, марши, в честь них, марши,
В честь них, потрясших целый мир,
Обыкновенных женщин наших.

А здесь, в деревне, стол накрыт,
Пластинка кружится любимая.
И день, как колокол, гудит
Над придорожными рябинами.

Весна —
 Пора любви, рождения.
 Ах, эта истина от века.
 Сосулька на капель разменяна,
 Но льды уже трещат на реках.
 Что без весны деревья рослые
 И даже малые растенья —
 Они под солнцем и под звездами
 Молчат, как призраки и тени.
 Весна —
 А что она для пахаря?
 Протравленная солью пота,
 Под небом золотым, распахнутым
 Весна —
 Тяжелая работа.
 До ломоты в костях без роздыха,
 До черноты дубленой кожи,
 Но без весны он, как без воздуха,
 Самим собою быть не может.
 Попробуй от утра до вечера
 Песка и глины мир ворочать,
 Но пахарь ожидает встречи с ней,
 Как ждут любви, цветов, пророчеств.
 Прекрасен отягченный брашнями
 Роскошный август бахарь красный,
 Но всю его красу на пашне нам
 Весной
 Творит из глины мастер.

Он просыпается с рассветами,
Минуты в ней не упуская.
Для дела древнего, заветного
Весна
Ему — как мастерская.

НА ВОЛГО-БАЛТЕ

Моей деревни больше нету.
Она жила без счета лет,
Как луг, как небо, бор и ветер, —
Теперь ее на свете нет.

Она дышала теплым хлебом,
Позванивая погромком.
К ней на рогах коровы небо
Несли неспешно людям в дом.

Плывут над ней, взрывая воды,
Не зная, что она была,
Белы, как солнце, теплоходы,
Планеты стали и стекла.

И дела нет на них, пожалуй,
Уж ни одной душе живой,
Что здесь жила, пахала, жала
Деревня русская век свой.

Детей растила, ликовала,
Плясала, плакала, пила,
С зарей ложилась и вставала,
Гремя в свои колокола.

Стогов, домов, хлевов, овинов
В богатый год и в недород.
В чем невиновна, в чем повинна,
Теперь никто не разберет.

Я до сих пор твой сын, деревня,
Но есть еще двадцатый век, —
Вывертывает он коренья
И прерывает русла рек.

Что сделал он, то сам я сделал,
Никто другой того не мог, —
И этот лайнер снежно-белый,
И всплывший дедовский пенек.

И я пройду по дну всю пойму.
Как под водой ни тяжело.
Я все потопленное помню.
Я слышу звон колоколов.

А наверху, как плахи, пирсы.
В ладонях шлюзов — солнца ртуть.
Я с тем и этим крепко свыкся,
Одно другим не зачеркнуть.

КЛЮЧ

Все выше день. Идут на убыль,
Синея, тени от межи.
Поют берестяные трубы
Над голубым покоем ржи.
А меж корнями на поляне,
Раздвинув травы и цветы,
Вдруг небо из земли проглянет
Прохладой знобкой высоты.
Над ним раскрыта рамка сруба
Вчера, а может, век назад,
И терпкий свежий запах луба,
И смол янтарных звездопад.
Сквозь сито глины, камня, кварца,
Подрагивая, как кольцо
На счастье или как на царство,
Студеный ключ летит в лицо.
Лови сверкающие кольца
В ладони лунку на лету.
Прислушайся, как колокольцы
Звонят в тиши о пустоту.
Пьют воду, умывая лица,
В ладонях пробуя на вес,
Откусывая, словно птицы,
Студеный краешек небес.
Пьют воду, набирая силы,
И возвращаются к лугам,
К стогам, к светилу, к жару, к пыли,
Как будто в праздник к пирогам.

Вечернее мычание коров —
Деревни нашей древняя молитва —
Хозяек вызывает со дворов,
Ворота раскрывает и калитки.
Они идут. Им улица узка.
Бык впереди, как будто холм горбатый,
А на рогах дожди и облака
Иль чистый пламень тихого заката.
Аркадия, пастушечья страна,
По улице течет живой рекою,
Тяжелые качая вымена —
Колокола домашнего покоя.
Подойники ответно им звенят,
Петух крылом на полотенце машет,
Коричневые кринки встали в ряд,
Стол хлебом-солью, как престол, украшен.
Поет струя парного молока.
Вы слышите, как цвинькают синицы
И вспыхивают вдруг издалека,
Из детства залетевшие зарницы.
Строители дорог и городов,
Солдаты и пилоты космодромов,
Вам всем она с младенческих годов,
Как песня колыбельная, знакома,
Та песенка подойника — без слов,
И руки материнские над нею
У розовых с шерстинками сосков,
Полынью отдающих и шалфеем.

Вы слышите, строители веков,
В местах, ничем другим не знаменитых,
Вечернее мычание коров,
Деревни нашей древнюю молитву?

УХА

Как строится рыбацкая уха —
То хлебово времен палеолита,
Которое в легендах и стихах
Воспето и доныне знаменито?
В янтарных звездах

благовест с дымком —

Уха тройная. Край обетованный.
Там ходят рыбы в реках косяком
И люди погружаются в нирвану.
Скрестили ноги, вперили глаза,
И нет огромных городов на свете,
Парламентов, газет, ракет, казарм
И даже тещ двадцатого столетья.
Реки рассветной одинокий плес
Или лесное озеро возьмите.
Щепоть зари и танец двух стрекоз
Над поплавком азарта и открытий.
Возьмите неба синего полней
С застывшими, как иней, облаками,
С курлыканьем в болоте журавлей
За рыжими от солнца тростниками.
Кувшинки вздох белее снега гор.
Свист иволги веселый и печальный,
И тишины торжественный собор.
Над всем вокруг встающий вертикально.
Потом костер, в ведро воды улов,
Картошки штук пяток, головку лука.
Уха клокочет, и не надо слов,
Берите ложку. Вот и вся наука.

В моей деревянной России
 Орут петухи да ветра,
 Да с дудочкой дядя Василий,
 Как леший, сидит у костра.
 Один с этим небом безгрешным,
 Один с этой чащей лесной,
 Да с дудочкой этой потешной,
 Жалейкой — смешной стариной.
 Жалеет печально жалейка
 Широкое поле и луг.
 Знать, жизнь для нее — не копейка,
 А горя и радостей круг,
 Который как будто кропилом,
 Слепящим на тысячу лет,
 Ни много ни мало — светилом
 Очерчен самим на земле.
 Костра языкатые всплески
 То гаснут, то снова встают.
 В них пламя Смоленска и Бреста
 И мая лазурный салют.
 Чужие края и столицы
 Как будто в рассказанном сне.
 А больше все рожь да пшеница
 Встают и струятся в огне.
 А больше дожди да метели,
 Дороги с темна до темна,
 Да тени в избе-колыбели,
 Да пот — тяжелее зерна.
 Где пламя, где жизнь — не отринешь.

Над тихой излучкой речной
Без жалости и без гордыни
Костер догорает ночной.
Играет жалейка. А рядом,
На темном лугу, в ивняках,
Звенит колокольцами стадо
И мчится куда-то река..

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ

Еще в городах миллионных
Дома не проснулись пока,
И только одни батальоны
Выходят под знамя полка.
Дымки над Россией косые
Уже завились без числа —
В деревнях и селах России
Ждут праздник еще досветла.
Березовым жаром до края
Наполнены печи подряд.
Хозяйки, как будто играя,
Ухватами тихо гремят.
Их лица огни озаряют.
На лавках широких в квашнях
Негромкое тесто вздыхает,
И бражка бушует впотьмах.
Мужчины еще не проснулись,
Ребята бормочут во сне,
И звонко над реками улиц
Орут петухи в тишине.
За выгоном прибрано поле,
В дворах погуляла метла.
Отпарены в банях мозоли,
Намыты полы добела.
Ждут праздник светло и отрадно,
И в окнах горят горячен
Знамена рябин в палисадах
Широким огнем кумачей.

Что может быть проще еще и сложнее
Дороги летящей и поля за нею,
Что может быть жестче еще и нежнее
Ладоней, что только себя не жалеют.

Зеленые звезды дрожат в поднебесье,
Большая Медведица зла и космата,
Но луг соизмерен с кострами созвездий,
С зарею грядущей, с вчерашним закатом.

Как зеркало месяца, падает в травы
Коса — и цветы обжигает под корень.
И древняя жатва обходит державу
С зари до зари, как от моря до моря.

И женщина в ливне пшеничного света
Встает на носки, выпрямляя колени,
Одета в цвета негасимого лета
И им же раздета как бы на мгновенье.

Да песня займется, зовя и тревожа,
А в ней все про то же, что было и будет,
И нет ничего, и не сыщешь дороже
Весь мир повидавшим, все видевшим людям.

КРУЖЕВНИЦАМ

За горами, за лесами,
В заповедной стороне,
Где поют в сугробах сани
С подрезами в тишине.
Снегу полная держава,
Вся земля белым-бела.
Там — собором многоглавым
На юру стоит ветла.
Там — дымки из труб, как спицы
В синей выси-вышине.
Звонко цвинькают синицы
На оранжевой сосне.
Из мороза, льда и солнца
Выстроены терема.
Белым пламенем в оконца
Смотрит алая зима.
Там полы белы намыты.
Занавески голубы,
Без утайки там открыто,
Между делом вроде бы.
Сказки те, что все на свете
До сих пор как чудо чтут,
В кружевном сельсовете
Бабы запросто плетут.

ПЕЙЗАЖ

В зеленых травах белая тропинка
Пересекает черное шоссе,
За ним она спускается в низинку,
Купается в серебряной росе.

Потом идет по красному болоту
Среди осоки, камышей, тресты —
И вдруг выводит словно бы к восходу
Упавшей с неба синей высоты.

И ты встаешь перед большим простором,
Где, как сады, клубятся облака
То розовым, то голубым, то черным,
Подернуты движеньем ветерка.

Там на столбах колеблющихся света
Стоит зеленый берег, бор стоит,
Деревня, дранкой золотой одета,
Плывет куда-то, трубами дымит.

Над ней лежат кувшинки, стебли спутав,
И лодка, опираясь на весло,
И выводок в нее ныряет уток,
Пока еще не ставших на крыло.

Какие ветры ходом здесь прошли,
 Срывая кровли и круша каменья.
 Алели долго на груди земли
 Одни остатки кладок, как раненья.
 Леса редели. Заросли росли
 Кустарника в полях — где ни попало,
 Сыны взошли в иных краях, вдали,
 Как семена, что ветром разметало.
 А здесь — болото, глина да подзол,
 Да лишь о предках праведная память.
 Но рожь всходила, лен неспешно цвел,
 И шли плоты по рекам с костерками.
 Знать, не сорвало, вдаль не унесло
 Того, кто в берег вросся, как ракита,
 Кто оставался парусом, веслом,
 Иабой и пашней, песней позабытой,
 Всем бурям и ветрам наперекор.
 И вот, как будто не было и было,
 Звенит топор, пытит дымком мотор,
 Смолою пахнут белые стропила.
 Над крышами двадцатый век занес
 Уже и здесь свои телеантенны.
 А на лугах заречных сенокос,
 И тишина вокруг благословенна.
 Лениво над рекой звенит осот,
 Стрекозы пляшут синие над нею.
 Она куда-то облака несет,
 То вся светлея разом, то темнея.

В реку глядится с берега посад,
И на пригорке, темнолиц н светел,
Стоит мужик, сам черт ему не брат,
У ног его улется в травы ветер.

За рекой-рекою в зареке,
Возле самого села,
Под вечер и в утра зареве
Песня запросто жила.

Неожиданно запетая
Миг назад, а может, век,
Словно дождь весенний, светлая,
Легкая, как первый снег.

Словно конь буланный в яблоках
На лугу в тени берез,
В радуге она жила-была,
В перезвоне ранних рос.

Я за ней ходил, обхаживал,
Услыхав издалека,
Знал и помнил слово каждое,
Да не выдалась строка.

Пролетела беззаветная,
И теперь сквозь все года
Не забуду песню эту я
И не вспомню никогда.

БЕЛОЗЕРСК

В июне 1972 года праздновали
1110 лет Белозерску

С размаху ахал барабан,
Труба пронзительно дудела.
У городка была судьба,
И в ней, как видно, было дело.
Судьба.
Одиннадцать веков.
Считай, не сосчитаешь годы,
Как цокот воинских подков,
И скрип телег неблагородный.
На свете не было Москвы
С ее державными делами,
А он уже «ходил на вы»,
Светил по свету куполами.
С его районной тишиной
Никто не станет нынче спорить.
Но, деревянный и льняной,
Он помнит тысячу историй.
Поет оркестр, кумач зовет, —
Как видно, не отшибло память.
Неунывающий народ
Идет, как в сказке, сам с усами.
Букеты синих васильков
Цветут на площади, как в поле.
Глядят одиннадцать веков
Вниз с уцелевших колоколен,
На огородов сизый дым,
На город в крапинках ремонта
И щит серебряный над ним —
На озеро до горизонта.

ДИОНИСИЙ

1

Умели деды строить грады
И веси на Руси святой.
Стоят они, очей отрада,
Красой равняясь с простотой.

На наших северных широтах, —
Видать, для света и тепла, —
Как солнышки ручной работы,
Горят над ними купола.

За Вологдой в дали таежной,
В конце проселка на пути,
Зайдешь под свод, и невозможно
Глаза от света отвести.

Веселый грешник Дионисий
Здесь песни цел и краски тер.
Он перенес на стены кистью
Тепло зари и синь озер.

Шеренги праведников рослых
Стремятся в рай, а там встают,
Толпятся мачтовые сосны
У Дионисия в раю.

Рай на горах, в бору с брусничкой..
А может, правда, рай — в лесу?
Мой край родной, мой друг великий,
Как опишу твою красу?

Пылает северное лето,
Недвижны сосны. Спит вода.
И, на стожар в лугу надета,
Дрожит вечерняя звезда.

А в дальней дали с новой силой
Через дремучие леса
Старинный град, райцентр Кириллов,
Плывет, расправив паруса.

Я видел рай не на небе,
Он в душу мне запал.
Его художник нанятый
В церквушке написал.

Но неподкупна кисть его.
И вот живет века
Работа Дионисия,
Как поле, как река.

Рай с соснами косматыми,
В бору заречном он,
С брусникою, опятами, —
Я в этот рай влюблен.

А он, видать, без памяти
Любил свой бедный край,
Его на стенах каменных
Изобразив как рай!

СТАРАЯ ФРЕСКА

Повстречались мы на заре
Белой ночью в веке двадцатом,
На кольчужном их серебре
След зари блестел розоватый.
Копья, словно солнца лучи,
Были в их ладонях зажаты,
А у бедер остры мечи
И щиты у илечей покатых.
Лица юны, добры, строги,
И ни злобы в них, ни печали,
Будто их на пути враги
Смертью лютою не встречали.
Будто виделся им другой
Мир прекрасный в подлунном лоне.
Белой радугой-дугой
Тонконогиегнулись кони.
Перезванивали стремена,
Пела в облаке птаха где-то.
И ни дали; ни времепа
Были здесь ни при чем при этом.
Молвь людская и конский дых
Плыли в белом льняном просторе.
И застыл я, смирен и тих,
На вечерней заре в притворе.
И стоял я, видя не храм,
Где-то лес палило пожаром,
Города по крутым холмам
Купола вздымали к стожарам.

Сосны в кронах качали дожди,
Солнце в синих катилось высях,
Голос был мне. Он звал: входи,
Это я зову, Дионисий.

МОНОЛОГ ВОИНА С ПОЛЯ КУЛИКОВА

.. Лежат князи Белозерски, в туго побиты суть...

Сказание о Мамаевом побоище

Их четырнадцать было князей
белозерских,
Я пятнадцатый с ними,
Вот стрелой пробитое сердце
И мое забытое имя.
И стою я в полку засадном
Вольный воин, как терний сильный.
Сотоварищи мои рядом,
Нету только еще России.
Нет России с песней державной
С моря синя до моря синя.
Ни тесовой, ни златоглавой
Нет еще на земле России.
Есть земель вековая обида,
Есть рабы, восставшие к мести:
Чем так жить — лучше быть убиту.
А для нас это дело чести.
Все сомнут мохнатые кони,
По степи помчат на аркане.
Но на нас наткнется погоня,
Ну а мы отступать не станем.
Конь мой гривой мотает рыжей,
Прыщут тучей на солнце стрелы,
Кычут коршуны, кружит крыжень,
А какое до них нам дело!
Как орда Мамаю качнется,
Как мы ляжем костями на поле, —
Так Россия с нас и начнется
И вовек не кончится боле.

НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ

Вы видите в зеленые дворы?

Сергей Наровчатов

Я по мосткам скрипучим по дощатым
Прошел на лаву и через канал
На озеро, — там, где песок крупчатый
Когда-то белым пламенем пылал.

Там нынче валунов гряда лежала
И с озером мешались облака.
Шагнешь и в небо упадешь, пожалуй,
И камнем канешь в нем наверняка.

По горизонту весь в огнях, как город,
К причалу приближался теплоход,
А рядом двое с тихим разговором,
Девичьи руки белые на взлет.

В камнях сплетались медленные струи,
Звения копилась в капельки роса,
Рождались тени, длились поцелуи,
Мережились слова и голоса.

Я слышал, в даях звякали подковы
И воинская плакала труба.
«Да где же это поле Куликово?» —
Звала тревожно девичья мольба.

Ответный голос плыл по глади водной.
Звучал вблизи, уже во мне почти —
«Да что ты, это конных переходов
Считай не больше двадцати пяти».

Сошлись в ночи и годы и разлуки,
Я их не звал, а я их просто знал,
И я был юн и над плечами руки
На берегу в предгрозые разнимал.

И сразу «мессера» над головою,
Трещал прошитый пулями большак,
Гудериана танки под Москвою,
Ростов оставлен, к Волге рвется враг.

Шли эшелоны в зареве багровом.
И где сходились небо и вода,
«Да где же это поле Куликово?» —
Звучало вновь, как в древние года.

И снова две зари передо мною,
Как жизнь назад, над озером горят,
Но уж не мы, а эти юных двое
Сейчас прощанье наше повторят.

Огни причала и огни простора
Сближала даль, как две цепочки звезд.
Сном праведника спал в березах город,
А мне в тревоге смутной не спалось.

В камнях сплетались медленные струи,
Звоня копилась в капельки роса,
Рождались тени, длились поцелуи,
Мерещились слова и голоса.

Казалось, вдруг сейчас раздастся снова,
Плеснет через разлуки и года:
«Да где же это поле Куликово?»
-- Там, где сошлись и небо и вода.

СКАЗЫ О ДИСНИИИ

Рубить в высоту,
как мера и красота скажут.

Из старинной грамоты

С теплохода бросают трап
В синеву, в тишину, в березы,
В пенье птах, в полыханье трав,
Под дожди, облака и звезды.
И взыскующий града народ,
С рюкзаком на плече, с транзистором,
Как десант веселый, берет
На Шексне голубые пристани.
За спиной его в проводах,
В ливнях вздрагивающих неона
Миллионные города,
Космодромы и циклотроны.
За спиною ревущий век
Конференций, джазов, молелен
С дымным прищуром из-под век
Неусыпно в душу нацелен.
Бомбой атомной осенен,
На полотнах разъят на части,
Взвешен, выверен, расщеплен,
Засекречен, распахнут настужь.
Но летит деревянный трап,
И петух, как на крае света,
За густым частоколом трав
Запевает горласто где-то.
Возникает голос ручья.
И за белой рощей туманной,
Незаемная, вся своя,
Открывается вдруг неожиданно,

Простодушна, пряма, чиста,
Пережившая все на свете
Неразменная красота
Нестареющего бессмертья.

А дорога в Кириллов вьется
От холма долиной к холму,
То вернется, то вбок метнется.
А к чему бы это, к чему?
Ну к чему бы?
Умна дорога.
Гудом ночи уже гудят.
А она — подожди немного...
Холм подкинет — взойди-ка, брат.
Как свеча, как парус крылат —
Вот он рядом, Кириллов град.
Вот он — только сойди с холма.
Ах, дорога, себе — сама!
Видно, был палата ума
Тот мужик, что ее торил.
Он торил ее, как творил,
Силы путнику впрок дарил,
Все поманивал — глянь-ка, брат,
Как свеча, как парус крылат,
Вот он рядом, Кириллов град.

Мастера воздвигали храм
До заката вплоть от рассвета,
И никто не мог мастерам
Ни перечить, ни дать совета.
И никто им был не указ, —
Стены, окна, притворы, двери
Воздвигали они на глаз.
Ну, а глаз — чем его измеришь?

Возникал, означался храм,
Рос, как сосны растут с рожденья,
К небу синему, строг и прям,
Будто в сказке по наущенью.
Прост, как небо, поле, река.
А стоишь, глядишь и глядишь, и...
А всего-то одна строка
Белых кружев камня под крышей.
А всего-то на нем сошлись
Мастера, забываясь в выси,
И кричал им: «Слезайте вниз,
Ну-ка дайте мне!..» — Дионисий.

Дионисий.
Синие выси.
Храм шатровый на берегу.
Он раздвинул его, возвысил
Кистью.
Как — понять не могу.
Разворачивая тряпицу,
Яйца в жестких пальцах лупил,
Обдирал сухую плотицу,
Запивал водой и всходил
На помост. К себе на тесинку
Восходил, как на край небес,
Прижимая с красками кринку
Ко груди,
И глядел через
Стены каменные навывлет.
Широко сияли глаза,
В них озера и грады плыли,
Зори прыдали, и гроза,
Травы синие Бородавы...
И он в озеро кисть макал,
А потом он макал в дубравы.

В алых зорь золотой накал.
А налево, да и направо,
Лишь леса в багреце, в дыму.
Было здесь ему не до славы,
А до правды было ему.
Кто давал ему это право,
Кто позволил это ему?
Но взрывались листвою дубравы,
Но всходили до неба травы,
И несли реки свет во тьму.
И глазасты, высоколобы,
Выше сосен, сильнее рек,
Души плотников, землеробов
Словно молнии били в век.
Не принижены, не убоги —
Просветленные люди-боги.
А тесинка под ним качалась,
И сидел он на ней один,
Сокрушенный, и звал, печалась:
— Встань-ко, сын, погляди-ко, сын..
А тесинка под ним плясала,
Словно ярмарка на юру.
— Глянь-ко, женка, — рука писала!
Полюбуйся, а то сотру! —
Дионисий.
Синие выси.
Кисть как факел в его руке,
Изумрудное солнце виснет
В крупной капле на кончике.
Факел?..
Кисти кидал за спину.
Били хряка дымным ножом,
Драли с теплой шкуры щетину
И смывали с нее назем.
Он стоял, бородат и странен.
Закатав рукава. Босой.

Рыжий, будто мирской крестьянин
Над неспаханной полосой...

В век космических скоростей,
Кибернетики, и нейлона
И штампованных впрок страстей
Не хватает людям озона.
Люди жаждут, ищут, таращатся,
Широко раскрывают губы.
В океане зеленой ящерицей
Остров всплыл.
Люди ахают — Куба!
Из межзвездного океана
Человек на ракете выплыл,
Но несут по землям и странам
Не ракету — Его улыбку.
В кедах, в алых и голубых
Бедных стеганках из синтетики
Дети атомного столетия
Застывают у стен лесных.
Над стыдливым пожаром лиц,
Как озера, глаза смятенны.
Даль без края и без границ
Открывают пред ними стены.
Молчаливо они стоят,
Дышат свежестью чуда росной.
Дети физиков и солдат,
Разгорающиеся звезды.

Там, где Чудь чудила и Меря.
Где семь верст до небес,
Она
Начиналась не в веке — в вере,
И не в спорах — в сборах.

Со дна
Русь по капле росы сбиралась
И копилась в реки в тиши.
С вольных душ людских начиналась
На борах, на горах, в глуши.
Сталь калила, камни гранила,
На траве белила холсты,
Скатный жемчуг песен хранила.
Начиналась она с высоты,
С той, которую враг ни плетью,
Ни копьем не достал, как звезду.
Начиналась с души
В ответе
Не за скарб, а за красоту.
Ту, что не увязать, да в торок,
И на спину коня, да в орду.
Ту, что не запалить, как город,
Не купить ничем красоту.
Ту, что можно, пожалуй, кистью,
Как жар-птицу, взять на лету.
Не крестьян писал Дионисий,
Не святых писал —
Красоту.
Вот она из камней упрямо
Воздвигается к облакам,
Пусть каменья на стройке храма —
Это камни лишь, а не храм.
Пусть каменья грубы, щербаты,
И в навозе они, и в пыли,
Но из них, как солнце, палаты
На зеленой заре земли.

На траве во дворе дрова,
Горкомхозовские поленницы,
Неба синие острова,

Птиц серебряные коленца, и
Сошлись посреди двора
Вместе — атомной эры жители
И безвестные мастера,
Воздвигавшие днесь обители.
Вот сошлись и держат совет.
Одного они роду-племени,
Разных душ во времени нет,
Самого нет на свете времени.
В небе белый ракетный след.
Рев турбин.
А внизу под высями
Льется добрый и чистый свет
Стен, расписанных Дионисием.
Ни ярыг архиерейских нет,
Ни царей, ни владык, ни иноков.
Мастера сошлись на совет
Дела верного и взаимного.
Отделяется свет от тьмы.
Это наше было и будет.
Словно реки, поля, холмы,
Это людям дарили люди.
Льется, льется листва берез
Бело-белых средь дымной сини.
Сколько глаз горит, сколько звезд.
Как похожи они в России.
Дионисий.
Ступаю ввысь
Вместе с теми,
Кто был и будет.
Освещает, как факел, кисть
Путь сквозь время идущим к людям.

СВЕТЛАНА

(поэма)

Летит по дорогам лёта
Машина с попутным ветром.
Водителю до рассвета
Осталось два километра.

Водитель Иван Батурич
Машины зовет бандурой;
Сидит он, сигарку курит,
Глаза голубые щурит.

Он едет себе да шутит,
Усы да баранку крутит;
А по стеклу, летая,
Тонкий железный прутик
Остаток ночи сметает.

И мне хорошо в кабине
Лететь по лесной равнине,
Вдыхая дымок бензина,
Настоянный на полыни.

Туда, где в лесах туманных,
Под пенье рек неустанных,
Встает на рассвете рано
Далекий колхоз «Светлана».

Дорога уходит вправо;
Грохочет по днищу гравий.
Иван говорит мне: — Право,
Век ездил бы по державе.

Возил бы людей да грузы
По всем большакам Союза;
Люблю, когда полон кузов,
Но только без перегруза.

А все же вот трактором этим
Лететь, обгоняя ветер,
Милее всего на свете,
Поскольку здесь в сельсовете,

Взгляни... — Он махнул рукою
На домики под горою
Над речкою голубою, —
Селенье мое родное...

А там амбары да фермы
Плывут на скорости первой,
Дымки расправляют перья,
И хлопают в избах двери.

И жаркой зарей захлестнут
В сверканье колючих рос,
Как гром молодой, по мосту
Влетел грузовик в колхоз.

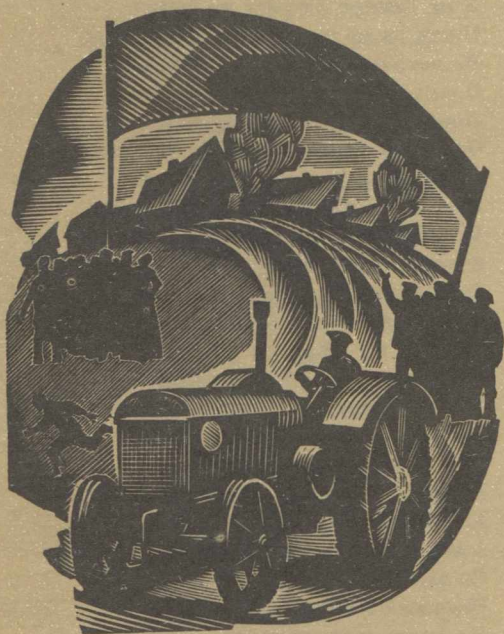
Свернула знамя алое заря,
Восходит солнце, медленно горя.
Шофер Батурин, высадив меня,
В гараж ведет машину, как коня.
— Вон председатель, видишь, на углу
Иди к нему навстречу по селу.

Скрип журавлей, далекий стук подков,
Тягучее мычание коров,
Железа звон и пение ворот —
Работы утро на земле встает.

Мне с неких пор уже не привыкать
В беседу с незнакомыми вступать,
Но не люблю, когда сквозит меж строк
В беседе отчужденья холодок.
Иду, гадаю, как наедине
Сойтись короче, проще...

А ко мне,
Одетый в китель, молод и высок,
В фуражке, сбитой лихо на висок,
Веснушчат, от загара темнокож
И на кого-то здорово похож,
Шагнул ко мне, как бы из дальних лет,
Напомнив вдруг за Волховом рассвет,
Огни ракет, снега темней песка —
Комбат артиллерийского полка.
А может быть, под Псковом ночь плыла
С огнем и мокрым ветром пополам,
И офицер, распутицу кляня,
Орудье вытащить просил меня.
Потом у танка между двух атак
Мы на привале жадно жгли табак...

А председатель думал, может быть:
«Как с этим журналистом говорить,
Чтоб не попасть нечаянно впросак?»
Он шел ко мне, не ускоряя шаг,
И вглядывался,
Но в пяти шагах
Улыбка вспыхнула в его глазах.
И он, как я, подумал сразу тоже:
«Знакомый парень, на того похожий...
В рубцах ожогов левая щека, —
Да это же танкист наверняка!»
Внимательные с искоркой глаза.
И вспомнилась под Киевом гроза, —
В кирзовом шлеме коренастый парень

На переправе около сосны
С машины прыгнул, по плечу ударил:
«Давай закурим, что ли, бог войны».

Так встретились под пенье петухов
Бывалые солдаты двух полков.
И пусть под Псковом он не воевал,
Я на Днепре ни разу не бывал,
Пусть он не тот, и я пускай другой,
По встретились мы на передовой.
О чем солдаты могут толковать,
Когда пришла пора косить и жать,
Он поднял руку, как вниманья знак:
— Какая, друг, повсюду тишина.
Я позабыл немолчный гул войны,
И по ночам, с весны и до весны,
Смотрю сельскохозяйственные сны.
Став армии строителей бойцом,
Воюю дома со своим отцом.
Сегодня на собрании вопрос
О станции решает наш колхоз.
Так вот, отцу не нравится проект
Соединенья двух колхозных рек.
«Не по плечу, кричит, и рановат
Проект. Куда нам двести киловатт!..»
Хозяевать умеет мой старик,
А вот к масштабам новым не привык...
Он замолчал.
Издаലെка с полей
Плыл ветер по вершинам тополей,
Сиял росой обрызганный простор,
Шло солнце, взгромоздясь на косогор..
И спохватился:
— Что же мы стоим,
Тебе же отдых, друг, необходим.
За школой, видишь, пятистенный дом?

Иди к отцу, побалуйся чайком.
Старик любитель разных новостей.
Встречает он как следует гостей.
Ты к нам надолго?
— На лето.
— Тем боле...
Увидимся в правлении, ты к нам
Приехал кстати.
Мне же надо в поле,
А дом Ипатовых найдешь ты сам.

Шла туча издали
Черна, лохмата.
И вдруг над избами,
Как из ушата,
Дождь опрокинула.
Под грома окрик
Литавры вскинула,
И дрогнул округ.
Ударом молнии
Зажгла осинник.
А в небе полыньи
Цветущей сини.
Дождь рад войти в луга,
Но нету арки, —
И встала радуга
Под солнцем жарким.
Капуста крикает
На огороде, —
Во время всякое
Ей дождик годен.
А вот косцам в лугах
Дождь, как измена, —
Они гребут в стога
И в копны сено.

И тут от школы к ним,
Наперегонки
С дождем,
По лужам голубым
Бежит девчонка.

Она, стряхнув легко
С ног босоножки,
Махнула мне рукой:
«Нажми немножко!»

И в синей дали там,
Где солнца просеки,
— На помощь, Валя, к нам!
Кричат покосники.

А дождь все напуском,
От солнца пегий,
Но, видно, взапуски
Давно не бегал...
Растут в лугах стога,
И словно саблями,
Встречают дождь луга.
Сверкая граблями.

★

Над копнами — пар лиловатый.
Мы сено от ливня спасли,
И с песней веселой девчата
По лугу цепочкой пошли.
Валки разворошены ровно,
Ворча удаляется гром.
И мы с Валентиной Петровной
По тропке в деревню идем.
Сверкают под солнцем травинки
Как блески в ее волосах,

Высокого неба дыминки
Плывут и не тают в глазах.
Смеется она: — Что, попали
Со мною на бал с корабля?
Ведь я обозналась вначале, --
А вы не впервые в полях...
Тут есть инженер из конторы,
Я вас за него приняла.
Он мастер плотин и моторов,
Но вовсе не знает села.
В очках хлопотун близорукий,
Колдует весь день над рекой.
Хотела б взглянуть, как он в руки
Взял грабли, нескладный такой...
Со мной тоже было негладко —
Не знала, как сено гребут. —
Не местная я — ленинградка.
Окончила пединститут.
Учу ребятишек
И жизни
Учусь, будто заново тут.
Какие по нашей отчизне
Хорошие люди живут!
А впрочем, увидите сами,
Узнаете все дела.. —
В деревню большими друзьями
Нас тропка меж тем привела.
И платье ее в отдаленье
Мелькнуло уже за углом.
Вхожу по скрипучим ступеням
К Трофиму Ипатову в дом.

*

Синеватый дымок струится
В золотистых лучах косых,
Кот гуляет по половицам
И мурлычет что-то в усы.

Отчаевничали. Посуду
Перемытую со стола,
С медом первого сбора блюдо, —
Всё Лукерья в шкаф убрала...

Что ж, пойду до реки, пожалуй.
Время к вечеру. Пять часов.
У хозяев дела немало
Кроме гостя и кроме чаев.

Запах скошенных трав тревожит.
Долетающий издали
Ветер, как мальчишка прохожий,
Завивает вьюнки в пыли.

А в реке, закатавши брюки,
Бродит с колышком, с бечевой,
На часы глядит близоруко
Сам заочный знакомый мой.
В брызгах ярких цветного спектра
День, похожий на людный вокзал,
Инженера из Сельэлектро
Собеседником мне послал.
Я не праздный из доброхотов,
Мне положено неспроста
Знать как в формулах и расчетах
Обретает лицо мечта.
Я в нее под огнем поверил,
В жизнь дерзания и полета...
До собрания с инженером
Разбираемся мы в расчетах...

А потом он у переката
По плечу меня вдруг ударил:
— Молодчина этот Ипатов,
Все блестяще продумал парень.

Верен, точен проект Степана,
До Россохи канал возможен.
Трудно будет рыть котлованы, —
Экскаватором мы поможем.

С экскаватором мы за лето
До Россохи канал пророем.
Две реки сольем,
И при этом
Мощность станции мы утроим.

А пред нами, гремя камнями
В темных зарослях ивняка,
Голубое плескала пламя.
Пела, била, плыла река.

Собирался народ в правление,
То и дело хлопали двери.
Будут жаркие нынче прения. —
Распахнула окна Лукерья.

И ворчала сердито старая:
— Набросают сигарок кучу,
Будто урны ставила даром я,
Для красы, по такому случаю...

Все ж плакатик с кратким воззванием
«Не курить» — на стене поправила.
Собирался народ на собрание
Ровно в восемь часов, по правилу.

Счетовод подтянул цепочкой
Гирьки ходиков до предела. —
Установлен регламент точный. --
Приступаем, товарищи, к делу.

По вопросу о двух проектах
Гидростанций
Слово имеет
Представитель из Сельэлектро
Инженер, товарищ Сергеев.

Инженер из блокнота
Читал как по нотам.
Ясно, все по расчетам.
И уже на Трофима
Поглядывал кто-то:
«Слышишь, батя?..
Ну то-то...»
Но Трофим не сдается,
Брови хмурит сердито:
«Тоже мне полководцы,
Бросьте вы городить-то».
Он-то мыслит иначе,
Встал степенно и начал:
— Что касается плана —
Проекта Степана, —
Я скажу: план-то планом,
Да не было б рано.
Говорят: «Поспешите,
Людей насмешите».
Как хотите решите,
Я скажу без обмана, —
ГЭС нужна дозарезу.
Куй горячим железо, —
Только надо, чтоб трезво.
Я такое хочу,
Чтобы нам по плечу.
Чтоб под осень так было:
Река молотила
И в избах светила.
Река — это сила. —
Кто-то выкрикнул: — Точно!

Кто-то: — Ну, закрутил!.. —
Счетовод все построчно
В протокол заносил,
Но притихло волнение.
За столом кумачовым
Попросил позволения
Сын сказать свое слово.
Встал, на батьку похожий
Лицом и повадкой,
Только крепче, моложе,
Парень с новою хваткой.
И сказал свое слово
Веско, твердо, толково:
— К нам дороги ягою мерены
Лет полсотни назад клюкой.
И клюка ее здесь потеряна
В темном лесе, за Юг-рекой.

Лишь в двадцатых, собравшись с силами,
Миром всем, через топь болот,
Сквозь леса, большак прорубили мы...
Рад несказанно был народ.
Для телеги надо немного:
В метр настил, в три бревна мосток,
Но в тридцатых — по-над дорогой
Завился бензина дымок.
Жизнь гремела стальным мотором,
Стала ей колея узка.
И пришлось нам заняться скоро
Реконструкцией большака.
А в селе МТС заложена —
Снять с постройки пришлось народ.
Все оставить дела неотложные
И возиться среди болот,
Чертыхаясь: «Какого дьявола
Не додумались заодно
В ширину с запасом, по правилу,

Стлать дорожное полотно.
Не додумались взять вначале
Шире просеку.
Не возвели
Так мосты,
Чтоб сто лет стояли,
А ведь сделать это могли...»
Верно я говорю?
Так было?
— Было!
— Ну, так сказать хочу,
Что теперь мы такая сила, —
Нам любой большак по плечу.
Надо строить надолго, прочно,
Чтоб служило не только нам.
Точно я говорю вам?
— Точно!
— Чтоб потом не пришлось сынам
Рыть канал там, где намечали
Мы его, но не провели,
Чертыхаться,
Что мы вначале
Сделать этого не смогли.
Ведь у них дела неотложные,
Знаю,
Будут помимо ГЭС...
Нам об этом думать положено,
И не в будущем, там,
А здесь!
Нынче.
Ибо так мы на свете
Строим, граждане, и живем,
Что о нас непременно дети
Скажут детям своим потом,
Что мы шли по путям нехоженным
И несли, всем врагам на страх,

Груз работы, сынам положенный,
А не только свой, на плечах.

★

Расходился народ с собрания,
Смех. Частушки накоротке.
Далеко, далеко в тумане
В этот час на Москве-реке
Стрелки, словно по стойке смирно,
На курантах на миг сошлись.
Грянул музыки вал над миром,
Устремляясь спокойно ввысь.
И на Чалексе,
У амбара,
В лад кремлевским часам стуча,
Сторож встал
И тотчас ударил
Шкворнем в рельс
Со всего плеча.
Звон плывет спокойно и ровно,
Будто с башни Спасской самой,
И Степан с Валентиной Петровной
Задержались, идя домой.
Загляделись на синий, синий
Горизонт в огне по краям...
Доброй ночи твоим, Россия,
Селам, рекам и городам!

★

Окончился день колхоза;
Оделись в туман березы;
Проплыл над селом уснувшим
По рельсу звонкий удар;
И скрылся на тракте поздний
Свет, на минуту блеснувший,
Автомобильных фар;

Пропел запоздалый кочет, —
Все успокоилось к ночи.
Но я ушел с сеновала,
К воротам тихо иду,
Мне надо обдумать очерк,
Вернее, его начало...
У мыслей на поводу,
Хочу закурить на покое,
За спичками лезу в карман
И слышу: — беседуют двое.
Беседа идет про роман
О верности, о дорогах,
О чувстве чистом и строгом,
О Родине, о работе
В далеком лесном краю,
Где ветры с горных отрогов
Снегами кипят в полете,
И люди живут как в бою.
Степан говорит Валентине:
— Валя, я вижу тоже
Под небом ночным и синим
Огни покоренных рек.
Турбины взрывают тревожно,
И мы провода раскинем,
И явью станет проект...
...Хороший писатель Ажаев... —
Я тихо стоял в тени —
Влюбленных я уважаю, —
И то, что читают они.
Уйду по тропе меж грядок,
Не ускоряя шаг.
Горит, словно флаг на параде,
На грядке высокий мак.
Пахнуло от старой бани
Вениками, теплом,
И тишина в тумане

Неслышно плывет селом.
И вот уже сторож где-то
Стучит третий раз о рельс...
Стою в преддверье рассвета,
Гляжу на реку, на лес.
Мне снова всю ночь не спится,
Как мир на земле хорош!
Вдали полыхнула зарница, —
Цветет, значит, в поле рожь.
А где-то на речке Чалексе,
Кулик на судьбу печалится,
На тонких ногах качается
И клювом в тростинку бьет.
И так уж в июне случается, —
Ночь, не начавшись, кончается,
Заря с зарей обручается,
И новый день настает.

*

Тресты зеленые ножи
И камыши как палицы;
Меж них старательно бежит,
Гремя камнями, Чалекса.

Летит холодная струя
Под голубыми кручами,
Непокоренная, ничья,
Заверчена, закручена.

В сверкающие кружева,
Как девица, обряжена.
Бежит река не год, не два,
Торопится. Куда ж она?

Куда ж она снаряжена
Летит издалека?
Бег начала когда ж она? —
В старинные века.

Меж прочих речей выделив,
За нрав, за непокой,
Ее и деды видели
Стремительной такой.

Отцы глядели вслед реке.
Спешит река не к нам,
Ей тыща лет по метрике,
Она ж юным юна.

Летит себе, и вот она,
Не умеряя ход,
Влетела в год работы к нам,
В сорок девятый год.

И ей сказали: Путь далек,
Но ты примчалась в срок.
Пора вступать в свои права.
К работе приступать —

Крутить большие жернова,
Деревне ток давать,
Леса пилить, в домах светить
В колхозной стороне,
Пора пшеницу молотить,
Работать на гумне...

Тресты зеленые ножи
И камыши как палицы;
Меж них старательно бежит,
Гремя камнями, Чалекса.

А на высоком берегу,
Уложенные ровно
В две пирамиды, на лугу
Уже готовы бревна.

И только плотникам скажи, —
Они начнут рубить ряжи,
Плотину возводить...
— Что ж, так тому и быть!

★

На вторую неделю круто
Завернула жара.
С утра
Волны зноя плывут,
Как будто
Из огромной кузни ветра.
Просят пить козодои, плачут
В иван-чае — горит земля.
Обожженные ноги прячут
Под завалинки тополя.
Диск расплавленный солнца врезан
От зари до зари в небосвод.
Черноземом, пылью, железом
День грохочущий отдает.

Вот вонзились лопаты с хрустом
Разом в затравяневший дол.
Вдрогнул день, покачнулся грузно
И на всех скоростях пошел

Вдаль от Чалексы и к Россохе,
Движим рук напором крутым,
По земле, навстречу эпохе,
Той, к которой мы так спешим.

Через лес, кустарник и пашни,
Дерн выбрасывая рывком,
Исправляя график вчерашний
На стене правленья мелком,

Бригадирам раздав наряды,
День рабочий — в песке, в пыли —
Вымпел передовой бригады
Резко выдернул из земли.

И уже на холме покато
Древко сильной рукой воткнул
Так, что в зеркале переката
На Россохе огонь блеснул.

Били землю киркой, лопатой,
В тачках вверх по мосткам везли,
Поднимали на гребень ската,
Задыхаясь в сухой пыли.

Будто весь колхоз вдоль канала,
Всех рабочих людей села
Жажда в эту жару поднимала
И к реке напролом вела.

Надо только прорыть, пробиться,
Вот удар еще, вот бросок...

Предколхоза, войдя в пшеницу,
Мнет с тревогою колосок.

«Хлеб не ждет. А жара — экватор.
Надо завтра выйти к реке...»
И с надеждой на экскаватор
Смотрит, колос зажав в руке.

★

Экскаватор встал с лопатой,
Как железный человек,
Кряжистый, сутуловатый,
Режет землю между рек.

Загребет ее с начала,
Поднатужится слегка —
И над бруствером канала
Черная летит рука.

А в кабине,
В майке синей
Щуплый, шустрый паренек
Но без паренька машине
Как без рук и как без ног.

Не поднять песчинки малой,
Даже с места не сойти,
Если бы не этот малый
Лет неполных двадцати.

Паренек безусый, русый —
В городе окончил курсы.
Агрегат зовет папашей,
Бьет ладошкой по плечу:
«Мы с папашей сутки пашем
И не устаем ничуть».

Газ — ногою до отказа,
На себя рычаг рванет,
Подмигнет девчатам глазом
И такое скажет:

— Мне бы, девушки, по чину
Надо новую машину
Да на Волго-Дон канал...
Я тогда бы жизни дал!

Жизни дал!
Рекорд вчерашний
Перекрыт.

Потрясены
Облаков крутые башни,
Нет на свете тишины.

Жизни дал! И землю режет
Ковш без устали в упор.
Жизни дал! Но только скрежет
Вдруг раздался, — встал мотор.

Встал, чихнув перед пригорком,
И больнее нет в тот час
Шутки, чьей-то шутки горькой
И не в бровь, а прямо в глаз —
«Вот и Волго--Дон, вылазь...»

★

На брезенте жестком, новом
Весь разложен инструмент.
Подошли.
— Привет!
— Здорово! —
И пахнуло на момент
Далью памятной, которая
Озаряет жизнь мою,
Будто встретил у мотора я
Юность русую свою.
Вот стоит она — упорная,
Руки в масле до локтей;
Там, в бою за речкой Черною,
Кто придет на помощь к ней?

Мины ахают над пашнею,
Огонь в сухой траве,
И молчит с недвижной башнею
Тяжелый танк КВ...
Будто снова я на фронте.

День горяч. Мотор молчит.
— Нет поблизости ремонтников,
Механик говорит.
— Ну-ка, дай ключи! — Умение,
Что далось ценой потерь
На войне, в боях-сражениях,
Пригодится нам теперь.

И в ладонь ложится веско
Сталь, привычная рукам.
Но отводит парень резко
Руку в сторону:
— Я сам! —
Сам! Холодный блеск железа
Отражается в глазах
Ключ в ладонь упрямо врезан,
Капли пота на висках.
Наклонился к раме низко,
Будто весь в железо врос.
Первый раз меняет диски
Не на курсах, а всерьез.
А по глине на откосе
Все короче тень стрелы.
Парень помощи не просит. —
Пальцы рук его белы,
Вздулись мускулы под майкой, —
Заколодило, стоит...
И сказал я тихо:
— Дай-ка,
Силой тут не взять! —
Молчит.
Пододвинулся...
Паленым
Тянет в лица ветерок.
Дым идет от фрикциона...
Так и есть! Сцепленье сжег.

Но пошла вдвоем работа
Веселее... Он ко мне:
— Где учился?
— Да в болотах —
Подо Мгою, на войне.
До войны не приходилось, —
Сожалел не раз о том.
Научился — пригодилось...

День идет своим путем.
Глухо лязгают лопаты,
На откосе тень стрелы
Вверх пошла... —
А я в солдаты —
Не гожусь — лета малы.

Только я не унываю,
Вот придет пора служить,
Я мотор заранее знаю —
Пригодится, может быть! —
Подмигнул легко, задорно...
В мирный полдень, не в бою
Повстречал я у мотора
Юность русую свою.

Заполдень, в мареве солнце качалось,
Солнце двоилось в глазах наяву.
С ног землекопов свалила усталость
В тень, в жестяную от зноя траву.
Луч золотой пионерского горна
Между деревьев сверкнул и погас.
Школьники подняли песню задорно,
Но не до песен народу сейчас.
В землю лопаты.
И руки раскинув,
Чтоб отдыхали...

Лежат и сидят
Молча.
Ведь не из железа спины.
Телами усталыми луг примят.
В ряд посадив топоры на бревна,
Плотники тоже сошлись на лугу,
Но поднялась Валентина Петровна,
Подсела поближе, и вот в кругу,
Помедлив, задумавшись на мгновение,
Глазами окинув канал и лес:
— Хотите, я расскажу о Ленине
И о первой крестьянской ГЭС.
— Кончалось короткое лето,
И, на день оставив дела,
Ленин приехал с рассветом
К простым землеробам села.

Багровые гроздья рябины,
Как кисти высоких знамен.
Босые мальчишки машину
Со всех обступили сторон.

И с этой толпой босоногой.
Как сельский учитель, к реке,
Учитель народов дорогой
По Кашину шел налегке.

Помятая кепка в кармане,
Пальто распахнул широко...
Ему подавали крестьяне
Тяжелые руки легко.

Летела вода с водосброса
И пела ликующе в лад,
А он, задавая вопросы.
Всему был несказанно рад.

Он каждую мелочь заметил,
Ходил, как по цеху чудес,
По маленькой, первой на свете
Крестьянской бревенчатой ГЭС.

Потом у трибуны дощатой
Стоял, затихая, народ
В тот славный, далекий, двадцатый
Суровый и памятный год.

Он руку над митингом вскинул
Вперед и стремительно ввысь.
Запела на речке турбина, —
И разом в деревне зажглись

По избам огни коммунизма.
Ильич на трибуне стоял, —
Как будто не бедные избы
Тогда пред собой увидал.

Увидел с дощатой трибуны
Все то, что мы видим кругом:
Огни всесоюзной коммуны
Над самым далеким селом.

Валя замолкла.
Одно над привалом
Солнце в литой синеве бушевало,
Било на реках о камни стекло...
Стало так тихо, что все услышали,
Как за Россохою дятлы стучали
И по орбите светило текло.
Кто-то поднялся, соседа за локоть
Тронув легко, не сказав ничего,
Будто почувствовав как издалека
Смотрит Владимир Ильич на него,

На котлован, на плотину, на травы,
Реки, канал, на вершинки берез,
На огневые поля, на дубравы,
На земляков, на родимый колхоз...
Люди вставали, рубахи одернув,
И над строительством в жарких лучах
Тонкий сигнал пионерского горна
К синему небу взлетел, рокоча...

А внизу на плотине
Вздымают стропила.
Ставят сруб,
Оседлав по казачьи кряжи.
Как стальные подсолнухи
Светятся круглые пилы,
И смолистая дымка
Над речкой дрожит.
Горизонт оглядев
До сияющей кромки.
Все поля, и плотину,
И лес, и канал,
Будто взвесив,
Ипатов раздельно, негромко,
По-хозяйски прикидывая, сказал:
— Нынче в поле не выйдет Трофима
бригада.
Управляться придется без них
со жнивьем.

А уборка важнейшее дело,
И надо
Провести ее в сжатые сроки притом.
Чтоб потом всех на стройку,
И разом закончить работы,
Чтоб на праздник «Светлану» огнями
залить.

День страды кормит год, —
Агитировать что тут.
По-особому надо
Партийцам народ торопить.

Улица пустынна, вдоль посада
Вывел кур на водопой петух.
Да бычка, отставшего от стада,
Гонит в поле лет шести пастух.

Ну, а тот противится, не хочет.
Замычит, как взрослый бык, в пути
Встанет, заупрямится и точка —
Не желает никуда идти.

Знать от бабки убежал мальчонка,
Повстречал отставшего бычка.
Как пастух заправский, прутом тонким
Он его стегает по бокам.

Я помог ему без промедленья,
Бык удрал, хвостиком закрутив.
Нам же до колхозного правленья
С карапузом вместе по пути.

— Дядя, ты куда, на перекличку?
Дядя, будешь говорить с Москвой?
Дядя, я домой.

— Ну что ж, отлично.

Будь здоров, товарищ дорогой. —
Я вхожу в правление к Степану;
Путовку «Рекорда» крутит он.

— С добрым утром, проходи... Не
рано...

Пододвинул ближе телефон.

Загремели за окном моторы, —
Зябь пахать готовы трактора.
Крикнул:
— Отъезжайте от конторы.
Переключку начинать пора!

Трактористы тихо жмут педали, —
Малый газ и скорость. Лишь потом
Газ на полный, —
За деревню в дали
Понесли крутой железный гром.

А в райцентре секретарь райкома
Микрофон придвинул не спеша;
По привычке, техникам знакомой,
В сетку для проверки подышал.
Кашлянул:
— На линию колхозы попрошу... —
И вот издалека
В гомон утра, в звонкий шум березок
Из «Победы», из «Большевика»,
Из «Восьмого марта»,
«Первомая»,
«Красной горки»,
«Октября»,
«Весны»,
Будто позывные называя,
Среди наступившей тишины
Весь район поочередно начал
Откликаться, становиться в строй.
Общим настроением охвачен
Первый говорит, за ним второй...

Кончила ряжи рубить «Победа»
И уже гудит глухим баском:
— Мы в соревновании с соседом
На сегодня впереди идем.

А за нею голос поднимая,
За селом колхозное село.
«Большевик» с «Весной» и «Первомаем»
И пошло, пошло, пошло, пошло...

Цифры, киловатты, кубометры...
Весь район, как будто Днепрострой,
На семьсот квадратных километров
Развернулся в дымке голубой.
И Степан от имени «Светланы»
В свой черед с райкомом говорит.
Легкий листик тоненькой мембраны
В кулаке настойчиво звенит:

— Трудно. Размахнулись на большое.
Всем колхозам рыть канал пришлось.
Плотничьи бригады здание строят,
В октябре забьем последний гвоздь...

Инженер вот спрашивал, куда нам
На учебу трех парней послать?
Курсы надо.

— Молодцы «Светлана»!

Курсы будут. Подожди, дам знать.

— «Горка», «Горка», где ты, «Горка»,
где ты?

Дайте ей индуктором звонок.

— «Горка» здесь, да только нынче летом
Нам плотину не поставить в срок, —
Мало рук, и на носу уборка.
На нее у нас сейчас упор...

— Не ссылайся на уборку, «Горка»,
Дай-ка мне парторга, где парторг?

Голос все суровой, и сквозь свисты,
Треск разрядов, как металл звенит:
— Сколько на постройке коммунистов?
Как, скажи, работают они?
Помните, уборку и плотину
Спросим с вас, ведь вам народ вести.
Ты ж на самотек работу кинул,
Трудно стало, — руки опустил...

Так в «Светлане» слушали «Победу»,
«Первомай», «Октябрь» с «Большевиком».
Вел райком с колхозами беседу,
Говоря партийным языком, —
Ясно, просто, радостно и строго...
В гуле, в песнях, в солнечной игре
День летит по голубым дорогам
С новой силой от зари к заре.

*

Как огромный стальной кузнечик,
Жатка стрекот в хлеба вплела.
Первый сноп взлетает на плечи,
Улетают перепела.

Жаром пышет окно сушилки, —
Пусть солома снопов тепла,
Громы первые молотилка
По околице разнесла.

Побродивший по сельским трактам
И полям на своем веку,
Там последнюю осень трактор
Нынче празднует на току.

Неподвижны литые траки,
Он, как памятник, в землю влит;
Только кровь зеленая в баке
Плещет, только ремень летит.

И парнишка, златые горы
Помирая, кричит:
— Ну что ж,
Что ж, рычи-рокочи, ты скоро
В область прошлого отойдешь...

На току с грядущего лета
Генератор войдет в почет.
Диалектика, братец, это —
Все меняется, все течет!

И уже, над землей вставая,
От избы до другой избы,
Цепью движутся, наступая,
Электрические столбы.

Оцепили гумно по тракту...
Очень радостно пареньку,
Что последнюю осень трактор
Нынче празднует на току.

Вышел вечер, облака раскинув.
День окончил все свои дела.
Выйди на прогулку, Валентина,
Вдоль по главной улице села.

Мимо палисадников и окон
Тонкая, в батисте голубом,
Повстречайся, будто ненароком,
С нами, Валентина, за селом.

Я уйду, я вам мешать не стану, —
Третий — лишний, что ни говори.
Вот уже неторопливо вянут
Краски застоявшейся зари.

Вышла.

— Вечер добрый!

— Добрый вечер! —

Вся она красива без прикрас,
Острые мальчишеские плечи,
Синее сиянье ясных глаз.

Голубая блузка, плащ внаброску
Белого, что пена, полотна,
Всем ветрам открытая прическа,
Как костер, закатом зажжена.

Счастье дай такой вот — не обронят
Ни в грозу, ни в бурю, ни в беду
Маленькие твердые ладони...
Что же, попрощаюсь и пойду...

— У меня дела...

— Идемте с нами.

— Нет, увольте.

— Ну, Степан, пока... —

Ухожу, ломая сапогами
Прутики сухого лозняка.

Огонек мерцает над плотиной
С неба опустившейся звездой.
Вот они проходят с Валентиной,
Тихие, над медленной водой.

Говорят, идут. Поцеловаться
Не спешат. На зоревом пути
Что спешить, когда им, может статься,
В жизни вместе далеко идти
Так вот, никогда не разлучаясь,
У плеча плечо. А вечер тих.
Розовая пена иван-чая
Плещется на гребнях голубых.

Вот они поднялись на плотину.
Силуэты вычертил закат...
Вечер, вербы, тени, Валентина,
И во ржи коростели кричат!

★

Говорят, что прорабу
Спать ложиться пора бы.
Вот уж целое лето
Ипатов Трофим,
В старый ватник одетый,
Поднимает рассветы,
И они на плотину
Выходят за ним.

С инженером до ночи
Ипатов хлопочет.
Подсобить, да проверить
И сказать, например,
То прораб к инженеру,
То к нему инженер.

Знать, они друг без дружки
Не могут иначе.
Пахнет день свежей стружкой.
Железом горячим.

В полдень бабка Лукерья
Принесет мужикам
Лука сизые перья,
Огурцов, молока.
Сядут в тень пообедать,
Начнется беседа.

О контрфорсах, устоях, —
И пошли, понеслись...
Дело, знать, непростое —
Век живи, век учись.

Инженер — тот по книгам
Все знает заранее,
Чуть запарка, он мигом
Разбирается в плане.

А Ипатов бывалый, —
Мостов да строений
Понастроил немало
В окрестных селеньях.

Есть смекалка, и вот он
Вдруг подскажет такое,
Что на стройке работа
Подвигается вдвое.
Что и в книгах-то нету;
И недаром за это
Их «теория с практикой»
Люди зовут;
Знают как называют
Люди и не соврут.

Неразлучники, словом,
В деле трудном и новом...
А закат из багрового
Выцвел в лиловый.

И тропы до плотины
Вьются, мягко плутая.
Ивы выгнули спины,
Пыль с сапог обметая.

На плотине под кручей,
Занимаясь промером,
Ходят с «мышью летучей»
Трофим с инженером.

И Степан с Валентиной
К ним идут на плотину.

«Вот она, гордость наша! —
Ходят, щупают, мерят...
А напомним папаше,
Что в нее он не верил!..
Станет злым и сердитым
Папаша на сына...
Красоты знаменитой
Получилась плотина.
Дело все за оснасткой,
В ней нехватка.. Получим —
Засверкает, как сказка,
Что там сказка — получше».
Свистнул чибис в тумане,
В щит вода барабанит..
— Спать пора бы, папаня,
Завтра в город чуть свет.
Боевое задание!
Не забыл ты?
— Ну, нет.
Я как в город нагряну.
То от них не отстану,
Знаю слово петушьё,
Все, что надо достану
За милую душу!.. —
Он глядит хитровато.
Сын ответил сурово:
— Только ты мне, Ипатов,
Чтоб без этого слова...

А закат гасит краски,
И над тихой землею,
Над застывшею ряской
Веет терпкой смолою,
Тянет полем и лесом,
Легкой звездною пылью...
Петухи под навесом
Прячут гребни под крылья.

★

Сторож-сон обходит посад
В мягких чесаных теплых валенцах,
Словно белые кони, летят
Облака над рекою Чалексой.

Где-то в тереме травяном
Коростель открывает двери.
Месяц дно золотым багром,
Как прораб, наклоняясь, мерит.

Прибывает все выше вода,
И в кустах
Средь коряжьей тьмы
Облюбовывают места
У плотины новой сомы...

Спят деревья, травы, цветы.
До земли наклонилась рожь.
А с неведомой высоты
Грянет звездный в августе дождь

В стекла тракторных круглых глаз,
В окна школы, ферм, МТС, —
Будто ток на мгновение даст
ГЭС леса осветив окрест.

КОЛЕСО

Кто был изобретатель колеса?
 Никто не знает. Все о нем забыли.
 В каком краю, когда он родился?
 Ни имени не помним, ни фамилии.
 А был изобретатель колеса.
 Оно в природе не существовало,
 Пока на белый свет не родился
 Великий гений, неизвестный малый.
 Крыло в природе человек узрел
 И рычагов машинных сочлененье,
 А он па мир не так, как все, смотрел,
 Без подражанья мыслил, без сравненья.
 Он смастерил однажды колесо,
 И покатилося колесо по свету,
 А он свернул, должно быть, сигарету
 И сам себе воскликнул: «Хорошо!»
 Ревели первобытные леса,
 На четырех ногах зверье бежало,
 Крылами птицы мяли небеса,
 Пока он щепочку жевал устало...
 Какие нынче в мире чудеса!
 Открытия! Им счета нет повсюду.
 Но все его технические чуда
 Ни в чем не зачеркнули колеса.

М. Исаковскому

Рыжий дождик бегал с ветром взапуски,
Речку затопили небеса,
Солнце по небу ходило запросто,
Но происходили чудеса.
С неба лес спускался к речке лесенкой,
Колокольцы падали с весла,
И нехитрая, как полдень, песенка
В том краю родилась и пошла.
С ней сдружились плотники и пахари,
А у них дела по всей земле;
Услыхав ее, баяны ахали
Даже в самом песенном селе.
А была она короче коротка,
Ничего особенного в ней,
Но, видать, в ней что-то людям дорого,
И они сочли ее своей.
Даже в океане Атлантическом
Кочегар сменился у котла,
И под небом душным и тропическим
Песня, как над Волгой, поплыла.
Значит, в ней жила, звучала русская,
Грустная в тот миг, душа-краса
И звала домой, как тропка узкая...
Так и происходят чудеса.

ВТОРОЙ

Дорогу делает не первый,
А тот, кто вслед пуститься смог.
Второй.
Не будь его, наверно.
На свете не было б дорог.
Ему трудней безмерно было —
Он был не гений, не пророк —
Решиться вдруг, собрать все силы,
И встать, и выйти за порог.
Какие в нем взрывались мысли!
И рушились в короткий миг
Устои все привычной жизни.
Он был прекрасен и велик.
Никто не стал, никто не станет
Второго славить никогда.
А он велик, как безымянен,
Он — хаты, села, города!
И первый лишь второго ради
Мог все снести, мог пасть в пути,
Чтоб только тот поднялся сзади,
Второй, чтобы за ним идти.
Я сам видал, как над снегами,
Когда глаза поднять невмочь,
Солдат вставал перед полками
И делал шаг тяжелый в ночь.
В настильной вьюге пулемета
Он взгляд кидал назад: «За мной!»
Второй поднялся.
Значит, рота —
И вся Россия за спиной.

Я во второго больше верю.
Я первых чту. Но лишь второй
Решает в мире — а не первый, —
Ни бог, ни царь и не герой.

И Русь не та, и русские не те...
Не та, конечно,
Ну, а те чем плохи?
Те, что не те и, видно, в простоте
Перевернули ход самой эпохи.
Те, что воткнули в землю враз штыки -
Конец войне!
И в десять дней, не боле,
Земные потрясли материки.
Материки земные,
А не поле.
Дворцы построить можно до небес
И возродить сады Семирамиды, —
Да мало ль натворить каких чудес.
Каких и мир в глаза еще не видел.
Но ими вряд ли увлечешь когда
Пойти вослед так, как идут народы
По всей земле с семнадцатого года,
С тех пор когда зажглась Руси звезда.
Вот, говорят, была отсталой Русь.
А не она ли родина Свободы.
Я навсегда с той Русью остаюсь,
С вершинами семнадцатого года.
Такого взлета духа, и ума,
И мужества история не знала.
Она взяла за образец сама
Рожденные той Русью идеалы.

А кто такой Бартоломей Диас?
 Что слышали вы нынче о Диасе?
 И почему Диас дошел до нас,
 Чем он прославился — вопрос неясен.
 Он Африку когда-то обогнул,
 Впервые обогнул ее по морю.
 Сто раз тонул, но гнул ее и гнул.
 И обогнул, навек войдя в историю.
 А кто такой Бартоломей Диас?
 Я спрашивал, мне люди не ответили.
 Одни сказали — он испанец, раз
 Фамилия Диас.
 Да, тьма на свете их.
 Другие заявили — футболист.
 Зачем тебе он? — вопрошали третьи.
 Плыл в пене волн и солнц зеленый мыс.
 Рвал ветер паруса в пятнадцатом столетье,
 Жгла соль огнем бессонные глаза
 Как мир велик! — ни тронов в нем,
ни клира.
 Под килем и над мачтами гроза,
 И солнце прогибает крышу мира.
 А в стольном Лиссабоне день за днем
 В порту взлетали флаги на флагштоках.
 Гремели сходни, но никто о нем
 Не вспоминал, не знал о нем, и только
 Шальная девка, все забыв с тоски,
 Обласканный как-то ненароком,
 Не забывала жарких две руки
 И знала, кто такой Диас, до срока.

А он о ней забыл в тот самый час,
Когда вернулся, королем обласкан.
И Лиссабон: «Да здравствует Диас!» —
Гремел, судьбе завидуя прекрасной.

Прошли века, сегодня мир гремит.
От маршей тесно рациям в эфире,
Волна восторга в радугах звенит,
Неслыханное совершилось в мире.
Мир шире стал, чем был, для всех для нас.
...А кто такой Бартоломей Диас?

ИСТОРИЯ

История. Скрипя пером гусиным,
Не небеса, так тишь благодаря,
Как лунь, над ней склонялся некий инок,
Ее в тиши кириллицей творя.
Все будет так, как он ее напишет,
Деяния царя Руси всея,
А под полом скребутся где-то мыши,
Скорбит душа, хоть в пятках, да своя.
И может, только в строчке или в слове,
Средь подвигов, свершений и щедрот,
Она нальется в черных буквах кровью
И солью пота издали блеснет.
История. О давнем, незабвенном,
Трещит от споров некий храм наук.
Но вот она, как молния, мгновенно
Сверкнет, идущий день осветит вдруг.
И ход времен движение обретает,
Как бы непостижимо для ума,
И истина горит, и воск не тает,
И говорит история сама.

ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Под землею веянье ветров.
Площадь Революции. Метро.
Круглые сияют абажуры.
Бронзовые высятся фигуры.
В бескозырке с Балтики братишка,
С Красной Пресни токарь-ветеран,
Девушка с винтовкою и книжкой,
Хлебороб — сибирский партизан —
Дни и ночи, месяцы и годы
Подпирают каменные своды.

А над ними высоко — Москва.
В скверах пробивается трава.
Светят звезды алые Кремля.
Белым пухом сыплют тополя...
На плечах покоится земля!

АЛЕШЕНЬКА

Словно в горле песенки горошинка —
Пропою, а не произнесу.
Есть такая станция — Алешенька,
Как тропинка к поезду в лесу.

В двух шагах от каменного города,
А как бы у света на краю,
Не известна никому, не дорога,
Сторожит стальную колею.

Ливнем стали и стекла по линии,
Будто на колесах города.
Никелем окованы, как инзем,
Мимо пролетают поезда.

Сколько Алексеев и Алешенек
В сутолоке, в громе, в суете
Названо, окликнуто, опрошено
На лесной сороковой версте?

Мимо всё. С печальями, с улыбками
Без ответа мчатся поезда.
Что-то человеческое, зыбкое
Потерялось в громе навсегда.

Двести лет прошло с тех пор, как брошено
Лесу, полю, солнцу и реке,
И летит: «Алешенька, Алешенька», —
А ответа нету вдалеке...

На Большом Гнездиновском
В доме десять ли, восемь ли,
Что напротив аптеки,
Красным камнем одет,
Проживает красивая,
Рыжеволосая
Одинокая женщина
Двадцати восьми лет.

У нее есть друзья.
И звонки телефонные
Вопрошают квартиру
О ней допоздна.
У нее есть поклонники,
Честно влюбленные,
Но всерьез не считается
С ними она.

Утро раннее
Сыплет стальные горошины
Из будильника на пол,
И, словно в ответ,
Закрывая глаза
На мгновение ладошками,
Словно девочка,
Женщина смотрит на свет.

Тесных туфельек стук,
У кровати поставленных,

Открывает дорогу
Знакомых забот.
Папироска измятая
Ртом окровавлена,
Выпит чай,
Сунут в сумку с собой бутерброд.

Ах, как много их —
В туфельках drobных, начищенных
С баннм ветром
Выносит метро поутру
На Тверском, на Арбате,
На Пресне!.. И сыщесь ли
Ту, что тоже спешит
На студеном ветру?..

МОРОЗ У ПАВЕЛЕЦКОГО ВОКЗАЛА

Город весь будто в пудре сахарной —
Лица, здания, провода.
От мороза деревья ахают
И звенят бубенцами льда.

У вокзала у Павелецкого
Табуном такси-рысаки,
А шоферы — некуда деться им —
Вкруг собрались, как ямщики.

Бьют под мышки себя рукавицами,
Разговор шутейный ведут,
Дым ли, пар клубится над лицами,
«Беломор» без пощады жгут.

Солнце в радуге сорок градусов,
Площадь искриста и пуста.
Лишь вокзал плеснет в этот благовест
Облака через ворота.

Пассажиры в тулупах, в валенках,
На плечо мешки — не замай.
Лучше мы сбережем на маленькую —
И спешат в метро, на трамвай.

Ох, и холодно нам с Валеркою,
Мы студентики без галош,
Но проходим мы мимо фертами —
Дескать, стужей нас не проймешь!

Впереди нас идет красавица,
Загляденье среди зимы,
Ничего ее не касается —
Ни вокзал, ни мороз, ни мы.

Ниторопкой идет походкою,
Ножки в туфельках огневых,
А под шубкой ее короткою
Паутинки-чулки на них.

И шоферы ей вслед бросаются,
Как снежками, восторгом чувств:
«Эй, садись, прокачу, красавица,
С кавалерами. Сам плачу!»

А мороз все круче, прижимистей.
Как стекло звенят небеса.
И заморской душе не вынести
Звона этого полчаса.

ОДНОМУ ЗНАКОМОМУ

Вы знаете, что правда,
Что — неправильно.
У вас на все имеются ответы.
Вам жить легко.

Вы праведно прославлены,
И ничего, что славят лишь газеты.
О вас начальство судит снисходительно,
С приятцей:

этот знает! Этот может!

И тем отличны вы от земножителей,
И тем на небожителя похожи.

А вам-то как?

Неужто в самом деле

Все нравится?

И все вам в мире ясно?

Не день встает для вас,

А понедельник.

И было воскресенье,

А не праздник.

Не мучат вас вопросы, на которые

Не ценятся, а судятся ответы.

Они вам не захлестывают горло,

Как петля, от которой спасу нету.

Все ясно было

только не Копернику!

На все ответы знал

не Галилео только!

А если бы?!

То на земле, наверное,

Свет не зажегся еще долго, долго.

**Во тьме она бы
 пребывала, плоская,
И на китах качалась бы,
 качалась...**

Все ясно —
и не надо Маяковскому
Искать курок
с безвыходным началом.

«Да, жизнь сложна!» —
Вы прожурчите барственно,
Хлебая славу мелкими глотками.
Летя своей орбитой государственной,
Отталкивая спутников локтями.
А было! И могло быть!

Да, могло быть!

Вас жизнь из той же глины создавала,
Что поценней высокой самой пробы
Любого драгоценного металла.
Мне жалко вас, как жаль себя бывало.
А ваша знаменитость мне печальна.
Ведь где-то женщина ночей не спала,
Все отдавала вам в любви отчаянной.
В глаза глядела, пела колыбельную,
Старалась оградить от всех напастей
И в мир несла с огнем сосуд скудельный
Не для себя одной, а всем на счастье.

ПИСЬМО

Я здесь живу на сквозняке,
Меж гор, поднявшихся до неба,
Не на курорте, а в тоске,
В какой еще ни разу не был.
Уж месяц март, а здесь зима —
Такой не помнят старожилы.
Дрожат озябшие дома,
Скрипят деревья что есть силы.
Отсюда надо бы бежать,
Но, на весну тая надежды,
Я продолжаю что-то ждать
На юге, средь сугробов снежных.
Над отопленьем паровым
Окно у нас пургой забито.
Я сплю и ем, и мой режим
Еще на двадцать дней рассчитан.
Но это все не вся тоска:
Есть здесь на телефон тропинка.
Там голос твой издалека
Звенит холодный, словно льдинка.
И трубка, брошенная зло,
Летит на рычажок с размаху,
И все надежды на тепло
Опять летят куда-то прахом.
Клубится на горах мороз,
В лицо с размаху хлещут вьюги...
Не дай бог, чтобы вам пришлось
Вот так зазимовать на юге.

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

Мой мальчишка крепко спит в кроватке,
Одеялом бережно укрыт.
Рыжие взъерошенные прядки
Полночи дыханье шевелит.

Ничего про Новый год не зная,
Смотрит сын младенческие сны.
На подушке — елки тень резная,
За окошком — желтый шар луны.

Чтоб никто мальчишку не тревожил,
Ходит сторож в шубе у ворот,
А в полях на снежном бездорожье
Новый год с подарками идет.

Он идет к мальчишке издалека,
Весь в снежинках, с головы до пят.
И об этом от Владивостока
До Карпат повсюду говорят.

Зайцы бьют в тугие барабаны.
Лапок не жалея, что есть сил,
На дворе колхозном из тумана
Сам петух о нем проголосил.

Встал петух, на жердочке качаясь,
Как костер из пуха и пера.
Гребешком зазубренным касаясь
Крыши оцинкованной двора.

Лишь один медведь коротконогий,
Видно, позабыв про Новый год,
В теплой темноте своей берлоги
Лапу шоколадную сосет.

Если бы проснулся вдруг мальчишка,
Со своей кровати ночью встал,
Он бы недогадливого мишку
За уши, конечно, отодрал.

И сказал медведю: «Что ж ты, соня,
Сам проспал, не разбудил меня?»
Полночь, Шар луны на подоконник
Из-за тучки падает, звеня.

Час назад сказал как можно строже:
«Спать пора!» Ссылался на часы.
Общими усилиями уложен,
Тихо спит под одеялом сын.

Брошенные возле печки в ящик
Слон с медведем, тишину храня,
Глазки неподвижные таращат,
Глядя удивленно на меня.

Да и как же им глядеть иначе:
Я ведь их — царей лесов больших —
Превратил в недышащих, незрячих,
Маленьких, тряпичных, неживых.

Сын для них привольные кочевья,
Реки и долины создавал,
Слон трубил, медведь ломал деревья,
Теплый ветер морды им ласкал.

Я разрушил этот мир руками,
Но ничто зверюшек не страшит —
Встанет их волшебник с петухами
И немедля словом воскресит.

Сыну Володе

Палочки две и одна закорючина —
Первая буква. Удастся ли стык?
Как это трудно и как не изучено.
Высунут чуть — и прикушен язык.

Пот выступает на носике каплями,
Крепко зажат карандаш в кулаке.
Детство мое вновь выводит каракули
Передо мною на белом листке.

Здравствуй, ну вот мы с тобою
и встретились!
Как это вышло — мне трудно понять.
Взрослыми стали давно уж те дети,
С кем я учился буквы писать.

Дымом повито, ветрами исхлестано,
Странами скрыто, любовью, войной,
Верстами, с неба упавшими звездами,
Временем, танковой тяжелой броней.

Встал, не дышу, не спугнуть бы мгновение!
Все узнаю: непокорную прядь,
Сосредоточенность и нетерпение..
Снова мы учимся буквы писать.

Я давно увидел в первый раз.
Как оно меня не ослепило,
Чудо женское зеленых глаз, —
Где, когда, не помню, это было...

Два дождя качаются в зрачках,
Две реки, два леса, две дороги.
Неба два в лучах и облаках,
Радуг двух слепящие чертоги.

С той поры прошла землей война.
Государства в пепел рассыпались.
Годы отгорели в дым до дна.
Жизнь прошла, а вот они остались...

Я ее забыл. Я постарел.
Женщина моя со мною рядом
Средь своих забот, хлопот и дел
Взглянет вдруг каким-то странным
взглядом....

Два дождя стоят в ее зрачках.
Две реки, два леса, две дороги,
Неба два в лучах и облаках,
Радуг двух слепящие чертоги.

Люблю строительства леса
И запах стружек на ветру.
Я верю, что земли краса
Вся —
Дело человеческих рук.

Ты выйди в поле — как красив,
Весь огненный под голубым,
Полей возделанных массив
И жаворонка звон над ним;

Красив на речке водопад,
Когда его берут в тиски,
Когда в турбине загремят
Басы тяжелые реки;

И ночь созвездиями сел
Заблещет в темноте густой,
И встанет, ахнув, новосел,
Той зачарован красотой.

И даже небо красотой
Иной заблещет, погляди,
Когда в нем самолетов строй,
Как журавлиный, прогудит.

Оно огромней станет вдруг,
И глубже станет высота.
Лишь в деле человеческих рук
Смысл обретает красота.

СТАЛИНГРАДСКИЙ ДОЖДЬ

Он застал нас в степи, от него не уйдешь,
Он хлестал по машине в упор,
В нем от зноя хрипел, задыхался мотор,
А водитель шутил: «Сталинградский дождь».
По железу, по стеклам наискосок,
Как наждак оставляя следы,
Дождь — косой, проливной, без пылинки воды
Раскаленный крутой песок.
Мне казалось, что вскинешь за дверцей ладонь
И по коже пойдут пузыри.
Мне казалось: машина идет сквозь огонь.
(А водитель сто раз эту трассу торил.)
Замутилась дорога, и прутик стальной
Протирал на стекле полукруг
Неба синего, желтой равнины степной —
Открывал северянину юг...
Там, на севере, льют в эту пору у нас
Настоящие с неба дожди.
Их бы в эти безводные степи на час —
Можно было бы степь разбудить
Шумом трав, тихим стуком смолистых ветвей
И негромкой свирелью ручья, —
Но в степи бушевал без конца суховея...
Возмутился природою я.
А водитель, как видно, не думал о том,
Не мечтал о далеких дождях, не грустил —
Просто бутовый камень, песок да бетон
Для плотин и для шлюзов водитель возил, —

Для плотин, у которых морям грохотать,
У которых садам расцветать,
От которых дорогу дождям начинать
И ветрам поворачивать вспять.

КОНЬ

Степь гремит, как море широка,
Но взялась откуда — непонятно —
В ней под вечер песня ямщика,
По шоссе плывущая невнятно.

На сто верст подкова ни одна
Пыль не припечатала ни разу,
И повсюду елочка видна
Крутобоких пятитонных МАЗов.

А по следу их из Калача,
Непривычный здешнему народу,
Рыжий конь, подковами стуча,
В степь везет в дубовой бочке воду.

Кружку пива осушив в ларьке,
Кнутиком старательно махая,
«Степь да степь кругом...» — о ямщике
Дед, у бочки оидя, напевает.

Гаснет солнце в дымной полосе,
Вот уже не пышет небо жаром,
И навстречу песне по шоссе
Голубые ударяют фары.

Катится степной обычный гром,
Но уже визжат, скрежещут шины,
Перед рыжим огненным конем
Тормозят тяжелые машины,

Объезжая с бочкою коня.
А на ней поет себе подводчик...
Степь да степь, — а в ней столбы огня,
Гул работ и душный полог ночи.

В КЛУБЕ

Вечером на трассе Волго-Дона,
Там, где звезды и огни горят,
В клубе Береславского района
Выступают деятели МХАТ.

Зал отхлынул, как река, и замер.
И, от рампы отрывая взор,
Свой забытый выпускной экзамен
Почему-то вспомнил режиссер.

Всколыхнулись легкие кулисы,
И, вступив в высокие права,
Всей стране известные артисты
Произносят первые слова...

Первые тревожные движенья,
И по ним, дыханье затая,
Видит он, в каком сейчас волненье
Все его старинные друзья.

Люстры все еще идут на убыль,
Тают, исчезая без следа,
А за светом рампы в зале клуба
Тишина на сорок три ряда.

Пыль, мазут коричневый и копоть
Час назад с тяжелых рук отмыв,
Вот они сидят, о локоть локоть,
Все еще пока не позабыв

О бетоне, о земле, о камне.
О машинах в мареве степей, —
Девушки с льняными волосами
И глазами неба голубей,

Парни, опаленные жарюю...
Вот они сидят, творцы чудес,
Зрители и главные герои
Будущих непревзойденных пьес.

Выступать артистам приходилось
В деревенской школе и в цеху,
Повидать артистам доводилось
Зрителей немало на веку.

Только нынче вспомнилось иное,
Захлестнуло жаркою волной:
Может быть, танкистам под Москвою
Так они концерт давали свой.

В бой уходит через час бригада.
Сорок башен танковых молчат;
И сегодня точно так же рядом
Громы несмолкаемо гремят...

А за рампой будто стало пусто,
Зал молчит по сорок третий ряд...
Высшие ценители искусства
В зале краской пахнущем, сидят.

СУСЛИК

Рыжий суслик с круглыми глазами
В степь ныряет и исчез, как дым,
Лишь когда взорвется тормозами
Черная дорога перед ним.
Что-то с миром вдруг стряслось такое —
Суслику степному не понять,
Навсегда лишился он покоя —
Трудно рядом с громом проживать.
Выпачкана шубка солидолом,
Бегаёт — ни отдыха, ни сна,
Тощий, запыленный, невеселый,
В поисках насущного зерна.
Даже овсюга в степи не стало,
Выгорел и вытоптан овсюг.
По степи грохочут самосвалы,
В небе птицы тянутся на юг.
В свете электрическом за Волгой,
У скрещенья множества дорог,
Вот и встал он, теплый рыжий столбик,
Продувая маленький свисток.

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА

У Марьи Гавриловны много хлопот:
Днем никогда она не присядет,
Ночью в любое время встает,
Встречает гостей, достает тетради.

Неловко рукой карандаш берет:
«Фамилия... Имя... Отчество?»
И на свободную койку ведет:
Спать ведь сердечному хочется.

«Тут и ложись, до утра поспи, —
Шепотом льется речь ее. —
Хозяин койки где-то в степи,
А утро мудреннее вечера».

Ветром дыхания ночь полна,
Душная, напряженная...
Льется из окон на лица луна,
Сном до утра смягченные.

Спят инженеры, и техники спят —
Гостиницы маленькой жители.
Посмотрит, как на своих ребят,
Гавриловна на строителей.

Крайний наказывал в пять поднять
Надо чайку вскипятить заранее.
Плохо стал экскаватор шагать,
Мается парень с шаганием.

Покоя не знает даже во сне,
На узкой койке ворочаясь.
А ходики тихие на стене
Ночь прошивают строчкою.

Одежду упавшую подобрав,
Уложит, чтобы не морщилась...
Мария Гавриловна — зам и зав,
Директор она и уборщица.

Кто как зовет. А только ее
Мамою звать бы надо:
Помоет полы, постирает белье,
Везде наведет порядок.

Не перечислишь даже всего,
Что она за день делает.
И, словно не делала ничего,
В беседе общей — несмелая.

Такое уж свойство русской души...
Скажешь: «Да как вы одна с заботами?» --
«Чего уж заботы мои, не смеси,
Вот уж ребята — работают».

Будто чем виновата сама,
Что гор она не ворочает,
Не строит плотин, не возводит дома,
Лишь по хозяйству хлопочет.

А парни приходят, от пыли седые,
Спецовку долой и ботинки...
От ведер колодезной злой воды
Гремит умывальник цинковый.

Солидем и степью вест от спян.
Глядит она, горькой любви не тая..
Был до войны у Гавриловны сын,
А теперь — только все сыновья.

ЛЕСОВОД

В степи, где суховеи неизменны
Да рыжие текучие пески,
Ему еще пока что до колена
Не достают, но занялись дубки.

Над каждым он склонялся со стараньем,
Как будто бы он пламень раздувал
Листвы негромкой собственным дыханьем,
Рвал сорняки и землю поливал.

Уже в тени зеленого навеса
Пичуги отдыхают от жары...
И вот он встал посередине леса,
Любуясь на зеленые костры.

Когда-нибудь на праздничной равнине.
Под кронами столетними дубов.
Когда не будет на земле в помине
Ни этих суховеев, ни песков,

О нем потомки вспомнят. И в тумане
Голубоватой утренней росы
Таким же точно он для них предстанет,
Как в этот день стоял у полосы:

Сутулый, в гимнастерке неизменной.
Ладони заскорузлы и грубы,
И точно так же будут до колена
Тогда ему столетние дубы.

БАЛЛАДА О ЦВЕТАХ

Эту быль мне как сказку они рассказали —
Все в цветах, золотые российские дали.

Белый-белый, красивый, большой, словно город,
Теплоход из столицы на Дон отправляли.
Садоводы — хозяева главные сборов —
Изю всех садоводств собрались на вокзале.

А на палубе — царство созданий зеленых:
Язычками огня пламенеют пионы,
Словно белые звезды мерцают нарциссы...
Дал гудок капитан, трапы приняла пристань.

За кормою смыкались звенящие воды,
Рулевые сменялись не раз на штурвале.
К теплоходу за взятком весеннего мёда
Пчелы, может, с пяти областей вылетали.

Но однажды пришли две малютки сестрички:
Голубые глаза, золотые косички.
Ветерок с ними вместе притопал попутный.
И в руках у них были цветы — незабудки.

Капитан — где глаза, где цветы — перепутал,
И не мог капитан не принять незабудок.
Рулевые негромко в тиши напевали,
Берег плыл, волны звонко по солнцу стучали.

Но явились девчата-колхозницы с пашни,
Озорные, веселые Кати и Маши,
Заявили: «А есть ли у вас тут ромашки?» —
«Нет ромашек!» И хлынули на борт ромашки.

Мне на Волге потом рассказали матросы:
Плыл по Волге цветами усыпанный остров,
Уступали дорогу ему караваны,
И махали флажками ему капитаны.

По приволжским лугам, берегам и полянам,
В травах буйных по пояс, как дети босые,
Вслед вдогонку бежали за ним неустанно
Все цветы полевые весенней России.

Скоро или не скоро, а только бесспорно,
Показался вдали удивительный город.
Там от Волги до самого тихого Дона
Поднимается лестница в плитах бетона,
Там ступени из сплава двух рек величавых,
По которым ходить теплоходам державы.

Словно радуга с неба на землю упала —
Захлестнуло цветастой волной все причалы.
И уж так получилось, ни много ни мало,
А руками строителей трассу канала
Вся держава цветами в тот день украшала.

МАЛЬЧИШКА

Романтика — это не только в книжках!
И в жизни место у ней свое...
Жил на Дону в Калаче мальчишка —
Самый верный рыцарь ее.

Она ему спать по ночам мешала,
Небом и недрами искушала,
По дисциплине баллы снижала,
Дома ему за нее влетало...

Но полюс открыт, Комсомольск построен
Под сенью незыблемой тишины
У танка на площади спят герои
Великой Отечественной войны.

Вокруг только степи зимой и летом
Да тихий на самом деле Дон...
Романтика с первых страниц газеты
На стройку Московского университета
Его позвала, и собрался он,

Вычерчен точно маршрут в столицу,
Всю ночь бы мальчишка мог промечтать
О высоте, до которой птице,
Даже птице крылом не достать.

Приснились ему в облаках стропила...
Уж день занимался над Калачом,
А он поднимался по ним, и была
Струя автогена в руках ключом.

Не знал он, что на газетных страницах
О стройке с утра напечатан закон
И что мальчишки в Москве, в столице,
Чертили маршруты уже на Дон.

ВЕСЕННЕЕ

Снова ветры с юга подули,
Дни летят в голубой пыли.
Степь из края в край захлестнули
Травы, маки и ковыли.

А под самым солнцем, над степью,
Грозы в медные трубы гремят.
Из Египта на север цепью
Гуси-лебеди вновь летят.

Впереди вожак крылами
Воздух плотный упрямо мнут,
Древним зовом, сильней, чем память,
Реки севера их зовут.

А станичные старожилы,
Удивляясь, в небо глядят:
Видно, птицам чутье изменило,
Вот над степью они кружат.

Там, где не было даже речек,
Отколовшись от стай, — взгляни. —
Покружившись, земле навстречу
Устремляются вдруг они.

Сверху их вожак скликают,
Манят, машут, долго крича,
Но редуют в дороге стаи
От Цимлы и до Калача.

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА

Советской власти был лишь только год.
С плакатов РОСТА, суриком и мелом,
Красноармеец звал на бой народ
С международной гидрою и с белой.

Решил Совет рабочих и крестьян
Назначить праздник — скоро год восстанью.
И вот приказ войскам столицы дан.
Кумач отпущен для убранства зданий.

Разбужена вся матушка-Москва,
Пока еще булыжная, с церквями.
Она еще такого торжества
Не видела, хотя стоит веками.

У Спасских царских выездных ворот,
В шинели, куртки, в стеганки одетый,
Свой красный праздник празднует народ
Впервые за историю планеты.

С народом Ленин. Радостью полны,
Рабочие, крестьяне и солдаты
Затихли так, что всем слова слышны...
О, как минуты эти будут святы!

Еще смертельным шириться боям,
Еще ломать и стронть неустанно,
Еще в газетах нету телеграмм
Ни от одной державы иностранной...

Еще пройдет немало дней и лет,
Пока откроют шлюзы Волго-Дона.
В Москве построят университет, —
А уж стоят строители в колоннах.

День залит весь осенней синевой,
Хрустит ледок под каблуками в лужах,
Как голуби, порхают над Москвой
Листовки с самолетов неуклюжих.

Горят под солнцем флаги на Кремле...
Вот Ленин руку над трибуной вскинул,
Впервые праздновалась на земле
Советской власти годовщина.

Меня на свете не было тогда,
Но для меня и новых поколений
Сегодня, как и в те года,
Победный путь указывает Ленин.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Под луною в некотором царстве,
Царстве стали, пара и огня.
Расставанья, встречи и мытарства,
Грусть и радость были у меня.

В нем живет от края и до края
На своих мешках и сундучках,
Неудобства свято презирая.
В неуютных мраморных дворцах,

На полах паркетных, полированных,
У дубовых тронов и ворот, —
Демобилизованный, вербованный
И командированный народ.

В нем поет за тридевятью далью,
Где-то у бревенчатой стены,
Тихая гармоника с печалью,
Завезенной с дальней стороны,

И, как в бабье лето паутинка,
Под гору к петляющей реке
От моста чугуниного тропинка
В нем летит и тает в ивняке.

Было так, что сталь в узлы вязала
Бомбовая сила в том раю,
Уходили города к Уралу,
Кровью омывая колею.

И казалось, в некотором царстве —
Нет уже защиты от судеб,
Но на эшелонах бога Марса
Было писано: «Годны под хлеб»...

От небес железных и стеклянных,
Башен, транспарантов и платков
До сторожек грустных деревянных,
В пятнах солнца, брызгах васильков

Вновь звезда зеленая не гаснет,
И поет, как иволга, рожок,
Люди, продолжая верить в счастье,
Пьют крутой бесплатный кипяток.

День и ночь сменяются без устали —
В тучах света, в ливнях и в пыли...
И летит, летит дорога узкая —
Две стальные нитки вдоль земли.

НА ДАЧЕ

Я на даче
В гостях бывал невзначай.
«Сколько лет, сколько зим!» —
Так всегда говорится.
«Я с машиной,
Давай, брат, за город на чай,
Мой ковчег посетишь,
Отдохнешь от столицы!»

Нас промчал,
Огрызаясь на встречных баском,
Лакированный зверь
На резиновых лапах —
Пятьдесят километров
Рывком, с ветерком,
От Арбата
До рощицы в рыжих накрапах.

Распахнулись ворота тесовые в сад,
Был хозяин радушен
И весел со мною:
«По труду и уют, —
Так ведь, брат, говорят...»
И начальственно
Похохотал над собою.

И, как будто своим
Восхищаясь трудом,
Гаражом похвалился,
Пристройками, крытыми цинком:

«Сколько, братец, хлопот!
Вот построю дорожку потом
Из бетона,
И будет тут все как картинка.

Но за всеми следи,
Мастера — всё жулье...»
Он не чувствовал,
Как я мрачнею при этом,
И меня обступило
С порога жилье:
От багета
До теплого, с ванной, клозета,

От прыщавого отпрыска,
Тещи, жены,
Толковавших о модах,
Соседях, футболе,
До невинного мопса,
Готового впиться в штаны
Молчаливого гостя,
Как только хозяин позволит...
Холодильник,
Как айсберг домашний, к столу
Пробивался,
Тяжелыми яствами полон,
Телевизор мерцал,
Насторожась в углу.
И портьеры
Штандартами стлались до пола.

Я не бил в этом доме посуду,
Не бил,
Я не хлопал дверьми в этом доме,
Не хлопал!

Сам хозяин
Калиткой за мной отрубил
То, о чем мы когда-то
Мечтали в окопах.

Счастье мне представлялось
Совсем не таким,
Окруженным высоким
Тесовым забором,
Чтоб копить его молча,
Укрывшись за ним
От прямых,
Ничего не прощающих взоров.

...За воротами
Стайка грудастых девчат
В полинялых юбчонках
Трамбовками била щебенку.
Чад курился,
И рыжих, как пламя, телят
Вез куда-то шофер
На колхозной трехтонке...

День был днем, миром — мир
И простором — простор,
Он шумел,
Не привыкший сдаваться на милость,
Тыщей рек, лесом трав
Вызывая на спор...
Неделимое солнце
По небу катилось...

ЧЕРЕМУХА НА ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЕ

На Петроградской расцвела черемуха.
Вы слышали, вы видели ее?
Она стоит вся белая, огромная,
Как сказка, огустившись в бытие.

На каменной земле, в ущелье каменном
Как будто бы в лесу своем, она
Цветет себе торжественно и пламенно,
Среди деревьев парковых одна.

Вы скажете: как, в городе черемуха?
Да, в городе черемуха, скажу.
Воскликнете: цветущая, огромная?
Да, белая, — не зря о том твержу.

Не зря соседка-девочка до вечера
Крахмалила и гладила белье
И на иголках-каблучках доверчиво
Спешит сейчас, похожа на нее.

Идет, почти асфальта не касается,
Как песня, устремленная в закат,
Вдоль по проспекту Кирова, красавица.
И на нее все встречные глядят.

Ей мать твердила ласково и яростно:
«Ну что ты в нем хорошего нашла,
Не будет у него до самой старости
Ни славы, ни двора и ни кола».

А в городе светло, до часа раннего
Любовь, от робкой близости хмельна,
Гуляет без скупого, ресторанного,
Дешевого крепленого вина.

Весь город для нее — как зала тронная.
От Охты и до Стрелки, посмотри, —
Она повсюду шествует с короною
Немеркнувшего золота зари.

И я ее искал порой знакомою —
И не нашел. Но не виню любви.
На Петроградской расцвела черемуха,
А холодок сквозит у нас в крови...

МОСТЫ РАЗВОДЯТСЯ

Мосты разводятся,
Расходятся,
Как будто горные пласты.
Стихии к небесам
Возводятся,
А не разводятся
Мосты.
Переломилась твердь
Железная,
Бетонная, стальная твердь,
И, верь не верь,
Встает над бездною,
Как будто открывают дверь
Заре в залив
От синей Ладоги
Лесам,
Пригоркам и лугам.
Мостов разломленные радуги
Разъединили берега.
Как будто руки великанские
Открыли запросто, шутя
Пути в просторы океанские.
В просторы солнца и дождя.
И звезды синие,
Зеленые
Несут на мачтах корабли,
Как знаки милые,
Дареные
Морей далеких и земли.

**А на мосту в платочке аленьком
Девчонка-техник, стрекоза,
И рыжий сторож в старых валенках
Творят все эти чудеса.**

ДВЕ КАРТИНКИ ЛЕНИНГРАДА

1

Предрассветный час утра
Полон сосредоточенья
И жемчужного свеченья
Матового серебра
Окон, площадей, оград,
Дождь качающих деревьев.
Чайки над Невой парят,
Белые роня перья.
В зеркалах промытых крыш
Небо медленно светлеет,
В узких каменных аллеях
Сумрак, неподвижность, тишь.
Город, словно полотно,
Вымысел тебе на память,
Неподвижное кино
В пять утра в оконной раме.

2

Дождь над городом стучал
В маленькие барабаны
Веселился и крепчал
Дождь, как праздник долгожданный.
Только было до него
Здесь кому какое дело,
Был не другом, не врагом
Дождь в означенных пределах.
Просто говорили — дождь.
Удостоверялись в этом.

Ну а дождь, как плеск ладош,
Весело летел по лету.
Шел, не думая о том,
Что внизу, о нем не зная,
С белым водяным зонтом
Шла машина поливная.

ХЛЕБ ПРИВЕЗЛИ

Когда войдет неслышно в улочки
Рассвета мятная остуда,
У распахнувших двери булочных
Ночами происходит чудо.

Спят все дома, пути трамвайные,
Цистерны с квасом и киоски.
И вдруг — с хлебами, с караваем
Встречаются дома и звезды.

Фургонов дверцы резко лязгают,
Взревев моторы выхлоп гасят,
И вдруг вокруг повеет праздником,
Гостьбой и ожиданьем счастья.

Над камнем у витрин движение:
Плывут, качаясь, как планеты,
Как теплые миры весенние,
Хлеба из голубой кареты.

Река асфальтовая вкопанно
Стоит перед лицом рассвета.
Ночь пахнет полем, речкой, тропами,
Во ржи затерянными где-то.

Ночь у печей гремит заслонками,
Взмывает звезды обмолота,
Щепоть роняет над солонками,
Благословляя... А всего-то

Хлеб привезли. Шофер торопится,
Огнем сигарки гонит дрему.
Стуча, лотки у стенки копяся.
Спит женщина в постели дома,

Над одеялом плечи жаркие
Белеют памятно и ало.
Метлою где-то дворник шаркает,
Почти за тридевять кварталов.

Спит город, в чудеса не веруя,
Но каждый миг творит он чудо,
Неутомимо, полной мерою,
Всегда, в любое время суток.

Над ним заря с зарей встречается,
И птенчик крохотный и звонкий
Поет, ликует, заливается
На прутике антенны тонкой.

Его никто не слышит малого.
Но он, стараясь бескорыстно,
Огромный город песней жалует,
Как жаловали славой исстари.

Под ним внизу на тихой улочке
Ему подсвистывает грузчик.
Хлеб выгружается у булочной
И день за ним грядет насыщенный.

Где-то горны еще гремят,
День в крови и пепле багров,
Но кончается век солдат,
Наступает век мастеров.

С этим надо считаться всем.
Стало ясно во всех верхах —
Не удержишь мир на штыках
Даже самых новых систем.

С этим надо считаться всем,
Кто играет еще с огнем,
Шар земной предназначен тем,
Кто для мира живет на нем.

Он недаром сумел расцвести
Под огнями вселенских гроз
В лепестках океанов весь,
Как цветок голубой меж звезд.

Я много слышу о народе:
 Народ могуч, велик народ.
 То он умен и благороден,
 То он чего-то не поймет.
 «Народу этого не надо,
 Народ пока что не дорос...»
 А он воздвиг атомограды
 И головой коснулся звезд.
 К его ногам короны пали,
 И в звездный час свой, в грозный год
 Он нам открыл такие дали,
 Что кругом голова идет.
 Должно быть, он великий гений,
 Но даже гениев народ —
 Мой Пушкин, мой Толстой, мой Ленин
 Как сыновей в веках зовет.
 И все ж летит из ближней дали,
 Под скрип истории колес,
 Звон двух сторон одной медали —
 «Народ пока что не дорос».
 Трещит башка от размышлений,
 Так что же все-таки народ?
 Кто он, младенец или гений,
 Гигант или наоборот?
 А он иной заботой занят,
 Давно, решительно, всерьез,
 И в Казахстане, и в Рязани,
 И где-то там уже, у звезд.

Как трудно делалась история.
 Ее ни вождь, ни царь, ни бог,
 Полна история которыми,
 Построить бы один не мог.
 С огнем, с железом дело спорилось.
 Рабочие в цехах стальных
 Бесстрашно делали историю,
 Не покладая рук своих.
 Крестьяне делали историю.
 Как солон пот, крестьянский пот.
 Хлеба растили, избы строили.
 В счастливый год и в недород.
 Солдаты делали историю.
 Не сладкий труд, солдатский труд.
 Они вставали и не спорили,
 И шли туда, куда пошлют.
 Она и солона и дорога.
 И в годы трудные народ
 В ней силы черпает, в истории,
 И в счастье до небес встает.
 Она и без прикрас великая,
 И из нее во все года
 Нельзя, как в песне, слова выкинуть
 История одна всегда.

Далекое становится все ближе,
 Уже Луна — и та доступна нам.
 Наука движется вперед и движет
 Весь мир навстречу новым временам,
 Когда близки любые станут дали
 И суть вещей сокрытая ясна.
 Но как измерить радость и печали,
 Ее вершины и глубины дна.
 Но как приблизить, одержав победу
 Над бездной, разделяющей собой
 Далекий, как созвездье Андромеды,
 Мир человеческой души иной?
 Расчеты — чушь! И формул тоже нету.
 Есть лишь Гомер, Толстой, Бетховен, Дант
 Искусства гениальные ракеты
 И новые Ромео и Джульетта —
 Любви соединяющий талант.
 Они одни ничем не заменимы,
 Без них на свете через все года
 Немыслимы и неосуществимы
 Гармония и счастье никогда.

Грустящих, пожилых и молодых,
На свете коммунистов миллионы,
И в этом сила и величье их.
Они верны без страха и измены
Той партии, в которой состоят;
А ей подвластны даль и глубь
Вселенной,
И нет на свете никаких преград.

СЛОВО О РАБОЧЕМ

I

На деревянных скамьях восседая,
Одновременно тысячами трасс
Он утром едет в тысяче трамваев,
Его величество рабочий класс.
Клубит туман на дымных реках улиц,
Сражение тьмы и света в облаках.
Еще не все сограждане проснулись,
Но он уже с рассвета на ногах.
День не начнется без него на свете,
Огонь не вспыхнет, молот не взлетит,
Стальные крылья не поднимет ветер,
И паровоз не вскрикнет на пути.
О, ранний час рожденья, пробужденье,
Литая завязь света и тепла.
У проходных ворот толпы движенье
Перед твердыней стали и стекла.
Есть каменные, мраморные арки,
Они стоят, цепляя облака,
Под солнцем юга пламенным и жарким
Поставлены творцами на века.
Сюда входили с музыкой, с цветами
Легионеры Цезарей, под рев
Толпы, сверкая медными щитами,
Ведя в цепях закованных рабов.
Об этих арках созданы трактаты,
Туристы едут к ним издалека.
Куда до них тем скромным, тем дощатым,
Поставленным отнюдь не на века,
Тем аркам проходных, открытым настежь.

Подкрашенные просто маляром
Стоят они распахнутые властно
Вахтером-стариком перед гудком.
Нет, перед ними не стоят зеваки,
Цветами осыпая с двух сторон,
И фейерверков огненные знаки
На них не льются в зареве знамен.
В них каждый день без музыки и грома
Победа входит запросто сама
В спечовке старой, стираемой, знакомой,
Когда еще царит поутру тьма.

1

Здесь в царстве стали, камня и бетона
Железом воздух навсегда пропах,
В переплетенье линий напряженных
Лежит прямое небо на столбах.
Здесь стружка въелась в черные дороги,
Под крышей возвышаются мосты.
Здесь в реках сталь, и горные отроги
Бетонных башен строги и просты.
Пейзажи царства созданы расчетом,
Проверены лекалом и огнем,
Подчинены рассудку и полету,
Случайных линий не отыщешь в нем.
Оно своим размахом поражает
И утверждает сталью стали век.
Оно как будто людям угрожает,
В нем, кажется, затерян человек.
Огня ложатся розовые блики
Ему на плечи, расступилась тьма.
Он ток включил — и разом стал великим.
Он встал к станку — и ожили грома.

ЛЕНИНСКИЕ МЕСТА

Места, где Ленин был когда-то,
Не просто памяти места,
И времени былого даты —
Их люди ценят неспроста.

Вот лес. Поляна. Все как всюду.
А вот трибуна или дом.
И все вокруг понятно людям,
Знакомо, как в краю любом.

А он ведь здесь вершил такое,
Что все меняло на земле.
Была трибуна полем боя.
И этот дом, и лес во мгле.

Глядят, молчат, уходят люди,
Как будто что-то унося.
И в час, когда им трудно будет,
Когда уже стоять нельзя,

К ним, старым, молодым и юным,
Придет, как солнце, может быть:
Вот лес, поляна, дом, трибуна —
Стоять, сражаться, победить!

Я верю в бога, но не с бородой,
 Сидящего на облаке высоком.
 Бог — он и старый, он и молодой,
 Со мной живет он рядом и далеко.
 С шести утра он пьет на кухне чай,
 Закуривает жадно сигарету.
 Его везет грохочущий трамвай
 За три копейки через всю планету
 На свой завод, на шахту и в гараж, —
 Да мало ли, куда там надо богу,
 Ведь без него день не начнется наш,
 И в самом деле — мир не до порога.
 А он себя считает, как всегда,
 Бетонщиком, механиком, шахтером.
 Какой там бог! Идет наверх руда,
 Струится стружка и режут моторы.
 Но все на свете создано трудом.
 Он сдвинул горы, он попятил реки.
 И в переносном смысле и в прямом
 Он бог в двадцатом громоносном веке.

НОЧЬ

В час, когда приближаются звезды к земле,
Спят полки в гарнизонах, гармошки в селе,
Города миллионные в душном тепле, —
Чувства, мир озаряя, бушуют во мгле.

Рвут шифровки разрядами строчек петит,
Лампы, тускло мерцая, теряют накал,
Тайно ненависть в волнах эфира летит,
И кодирован злобы короткий сигнал.

Блещет молнии свея
Открыто в ночи,
И радисты, немея,
Сжимают ключи.

И радисты с улыбкой
Сжимают ключи, —
Чье-то сердце опять
Над землею стучит.

В холодеющих высях
Журавлиных рокад
Треугольники писем
Солдатских летят.

Будто к северу с юга
(Шире шаг, почтальон!),
Опускаясь по кругу
В руки сельских мадонн.

«Всем и всем» — под звенящими льдинками
звезд

Бьется жилка мольбы о холодный зенит.

«Всем и всем» — пробивается жаркое «SOS».
Это чья-то надежда и вера звенит.

Через рев океанов и материки

Узы дружбы, как меридианы, крепки,

Протянулись, прилив вызывая в крови.

Вся планета окутана дымкой любви.

НА ЮБИЛЕЕ ТОКТОГУЛА

В цветы и лозунги одета
Встречая музыкой гостей.
Страна великого поэта
Его оправляла юбилей.

Он умер тихо в юрте бедной,
Когда в тридцатые года
Под гром динамиков победный
Пришла голодная беда.

И дом его, его могила —
Долина между гор и скал
Теперь столы с вином накрыла
И угощала наповал.

Поэты славили поэта
За то, что страха он не знал,
Ни за какие блага света
Строки своей не предавал.

Его комуз — степная лира —
Царевой ссылкой и тюрьмой
Настроен против сильных мира
Был справедливостью самой.

Охотники и скотоводы
Спешили к ней издалека.
И с ними в памяти народа
Жила поэтова строка.

Пасла кудлатые отары,
Вершила суд, ткала ковры,
Шла в революцию и даром
Венчала свадьбы и пиры.

И вот с утра до поздней ночи,
Под меди звон и пенье струн,
О ней динамики грохочут
С эстрад. подмостков и трибун.

И мы, России стихотворцы,
И Украины, и Литвы,
Сидим, притихнув без притворства
Пред гулом славы и молвы.

А степь гремит, вздымая горны
Во имя наших братских уз...
И где-то в ней светло и горько
Звенит безхитростный комуз...

ОДА ДУРАКУ

Я не знаю, почему и как
Снова древним сквозняком подуло:
Эгоист — так, значит, не дурак,
Даже у него губа не дура.
Вновь звучит: «Ищите дураков!»
Только нет на дурака науки
Ныне, присно, испокон веков
И от дедов к сыновьям во внуки.
Дураков не сеют и не жнут,
Сами дураки на свет рождаются
И, как мера древняя и жмудь,
Начинаются и не кончаются.
Не перевелись и на Руси.
Есть. Живут. Она без них немыслима
Со своими верстами веси
И заоблачными всеми высями.
Славлю, прославляю дурака
Так, как сказка славила и присказка.
Без него немыслимы века
Давние и будущие близкие.
Он бессмертной думою богат,
От нее до смерти не откажется,
Пусть при этом сам себе не рад
И порою свет с овчинку кажется.
Для него не пишется закон. —
Эту дурь из дурака не вышибешь.
Он — дурак и лезет на рожон,
Если б мог, то лез еще повыше бы.

Я и сам такой — из дураков,
Жизнь меня еще не переделала
И лупила зря со всех боков
Так, что я не видел света белого.
День встает. Дорога далека.
Кто ее без нас на свете осветлит?
Славлю, прославляю дурака —
Так, как сказка славил и присказка.

Начало лета —
 Как начало лет,
 Где любят женщину
 И ценят друга.
 Где да — есть да.
 Где нет — уж точно нет.
 И мир очерчен,
 Но не замкнут кругом.
 Начало лета...
 Зной еще не зной,
 Листва упруга, говорливы травы,
 Виски не облепило сединой,
 И воздух полон ожиданьем славы.
 ...Как замирают зубчики резной
 Ромашки и пугливой маргаритки.
 С размаху ливни, вставшие стеной.
 Ко мне идут, стремительны и зыбки.
 Я верю в парус и люблю весло,
 И утром, на окраине рассвета,
 Куда меня нежданно занесло,
 Ломаю хлеб, благословляя лето.
 Ах, птицы с веток, небеса в дыму,
 Сирень на камне, хруст песка у плеса
 И занавески белые в дому,
 Летящие вослед разногласия.
 Мир полон превращений и чудес.
 В нем хмель вина, соль медленных
 раздумий.
 Пир за полночь, дорог далеких вес,
 Оазисы мои и Каракумы.

Моя обетованная земля —
Улыбка женщины, рукопожатье друга,
Моей охоты трудные поля
Лежат за рощей моего досуга.
Успех дешевый я отверг давно,
Смешны мне резвых мальчиков забавы
И с ними беспокойство заодно
Тупых, самодовольных, величавых.
Начало лета,
Крыл невидных свист.
День, словно подвиг, и высок и звонок.
Как тоненько подрагивает лист,
Промытый ливнем, огненного клена.
Наверно, собирается жара:
Край радуги в столбах аквамарины.
Ах, как утешна зайчиков игра —
Всепедашний тьмы и света поединок.

Дни стали вдруг похожи на пластинки
А может, на картинки переводные. —
В них много охры, сурика и синьки,
Они тонки, с листом бумаги сходные.

Они слетают красочные, яркие,
Пустынные, земные и небесные,
Увенчанные зорями, как арками,
Пронизанные птицами и песнями.

И я гляжу на них с веселой грустью,
И я гляжу на них, себя жалея,
На тонкие, на легкие на хрупкие
Дни солнечно летящего апреля.

Куда уходят годы? Ну куда?
Стекают, как в резервуар вода, —
Уходят, как на переплав руда?
Куда уходят годы, ну куда?
Куда ушел вот тот, такой уж год,
Который долго ждали наперед,
С таким терпеньем, как никто не ждет, —
Аж пуп трещал; а где теперь тот год?
Куда девался год — и не найти, —
Который мы смогли перенести —
Едва-едва несли, хрипя, кляня...
Теперь ни камня от него, ни дня.
Наверно, где-то копятся года,
Как под землею копится руда,
Или как шлак сгоревший навсегда,
Иль в небеса восходят, как вода. —
Восходят паром, дымом, а потом
Плывут над миром, словно облака
Прекрасные, все в золоте бока,
Воздушные, как музыка райка,
И мир на них глядит с открытым ртом.

Я стану облаком, зарей,
Щепоткою песка и глины,
Травинкой на ветру игрой.
Сверкающим полетом льдинок.
Что в мире через тысячу лет
Изменится, вы мне скажите?
Иначе станет литься свет
Небес на крыши новых жилищ?
Ослабнет соль в морях и синь?
Вино изменится в стакане?
Иною стынь и жар пустынь
Иным и незнакомым станет?
Иль предок мой, кентавр степной,
Не те же звезды видел в реках.
И шмель над ним кружился в зной
Иной, из каменного века?
И женщина иной была?
И женщина иною будет?
Нет! И все той же будет мгла,
В которую уходят люди.

ПЕСНЯ О МАМОНТЕ

Вымирали мамонты на свете,
Рыжие, огромные, в шерсти,
И на всей земле, на всей планете
Было некому по ним грустить.

Их никто не ел, никто не трогал их,
Шерсть не стриг с них — зря она росла.
Бивнями тяжелыми дорога их
Сквозь века проложена была.

Были мамонты венцом творения.
Сущего в то время на земли,
Сильные и добрые, как гении,
Только выжить все же не смогли.

То ли изменились вдруг условия,
То ли жить мешала им среда,
Только стала им земля надгробием:
Горы, доли, небо и вода.

Наступило некое столетие —
Полегла царей природы рать.
Каково ж в нем одному, последнему,
Было жить? Не то что умирать!

Тучи шли косматые над чащами,
И, оставшись на земле один,
Их приняв за братьев уходящих,
Затрубил косматый исполин.

Над лесами древними, дремучими
Рокотала скорбная труба.
Тучам что! Они ведь были тучами,
Их не трогала его судьба.

Только эхо в дальних далях дрогнуло,
Из-под ног рванулся зверь в кусты,
Замерли цветы четвероногие. —
Огляделся мамонт с высоты.

Жизнь вокруг вершилась непонятная:
Волки, лисы, тигры, барсуки
Жаркими в лесах мелькали пятнами
И друг друга рвали на куски.

И тогда за тучами бегучими,
Бросив благодатные края,
Он пошел живой шерстнатой тучею.
Чтоб не видеть сущего зверья.

Он пошел от них в пустыню белую,
Как в изгнание, за Полярный круг.
Ничего не прыгало, не бегало
И не мельтешило там вокруг.

Шел, питался вереском и ветками
И дошел до тех равнин вдали,
Только силы стали очень ветхими.
В сон клонило. Был здесь край земли.

Океан гремел пустыми волнами,
Солнца шар не мог подняться ввысь.
Падал снег, как белое безмолвие,
Уходила из-под сердца жизнь.

Лег он, к небу выставив точеные
Бивни, не бывавшие в бою...
...Через сто веков его ученые
Так и отыскиали в том краю.

Говорят, что, сытые и рослые,
Живы братья мамонтов — слоны.
Только мне бывает жалко до смерти
Мамонтов
Средь белой тишины...

ПТИЦА СИРИН

На клочке пергаментных забот
Я прочел значки полуустава —
Птица Сири́н в уши там поет...
И тревожно мне донельзя стало.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
Посреди гиперборейских вод
Скалы, как ножи, встают над ними.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
На пять тысяч верст зеленый лед,
Солнца шар над ним в шерсти и дыме.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
Красный Марс во весь обзор встает
Со своими лунами пустыми.

Птица Сири́н в уши там поет...
Гаснет парус, замерзают ноги.
Дюзы разрывают звездолет —
Птица Сири́н встала на дороге.

В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

I

По всем морям, материкам и кручам
Истории грохочет колесо —
С тяжелым хрястом, с яростью могучей —
От прадедов к сынам стезей отцов.

А я брожу по странам, где давно
Все по местам расставлено, по полжам,
Оценено, в реестры внесено,
И новых не предвидится осколков.

Здесь позабыли все про колесо.
Гигантский обод на незримых спицах
Ничто не крутит. Времени лицо
Бесстрастием и скукою томится.

И колесо колышется, скрипя,
Само собой не трогаясь ни с места...
Спят в громе города, музеи спят,
Европа с сигареткой дремлет в креслах.

Что ей еще? Европа кофе пьет,
Все позади — чума и баррикады,
Концлагери, вожжи, война. народ,
Грядущее... Ей ничего не надо.

Немнущийся терленковый пиджак,
Дымок над хрупкой чашечкою гнется,
И в рюмке, как янтарь, дрожит коньяк..
...Что будет, если колесо качнется?!

По случаю побед на той войне
Читают лекции пенсионеры.
Воспоминанья, словно символ веры,
Витают и восходят в тишине.

А за углом мальчишки пляшут твист.
Транзисторы на шеях, как планшеты.
Мир ходуном кидает вверх и вниз,
И места в нем для героизма нету.

Кому какое дело до войны,
Которая была до них когда-то.
Ракеты на весь свет наведены,
И врут о вечном мире дипломаты.

Мальчишки за углом танцуют твист,
Трассируют на камни сигареты.
Согни колени, вскинься, наклонись —
Качается, как тамбур, вся планета.

А памятники в розовом дыму
Плывут среди каштанов, как виденья,
Подобных никогда и никому
Не будут ставить в новых поколениях.

Воспоминаний пенсионный свет
Не оживит легенд в забытом храме.
Свистят подошвы узкие штиблет,
И холодно в жару под свитерами.

В РИМЕ

Да, мы туристы, нами полон Рим.
К нему ведут дороги всей планеты.
Мы у развалин Форума стоим,
По Колизею, бродим до рассвета.

Нас поднимают лифты в Ватикан,
Нам Петр святой распахивает двери.
Нашествие наречий, наций, стран. —
Когда б не видел сам я, не поверил.

К нам здесь привыкли больше, чем к своим,
Без нас немислим был бы вечный город.
И вот мы перед Форумом стоим,
Собой ничьих не привлекая взоров.

Но люди слышат русские слова,
И к нам подходят первыми шоферы.
Звучит вопрос: «Москва?» —

«Да, да, Москва».

И вот уж спрашивают: «Как наш город?»

Внимательные, чистые глаза,
Большие руки у парней плечистых...
«О, белла Рим!» — я от души сказал.
Прекрасен Рим! Я был в нем лишь туристом.

А эти парни видели во мне
Мир их надежды, родину Советов.
И до сих пор я слышу в тишине:
«Москва! Москва!» — их жаркие ответы.

Я вижу, как их лица расцвели,
Как пачка папирос идет по кругу,
Как будто от Москвы своей вдали,
Нежданно земляжков они нашли,
На viatritone под небом юга.

В ГОЛУБОЙ МЕЧЕТИ

На улице у каменной ограды,
Черны от солнца, целый день, подряд
К проходим молча обращая взгляды.
Согнувшись, люди на земле сидят.

Немало есть чудес на белом свете.
Я был в Стамбуле.

Слушая муллу,
Я видел купол голубой мечети.
Стоял под ним без туфель на полу.

Обтесанный руками дикий камень
Высоко к солнцу люди вознесли.
Теряясь в дымке, купол плыл над нами,
Как небо, оторвавшись от земли.

Он так велик был, что о синем небе
Забудешь здесь, под сводом голубым...
Но, зная, молитвы о насущном хлебе
Не могут уместиться и под ним!..

НА БОСФОРЕ

Поутру фелуки на Босфоре
Вдоль бортов с цветными поясами —
Кажется, с самой зарею спорят,
Желтые, зеленые, как пламя.

Свет зари падет в Босфор не скоро,
Берега кремнистые отвесны,
И цветут фелуки на Босфоре
Радугою у причалов тесных.

Как хвощи из камня, минареты
Над Стамбулом поднялись высоко,
Их вершины в алых фесках света
Утверждают правоту пророка.

Но еще стремительней и жестче.
Из бетона, стали, в ливне стекол,
Среди куполов и башен тощих
Виден Хилтона отель далеко.

Веет ветер угольным угаром,
Горьким медом, пылью и садами.
Зажигает берега пожаром
Солнца апельсинового пламя,

Отражаясь медными кругами
В дымной бухте Золотого Рога,
Где, в мазуте вся, звенит волнами
Аргонавтов древняя дорога.

У БЕРЕГОВ ИСПАНИИ

Для меня была Испания такой:
Времена смешались все и сроки,
Рог Роланда обливается тоской
И Филипп Испанский правит суд жестокий.

А по рыжей сьерре скачет Дон Кихот,
Карменсита каблучками бьет о камень,
И сражается в Мадриде интервзвод,
Окруженный марокканскими стрелками.

Для меня была Испания такой:
От Веласкеса до Лорки — всё в ней рядом,
Черных «юнкерсов» в высоком небе строй,
Бой быков и паруса морской армады.

Но однажды мне открылось с корабля
(Шел корабль у Гибралтара темной ночью),
Я увидел, что Испания — земля,
По подолу в огоньках короткой строчки.

Над проливом черной глыбою утес
Возвышался, весь из скал, в дыму, тумане,
Только небо чуть светлее в свете звезд
Позволяло разглядеть их очертанья.

Низким заревом Танжер налево плыл,
Ниже черных берегов того утеса
Ветер дальний запах гари доносил,
Чей-то крейсер шел, огни бросая косо.

Целый час я на Испанию глядел,
Целый час по борту волны били мерно,
Я друзей бы здесь, врагов найти хотел, —
Вот она, как ночь и звезды, достоверна.

Где они, морской армады паруса,
Дон Кихот, и звон гитар, и Карменсита?
Я глядел до слез, глядел во все глаза
На утес, ветрам Атлантики открытый.

Здесь живут и плачут, любят и клянут,
А Филипп давным-давно забыт навечно.
Светят звезды, спит земля, огни плывут,
И летит по морю сьерры дым навстречу.

ВСТРЕЧА В ПАРИЖЕ

Я повстречался с ним в Париже —
В Париже с русским, с земляком.
С потрепанным, притихшим рыжим
Моим врагом — к лицу лицом.

Его случайно не добили
В котле в Курляндии еще.
На пляс Питаль из водной пыли
Он вынырнул, блестя плащом.

Он появился вдруг, как будто
Из тьмы и праха плотью стал,
Едва по брюкам пресловутым
И папиросам нас узнал.

Щербатый рот в улыбке ширя,
Он злость смирил не без труда:
«Ну, как у нас, в свободном мире,
Вам приглянулось, господа?»

Ну что ж, мы были господами
Пред ним, а он и здесь чужим.
Париж дружил не с ним, а с нами,
И мы заговорили с ним.

«Валяй, — беззлобно мы сказали, —
Выкладывай, чем ты богат!»
За нами города вставали —
Москва вставала, Ленинград...

России зори на полсвета,
Ее и завтра и вчера.
За ним — лишь, глядя на ночь, где-то
За тридцать франков конура.

Мела на пляс Пигаль свобода
Нейлоном юбок камень плит...
Нет, он не лез без брода в воду
И был отнюдь не лыком шит.

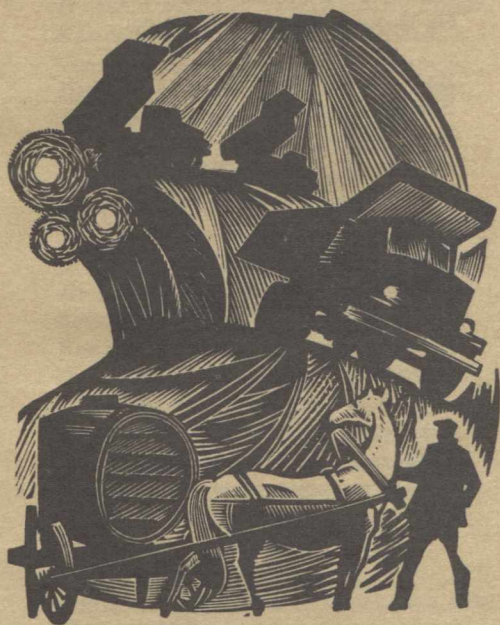
Огней кричащую рекламу
Он не призывал на помощь в спор.
А, так сказать, с высот Нотр-Дама
Вести пытался разговор.

Он взвыл: «У вас с искусством плохо,
Зашла поэзия в тупик,
Я за Есенина, за Блока,
За их божественный язык!..»

Слова выплевывая люто,
Спешил он, словно встрече рад,
И я слышал в ту минуту,
Как бьет немецкий автомат.

В Курляндии, в сорок четвертом,
Он бьет, страхась сдаваться в плен,
К стене припертый, в злобе мертвой...
Но здесь Нариж шумел у стен.

И мы сказали: «Что ж, неплохо,
Твоя хула для нас — хвала.
Но ты Есенина и Блока
Не тронь, а то сгоришь дотла».

...Все это было б эпизодом
Без обобщенья, но не раз
Встречался я за эти годы
С прищуром лютым мертвых глаз.

И я стихи с моим заданьем
В бой вывожу — не на парад.
И нету сосуществованья
На фронте, там, где я солдат.

Идет поэзии пехота,
В пыли и глине горяча,
Но если хвалит враг кого-то,
Я не спешу рубить сплеча
И утверждать, что это плохо.

Я помню, выверяя шаг,
Как за Есенина, за Блока
В Париже мой хватался враг!..

В огне холодном, плещущем до крыш,
 Как накануне преставленья света,
 Гремел Париж, плясал и пел Париж,
 Париж туристов всей Земли-планеты.
 Катились волны стали и стекла,
 Мела метель слепящего нейлона,
 Бензинного и женского тепла,
 За двадцать франков переоцененных.
 Но я стоял не перед ней застыв, —
 Я увидел, как в огненном приборе
 На улице, в толпе глаза закрыв,
 Забыв про город, целовались двое.
 Как будто бы в лесу, к плечу плечо,
 Они вдвоем — и холодок по коже,
 Стыдливо, неумело, горячо...
 Влюбленные на всей земле похожи.
 Здесь среди камня, стали и стекла.
 В твой час, Париж, поэтами воспетый,
 Меня на Монпарнасе обожгла
 Травинка человеческого света.
 Ничем не истребимая дотла,
 Как в тьме крошечной маленькая вежа.
 Она, колеблясь, тонкая цвела
 Под грозным небом атомного века.

МОСТ ЧЕРЕЗ БЕН ХАИ

Пальмы и бамбуковые рощи.
И жемчужный, теплый, без просвета,
Целый день идет февральский дождик —
Зимний дождь, как в Ленинграде летом.

Узловаты, высоки и гладки,
Краснозем корнями размесили
Фикусы такие ж, как в России,
Что стоят у нас по избам в кадках.

Буйволы несут рога, как лиры,
Небо меж рогами полыхает.
Аисты разгуливают мирно
Над рекой медлительной Бен Хаи.

Наклонив конические ноны,
Рис сажают над рекой крестьяне.
Как штрихуют поле в цвет зеленый.
А поля — как зеркала в тумане.

За рекой Бен Хаи те же крыши,
Те же песни, аисты и пальмы,
И на спинах буйволов мальчишки
За рекой Бен Хаи цвета стали.

Как клинок, лежит река, сверкая,
Ни волны над нею нет, ни всплеска, —
Землю на две части рассекая,
Рассекая пальмы, семьи, песни,

Над рекой Бен Хаи мост железный,
Только по нему никто не ходит,
Десять лет не ходят и не ездят
По нему ни при какой погоде.

Но в кругу друзей большом и тесном
Рыбаки на берегу у моря
Песню нам про этот мост железный
Пели, с грохотом прибоя споря.

Эту песню создавали руки,
Эту песню поднимали спины,
На вьетнамском севере и юге
Эта песня десять лет одина.

Песня шла гремя, не затихая,
С болью, с верой в то, что это будет,
Будет день, — пройдут по мосту люди
Над рекой медлительной Бен Хаи.

В ПРАГЕ

Над синей Влтавой в Праге старой
Цветут высокие каштаны,
Воркуют голуби у арок,
И в солнце-золоте Градчаиы.

На площади старинной Праги,
Среди цветов весенних алых,
Стоит, как память об отваге,
Тяжелый русский танк с Урала.

Под ним с утра играют дети
На теплых плитах тротуара.
Им кажется: на белом свете
Стоит он вечно в Праге старой.

Не рвется он огню навстречу,
Тяжелый, грозный бог атаки, —
Под ним цветы пылают вечно,
И вечно солнцем светят траки.

И детям кажется недаром,
Что с Прагой он в разлуке не был;
Над синей Влтавой в Праге старой
Победа стала солнцем, хлебом.

РАКОВИНА ЗАЛИВА ХА ЛОНГ

Медлительный и молчаливый
Рыбак поднес ее к губам,
Как белый рог, и над заливом
Запел, зарокотал Вьетнам.
Призывный звук, тревожный звук,
Летящий к небу, к солнцу, к скалам.
— Возьми ее на память, друг,
И звук возьми с собой, — сказал он.
Плясала джонка на волне,
Звенел в заплатах парус рыжий,
Ворчал прибой на пляжах ближних,
И пели птицы в душу мне.
И незнакомые деревья,
Как ливни, рокоты несли,
И били в барабан деревни,
И в слюдяных полях вдали
Вздыхали буйволы на межах
Огромные, как валуны.
И ветер белых побережий
Нес всплески бурь и тишины.
Я все увез в Россию в ней,
Закрученной на совесть круто,
Облитой жарким перламутром
Больших тропических морей.
И только к уху подниму,
Неутихающий упрямый
Я слышу дальний гул Вьетнама
В России у себя в дому.

СТИХИ О ДАЛЬНОЙ ДОРОГЕ

Ноги духли от полета,
Огибал я шар земной,
Ангелы аэрофлота
Наклонялись надо мной.
Предлагали мне тянучки,
Водку, ножку петуха.
В небе не было ни тучки,
Расстоянья чепуха.
Вся земля внизу качалась,
Никаких на ней границ,
И сидел я без печали,
Глядя в небе сверху вниз.
Как господь глядел с престола
Или как Иван-дурак,
Начиная с полшестого
Утра, скинувшего мрак.
Города внизу лежали.
Реки струйками текли,
Люди там внизу сражались,
Строили, хлеба пекли.
Сочиняли триолеты
Без зазренья на друзей.
Но пустой была планета
Сверху, словно бы музей.
Глиняная, будто черный
Старый в трещинах горшок,
Ни души на ней, к прискорбью,
Сверху я узреть не мог.

Были только очертанья
Их труда за все века.
Городов и пашен в плане.
Видимом издавека.
Остальное затерялось,
Измельчало, словно мышь, —
Что большим внизу казалось.
Сверху и не разглядишь.
Ни дворцов, ни монументов,
Только пашни и сады.
Да дорог прямые ленты,
Да плотины у воды.
Думал я, вернусь и буду
После этой высоты
Философски, словно будда,
К мелочам земной тщеты
Относиться после этой
Траектории в выси,
Охватившей полпланеты
Лайнером на небеси.
Но сосед, храпевший сбоку,
В бок толкнул меня локтем.
Ангел флота синеокий
Вдруг назвал меня отцом.
Он зевнул, взглянул со скукой.
Как в трамвае, на меня,
И поблек небесный купол.
Синий в середине дня...

ДВА МОНОЛОГА

1

Нет расстоянья, нет пространства,
И городов далеких нет.
Нет гор, морей и ветра странствий,
Есть стюардесса в цвете лет
Есть аэрон, бетон, динамик,
Орущий джазом в вашу честь,
Трап на пневматике. Громами
Ночь потрясенная окрест.
Век, ты устроился неплохо
И позабыл, что час назад
Была перекладных эпоха,
Карет, фрегатов и баллад.
В цветной бетон и сталь закован,
Неоном ледяным омыт,
Исчислен, взвешен, зашифрован.
И крайне замкнут, и открыт.
Мой брат, мой враг, мой собеседник,
Над пластиковым столом
И чашечкой «экспрессо» бледным.
В часу неведомо каком.
В глуши неведомой вокзальной,
Откуда все рукой подать:
Березы, ледники и пальмы. —
Что хочешь ты еще сказать?
И знаки мудрости газетной
Восходят над твоим лицом
С похожею на сказку сплетней,
Как за щекою с леденцом.

А синие глаза пустыни,
И прядь сиреневых волос,
Как дым весны и Хиросимы
Ответ рождает и вопрос.
Век, я хочу с тобою спорить
О смысле злобы и добра,
Дышать зеленой солью моря,
Пить спирт из фляги у костра
И быть еще сентиментальным,
Как в дни фрегатов и карет,
Медлительным необычайно
Средь молний, стюардесс, ракет.

2

Чужие старые столицы
В рекламных ливнях слюдяных
Я вспоминаю, словно лица,
Нытаясь разобраться в них.
Стеклом, бетоном, сталью, светом
Разрублен ночи мрак и смят.
Зимой, весной, в разгаре лета
Они сверкают и горят.
Но есть в их праздничности броской
Тревога знобкая и грусть,
Которую понять не просто,
Но есть которая, как груз.
А в чем она — не скажешь сразу:
В девчонках юных на углах
Иль в блеске бешеном показа
В самом уже запрятан страх?
А может быть, все это вкупе
Заклучено в том и другом?
Забудут, не наймут, не купят,
Или поверят, но с трудом?

Гремят, ликуют и хохочут,
Надменны, праведны, грешны
И на исходе жаркой ночи
Сосредоточенно грустны
Чужие старые столицы
У синих рек и белых льдин,
Большие памятные лица
Держав, столетий и равнин.

В каменной, стальной глуши,
В аэропортах столичных
Кофе по ночам глушил,
Сигареты жег привычно.

Всюду с ревом города
На земле зимой и летом
Низвергались в никуда,
Словно водопады света.

Не было ни зим, ни лет,
Были тропики и холод,
Снег и пальмы. Белый свет
Мчался, как волчок веселый.

Но однажды на краю
Взлетной полосы, на пашне
Вдруг припомнил жизнь свою
Разом всю, как день вчерашний.

Вспомнил выжженный кювет,
Клок земли, в атаке взятый,
Весь как целый белый свет
Неохватный, непонятный.

Вспомнил молодость свою,
Как горящую ракету
В том бою, году, краю,
И ушел и едал билеты.

Все, говорят, на свете образуется,
 Все в жизни станет на свои места.
 И Дон Кихот под старость образумился,
 Но разум не надгробная плита.
 Прихлопнешь разве разумом стремление
 Быть искренним, и честным, и прямым
 И все свои печали и сомнения
 Нести на люди, обращаться к ним.
 У юности в крови есть жажда поиска.
 Она сама как поиск и равна
 Той жажде, что вела людей до полюса
 Жары, вершины, холода и дна...
 Меня недавно подвели товарищи.
 Не предали, а час такой настал,
 И подвели, — подумаешь, удар еще,
 Не молод я и многое видал.
 Горел, и мерз, и шировал как следует,
 Ну, подвели — отбился, пустяки.
 Но мысль одна с тех пор меня преследует
 Как быстро образумились дружки.
 Разумные, врагов себе не нажили,
 А я, как был, останусь им дружком,
 Но в дружбе что-то все-таки загажено,
 И это не отмоешь коньяком.
 Да здравствует святая сила разума,
 Быть не рабом — хозяином страстей
 И поступать, как юностью наказано
 На дымном гребне фронтовых ночей.

Пусть не благоразумная — победная
Идет без страха молодость в зарю.
Я буду стар, как перечница медная,
Но и тогда я это повторю.

ВСТРЕЧА С МОРЕМ

Я с морем встретился вчера,
Как с миром праздничным огромным.
Всклени полным света и добра
И искренности неумной.
Я к морю нес свой груз обид,
Не помышляя об участье.
Недавно без причины бит
И предан, но не другом, к счастью.
Голы, как белые слоны,
У моря грелись эвкалипты.
В тени у розовой стены
Два ишака кричали хрипло.
Абхазка тротуар мела.
И у воды на жаркой гальке
От солнца алые тела
Лежали бревнами вповалку.
Что море?
Синяя вода,
Соленая до окоема.
Что морю счастье и беда?..
Но море дрогнуло у кромок.
...Накат вступил немым оркестром,
Меняя красок череду,
Роняя отблески и всплески
С забытым чем-то лишь в ладу.
В душе встающим, как растенья
Неслышно через камень плит,
Дробя гранит своим рожденьем.
Гранит печалей, бед, обид.

Накат не знал обид и болей,
Но, омывая, уносил
С собою что-то с пеной белой
И возвращался с тайной сил,
Еще пока не ощутимых,
Но прибывающих уже.
Он проявлял меня, как снимок,
И с ним светало на душе.
Огромность вод, блескучих, близких
Сближали с небом и цветным
Простором поиска и риска
И утверждала перед ним
Неумолимо, без насилья.
И пробуждала, как от сна,
Еще не выросшие крылья,
Неузнанные времена.
И я в себе слышал море,
И сам стал морем я живым,
И мог и должен был я спорить
И соглашаться только с ним.
Огромным, видевшим вчера лишь
Рожденье ящеров во тьме,
И груз эпической печали
У аргонавтов на корме.
А волны шли и шли на берег,
Вздымали горы щит земли.
И поединок двух империй
Судейство только мне сулил.
Пропела дальняя сирена.
Шел белый лайнер на Сухум,
А берег вскидывался с пеной
И плыл саженками без дум.
Струился полдень лиловатый,
Дельфин, как маховик, тяжел,
Вздымался черный и горбатый
И вновь скрывался среди волн.

Как взрывы, к небу эвкалипты
Вздымали кроны. Босиком
Богиня вышла из калитки
У розовой стены, с кульком
Тяжелых синих виноградин.
Гибка, как пламя от костра...
Как многое случилось за день!
Я с морем встретился вчера.

Ты в жизни жег хоть раз мосты
В своей,
Как жгут мосты саперы,
Настилы руша с высоты
И за рекой оставив город.
Он бел. Над ним плывут сады,
Сверкают шпиль колоколен.
Но сожжены к нему мосты,
И надо уходить по полю.
И лучше не глядеть назад.
Там над безгрешною рекою
Мосты горят, мосты горят —
Твоею зажжены рукою.
Ты в жизни жег хоть раз мосты?
Вот так, а может быть, иначе?
На пламя глядя с высоты,
Сто раз оборотившись, плача.
Саперам что! Они пройдут
Огонь и дым, но час настанет, —
Мосты саперы возведут,
И город вновь в их лица глянет.
А в жизни жгут мосты навек,
И в прошлое возврата нету.
В тот город за разливом рек,
Где мост горит в разгаре лета.

Смеялась женщина, смеялась,
Как будто яблоки роняла,
Как будто тень и свет сменялись,
И людям все казалось мало.

Ей ветер обнажал колени,
Она подол рукою била
И хохотала в упоенье
Так, как она всегда любила.

И все вокруг переменилось,
Все стало праздничней и ярче,
Все сдвинулось, переместилось
И стало вдруг свежей и жарче.

А было лишь — такая малость:
Катилось, звоном озаряло,
Смеялась женщина, смеялась,
Как будто яблоки роняла.

Давно всему известно свету,
И это не его вина, —
Непогрешимых истин нету.
Но, может быть, права одна:

Стирает время в пыль державы.
И гордая стареет новь.
Бессмертная проходит слава
Легко, как дым.
И лишь любовь

Летит поверх барьеров Рима,
Сквозь все века и времена —
Добра, безжалостна. гонима,
Беспомощна, как смерть сильна.

У ракетной переправы
На бетонном берегу
Ни налево, ни направо
Оглянуться не могу.

Все смотрю на купол синий
С кромкой леса на краю.
На земле моей России
Заглядевшись в даль свою.

Крыльями зари касаясь,
Серебрится самолет.
Улетаю не прощаясь,
Не отметив стопкой взлет.

Позабыв про телефоны
И про серые глаза,
Не печальный, не влюбленный.
Сам не знаю, как сказать.

Улетаю, улетаю...
Тает талая заря.
Все, что было. — сам считаю, —
Это было просто зря.

Люк захлопнут, трап откатят,
Щелкнут пряжками ремни.
Гром накатит и подхватит
За стеклом земли огни.

И пройдет на шпильках острых,
Длиннонога, не стуча,
Всем улыбкива по ГОСТу,
Стюардесса у плеча.

Я снова вспомнил почему-то
Далекий госпиталь в войну,
Где я лежал немало суток,
И санитарку в нем одну.

Тупой бессонницей измаян,
Я морфий у нее просил.
Кричал, что доза небольшая,
Ругался матом и грозил.

Но, зная меня жалея очень.
Девчонка прикрывала свет
И на мои угрозы ночью
В ответ твердила только — нет.

Я позабыл, какие песни
Она мне пела у виска,
И как мои писала письма —
Не вспомнить мне наверняка.

Но помню, как с неженской силой,
От оскорблений всех бледна,
«Нет, морфия не дам», — твердила.
И помню также, как она

На перевязку вывозила.
Катала бинт, как снежный ком.
И вдруг его срывала с силой,
Безжалостно. одним рывком.

Она жалела, уважала
Меня, солдата, мужика,
И потому бинты срывала
Не дрогнув добрая рука.

А ты все медлишь..

СОЛЬВЕЙГ

Ты по утрам в горах на лыжах бегаешь.
Зима в горах — как новая планета.
И горы синие, от солнца пегие,
К тебе сбежались, в белый снег одеты.
Ты бьешь по солнцу прутиком бамбука,
Твои глаза — два радостные неба.
Они смеются в этот час без звука.
И вся ты — солнца, гор и снега слепок.
Деревья смотрят, поднимая кроны. —
Какая длинноногая явилась!
Им, одиноким и вечнозеленым,
Ты так понятна, как в лесу родилась.
А ты сбежала в горы к ним впервые,
Сама того не зная, что отныне
Всю жизнь с тобой вершины снеговые
Всё будут мчаться, белые на синем.
А наст звенит. По насту, как по озеру,
Летят удары лыж, колец и ветра.
Сиреневые, алые и розовые,
Прносятся по насту звуки света.
Все свет: и эти камни в жарком инее,
И горы, и меж них долины, лежа
Сверкающие, летние и зимние.
Все свет, и ты его явленье тоже.
Глаза твои лучатся, небо пряча,
Ты розовой ладошкой ветер рубишь...
И все на свете ничего не значит
Без них, без этой занебесной глуби.

Уходит женщина. Уходит,
Как солнце с неба, как река
За горизонт по шатким сходям
Травы, кувшинок, тростника.
Уходит женщина так просто.
Без слов, без слез. без жалоб прочь,
Как в океане синий остров,
Как день уходит и как ночь, —
Естественно, обычно, вечно
Уходит женщина. Не тронь.
Так, уходя, идет навстречу
Кому-то ветер и огонь.
Как ливень с тысячей мелодий
Из поля в новые поля,
Уходит женщина. Уходят
И гаснут следом тополя.
Уходит женщина. Ни злоба.
Ни просьбы непонятны ей,
И задержать ее не пробуй,
Остановить ее не смей.
Молить напрасно, звать напрасно.
Бежать за ней — напрасный труд..
Уходит — и ее, как праздник.
Уже, наверно, где-то ждут.

ГЛАЗА

В них не проплывают облака,
Птицы в них не пролетают стаей,
Не летит дорога далека,
Неизменно в грусть перерастая.

Не смотрю, не думаю, молчу,
Забывать старательно стараюсь
И по ней стремительно лечу,
Все лечу, не достигая края.

А куда несет она, куда?
Что там, в этих всплесках тьмы и света?
Сквозь года, в года, через года
Нету ни ответа, ни привета.

В грохоте ракетных переправ.
В реве далее железобетонных
Тише тихих полуночных трав
Сердце бьется — грозно, озаренно.

Может, шар земной пересеку
По широтам весь и по долготам,
А дорогу эту не смогу
Ни на шаг пройти. ни на йоту.

Зыблются, синея, небеса,
Тень ресниц, скользя, идет по склону,
И глядят, глядят на мир глаза,
Сожалея, грустно, отчужденно.

В них не проплывают облака,
Нет ни птиц, ни парусов,
Сквозная
Вдаль летит дорога далека —
Ни конца, ни края ей не знаю...

В АВТОБУСЕ

Косматый, рыжий, словно солнце, я
Оптимистичен до конца.
Душа моя — огнепоклонница,
Язычица из-под венца.
Чем дело кончилось с татарами?
Как мартом сарафан белен!
Вдрызг реактивными фанфарами
Исполосован небосклон.
Летят дюралевые капли
По небу синему, свистя.
Не так ли хлынет вниз, не так ли
Ливень реактивного дождя?
Но вальсы, вальсы, только вальсы,
Кружа, в динамике дрожат.
Белеют на баранке пальцы,
Темнеет у шофера взгляд.
Весь голубой, как будто глобус,
В никелированной росе
Летит размашистый автобус
По пригородному шоссе.
Он в солнце, в первых лужах, в глине...
Творится на земле весна,
Как при Микуле и Добрыне.
Как при Владимире, красна.
И Лель сидит на косогоре
С кленовой дудочкой в зубах,
И витязи торчат в дозоре.
Щитами заслепясь в лучах.

Мосты над реками толпятся,
В бензинном дыме пропада...
И ничего не может случиться
С весной и Русью никогда.

ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ

Юрию Быкову

Республика на страх своим врагам
Воздвигла гильотину, словно вече.
Всем королевским шлюхам и чинам
Рубили с маху голову по плечи —
Тем, кто кричал: «Да здравствует король!»,
Служил иль просто числился по спискам.
Свобода — отзыв, трибунал — пароль.
Всем поровну и хлеб иobeliski.
Ах, Марианна, красен твой колиак,
Нежны и алы губы от рожденья.
Уже на свете ни один дурак
Не завопит о короле на Сене.
Но все-таки придется заплатить
Последний раз за Францию по счету.
Надета треуголка, он в пути,
Ведет поручик-корсиканец роту.
Есть равенство в стальном строю солдат,
А звезды так близки на эполетах,
И пушки высоко заговорят
Последний раз диктаторским фальцетом.
Но никому отныне не взбредет,
Что кто-то может солнцем быть, державой.
Отцом родным. Да здравствует народ!
На площадях, как девка, пляшет слава.

Весна, я что она такая?
 Летят сквозь дали журавли.
 Летят сквозь дни деревья стоя,
 И травы снова вверх пошли.
 Все рушится, что было свято,
 Незыблемо в снегах зимы,
 В пару и дыме лиловатом,
 В лохмотьях обветшалых тьмы.
 Вот землю небом раскололи
 Ручьи и реки на куски,
 В оградах оживают колья,
 И на камнях встают ростки.
 Творится новая планета
 У всех бесстрашно на глазах
 Из глины, воздуха и света,
 В навозной жиже и цветах.
 Дождей мгновенных колыханье.
 Ветров свистящие столбы,
 Грозов далеких грохотанье
 И придыхание трубы.
 Из пепла, глины и навоза
 Встает, рождается, чиста
 Как ландыши и клуберозы,
 Неслышанная красота.

Девочки веселые, бедовые,
С поговорочкой: «Хоть час, да мой»,
Мне вас очень жалко, непутевые,
Черт те что творящие с собой.
Девочки с прическами косматыми,
В туфельках на острых каблучках,
Бомбой искалеченные атомной, —
Не взорвавшейся, издавека.
Сколько и без взрыва искалечено
В некогда восторженных сердцах,
В пламенных, веселых и доверчивых,
В голубых неоновых ночах!
Даже души сильные и стойкие
Холодом ее знобит сейчас
Свист метели с той шкалы с настройкою,
Где горит, дрожа, зеленый глаз.
Мы иные, мы не слабонервные,
Только как вам девочки, помочь,
Чтобы вы смогли в себя уверовать?
Слабость и бездумье превозмочь?
Мне не легче, юности не помню я,
Только век за это не корю.
Ласковые и опустошенные,
Мне вас жаль, девчонки, говорю...

РАЗГОВОР С МАДОННОЙ

Мадонна с Петроградской
Сидит передо мной.
Высокий лоб прекрасный
И волосы копной.

Она глядит на вещи
В упор, как на торгу.
Коньяк с боржомом хлещет,
Как моряки в порту.

«...Вы что-то там сказали?» —
Прищурились глаза.
Джаз в ресторанном зале
Грохочет, как гроза.

«...Любви на свете нету,
Есть флирт и просто спорт
Девчонки до рассвета
Целуются на спор...

Живу со скушным мужем.
Есть сын, его люблю.
А муж — он только нужен,
Он терпит, я терплю...»

А каблучки, как льдинки.
Звенят, звенят, звенят...
А мужики с блондинки
Хмельной не сводят взгляд.

Горят ее коленки,
Бледно ее лицо.
От сигаретки лентой
Дымок кольцо в кольцо.

Плечам покатым жарко,
Они зимы белей...
А мне мадонну жалко,
И я не верю ей.

Не верю, но не спору,
Поскольку слышу злость,
Слова летят с которой
На все, что в них сошлось.

Лет двадцать пять мадонне,
Она стройна, сильна,
До маленькой ладони
Вся как одна струна.

И ей, мадонне, скушно
От звона баккара.
И ей на службу нужно
Постылую с утра.

Одна отрада — летом
На месяц ледоруб,
И на снегу рассветы,
И ветер лишь у губ.

Где в камень гор, как в стремя.
Становится ногой,
И ввысь хотя б на время
Она сама собой.

БЕЛЫЕ НОЧИ

Вы слышали про белые ночи? Слышали?
Как заря полыхает в гранитном канале,
Как мосты поднимают пролеты, как крылья,
И черемухи цветом, как снегом, обильны.
Разве белые ночи бывают? Бывают.
Город отдан влюбленным, нет в нем
равнодушных.

Что такое? Здесь белую ночь открывают!
Открывают, как бал? Нет, скорее, как душу.
Рассказать вам, как это бывает,
Как и что происходит при этом?
Кто-то времени ход обрывает
И сближает закаты с рассветом.
Истончается мгла до предела,
Выявляется сущность пейзажа,
Ночь становится призрачно-белой
И слегка розоватою даже,
В парк уходят трамваи поспешно,
Убирают с проспектов машины
И приветствуют юность и свежесть
У дворцов над Невою старинных.
Факела зажигают на рострах,
Гасят все фонари, и, как в храме,
Все возвышенно, чисто и просто
Говорить начинают стихами.
Вы не верите мне? Вы забыли
То, что некогда вас окрыляло,
Что когда-то влюбленными были,
Что поэзия вас озаряла.

Людам нравятся белые ночи.
Люди не перестали влюбляться,
И ночей этих праздничный почерк
Им в сердца продолжает стучаться.
Светом хлещет он в девичьи очи.
И героев в мальчишках он будит.
Людам нравятся белые ночи,
Люди черные ночи не любят!

Не на западе — на востоке
(Запад стар и все знает сам)
Вновь по свету ходят пророки,
Свет внимает их голосам.
Ах, пророки годов высоких!
От костров гражданской войны
Ваших гневных воззваний строки
Алой кровью обогрены.
Убивали вас ночью белой
В темноте кулацкой рукой,
А гармоника где-то пела
Ваши песенки за рекой.
Поднимались вы из окопов,
Чтоб под пулей немецкой лечь,
Но не может забыть Европа
Ваших гимнов походных речь.
Вновь выстраиваются в строки
Вера, Правда, Верность, Любовь, —
Поднимают слова пророки
И несут их на люди вновь
Не в библейских белых хитонах —
В гимнастерках и в пиджаках,
Непременные микрофоны,
Словно посохи, в кулаках.
И совсем как во время оно,
Как две тысячи лет назад.
Словно трубы Иерихона
Репродукторы их гремят.

Меня страшат аэродромы,
Когда в ненастные часы
Вдруг станет шар земной огромным
За краем взлетной полосы.
Дюралю мир и плексигласа,
Мир современных скоростей
Дряхлеет вдруг мгновенно, разом
И слухов ждет, как ждут вестей.
Становятся горами горы,
Моря — морями, лесом — лес
Под грозным заревом просторов
Пустых эпических небес.
Ангары, башни и экраны,
И фюзеляжи в серебре,
Как свалка крашенных жестянок
За городом на пустыре.
И у буфетной стойки длинной
Под скучный музыкальный гром
Сжимают в кулаках мужчины
Безмолвно стопки с коньяком.
Как хрупок все еще бетонный,
Стальной и электронный свет
Пред тем, живым, одушевленным,
Бушующим миллионы лет.
Одно неверное движение —
И брызнет тонкое стекло,
И вот уж снегом с тихой ленью
Его случайно замело...

Ракетами, как луг ракитами,
Стал ныне шар земной богат.
На всех материках раскиданы,
Ракеты пьют и хлеб едят.

Живется им неплохо. В наледи
Свои вздымают острия —
Континентальные, глобальные.
«Земля — зенит», «земля — земля».

На них работают, не ленятся
Три миллиарда на земле,
И засекреченные гении
Ракетам служат в их числе.

Ракетам всё — шоссе бетонные,
Дворцы в глубинах недр земли.
Луга, леса, поля зеленые.
И глубь вод, и корабли.

Их фотографии красуются
На первых полосах газет,
И дипломатами трактуется
С трибун земли язык ракет.

Тяжел от стронция и радия,
Летит на землю дождь и снег...
Так непонятно в веке ядерном
Выходит к звездам человек.

Вам, мальчишки, вам, девочки, вам, юные,
 Завидую впервые я сейчас.
 Вам предстоит увидеть горы лунные,
 Открыть Венеру и ступить на Марс.
 К чему скрывать, на ваше поколение
 Смотрели мы порою свысока.
 Но вышло — во вселенную вселение
 Вам начинать от мира сотворения
 Впервые предстоит, и на века.
 Дорога, на которую вы ступите,
 Сама есть цель — нет у нее конца.
 На ней вы возмужаете, полюбите
 И вечностью проверите сердца.
 Никто не может вам сказать заранее,
 Как нам никто не смог сказать с вершин,
 Какие предстоят вам испытания
 На ней, какой свой Зимний, свой Берлин.
 С нее вы не сойдете, как в истории
 И не сходил доныне человек
 С дорог земли тяжелых, им проторенных.
 А звезды дарит вам двадцатый век.
 И, может быть, с небес, как небожители,
 Святые и земные до конца,
 Вы спуститесь к иным планетным жителям
 И им свои раскроете сердца,
 В которых пламя крови штурма Зимнего
 И нежность всех садов, что вам цвели.
 Вы юные, вы добрые, вы сильные
 Сыны Земли и дочери Земли.

Хотел бы я волшебным даром
Пройти через заставы лет,
В Совет Народных Комиссаров —
Державы первый кабинет.

Не как любитель заседаний,
С особым чувством чтущий власть,
А как на первое свиданье
Хотел бы я туда попасть.

В Москву пылающего года,
В одну из тех Кремля палат,
Где часовыми возле входа
Ее рабочие стоят.

Из исторических просторов
Вошел бы я, незрим для глаз,
Как та уверенность, с которой
Там думают они о нас.

Там обжигающих декретов
Слова бессмертные слышны,
Как будто пишут гимн поэты,
Походный гимн для всей страны.

Ее железные наркомы —
Сыны завода и села —
В лицо потомкам лишь знакомы,
Вершат державные дела.

Распределяют соль и воблу
И, не желая временить,
Планируют, как Дон и Волгу
Каналами соединить.

Страна в разрухе и блокаде,
Четырнадцать держав кругом,
В Москве осталось хлеба на день,
И молод первый Совнарком.

Я старше сам из них любого,
Я знаю, как пойдет их жизнь...
Но я хотел бы там любовью.
Теплом и верой запастись.

Я вижу Ленина портреты:
Вот говорит с трибуны он,
А вот над полосой газеты
Один в раздумье погружен.

Но чем все дальше время мчится,
С собою унося года,
Все чаще вглядываюсь в лица
Тех, кто с ним рядом был тогда.

На площади в толпе бурливой
Рукою машет он кому
И улыбается, счастливый, —
Наверно, другу своему.

Во всех решительных сраженьях.
В года свершений и тревог
Был не один товарищ Ленин.
Что он один бы сделать мог?

Еще в симбирской снежной дали,
Считая долгой ссылки дни,
Своим товарищем назвали
Впервые Ленина они.

На них рассчитывая твердо.
Он начинал за правду бой.
Была у Ленина когорта
Сынов России огневой.

Наркомы — им едва за тридцать,
Без орденов и седины —
Ушли.

Но ими те страницы
Истории освещены.

На времени святом и грозном
Не лампионов и ракет —
Буденовок их краснозвездных
И душ бессмертных плещет свет.

Недаром до сих пор, не даром
В движение армии труда
На всех материках пожаром
Вдруг вспыхивают их года.

А Ленин знал их поименно
И счастлив был среди тревог,
В своих товарищей влюбленный.
Тем, что он не был одинок.

Не скрываю, что очень понравился мне
Незнакомый, заморский один человек.
Он в солдатской рубаше, с кобурой на ремне
И пудовых ботинках, пошитых навек.

С ним бы хлеб разломил,
Стопку отдал свою —
Человек этот был,
Всем известно, в бою.

Знает мир, а не знал,
Как с открытым лицом
Фидель Кастро стоял
Под огнем и свинцом.

Он идет по проспекту, высок, бородат.
Отдыхает ладонь на широком ремне,
Революции Кубы трибун и солдат.
Как он нравится мне!

В сорок третьем метельном, военном году,
В тридцать третьем отдельном гвардейском
полку,
На дыбы поднимая КВ на ходу,
Мы свое повидали на нашем веку.

Средь кипящего зарева стали и льда
Верный лерег полка плыл за нами упрям,
Тыл полка, ну какой это тыл, но когда
Мы из боя к своим возвращались друзьям.

Нам постель уступали они у костра,
Отдавали пайковую водку свою
И дежурили рядом в снегу до утра,
Потому что мы только что были в бою.

Знаю я, что такое солдатский ночлег
И сто грамм, что без слова друзья отдают..
Как мне нравится этот чужой человек
В незнакомом, заморском, далеком краю,
Побеждавший в бою.

Вот кажется, ну что я этой Кубе.
 Что Кубе я, что для меня она?
 И не согрееет и не приголубит
 Чужая незнакомая страна.

Экзотикой она б не заманила,
 Романтикой к себе б не позвала
 И ничего она не заменила
 Того, чем жизнь моя полна была.

Но я сегодня думаю про Кубу.
 Среди своих забот, хлопот и дел
 Вдруг радостью обдаст она сугубой,
 Как будто вдруг на миг помолодел.

Она, как искра от костра. Не близко,
 Далеко залетела за моря
 И там горит и светит эта искра.
 Все, значит, было на земле не зря.

Костры не зря палили конармейцы.
 Мечтая об эпохе зоревой...
 А век грозил: лишь на себя надейся...
 И мы под Брестом принимали бой.

О, первый свет костра за океаном.
 Как бородатым конникам сродни
 Солдаты Фидель Кастро из Гаваны,
 Хотя о том не ведают они.

Второе полушарие планеты,
Иная жизнь, иные времена.
Но свет горит, не остановишь света,
Он ярче там, где ночь еще черна.

Нам век грозил: лишь на себя надейся,
Когда под Брестом мы вступили в бой...
Гори, костер за океаном, вейся.
Костры Европы все сейчас с тобой.

ПАМЯТИ ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРЫ

Че Гевара уходит в горы,
Возвращается в мир Гевара.
Так крестьянин бросает город—
Потянуло к пенатам старым.

Ничего не надо Геваре —
Ни портретов, ни кадиллака.
Он Гаване улыбку дарит
И уходит в свою атаку.

Десять раз его похоронят,
Десять раз его позабудут.
Будет взрывом он и погоней,
Только смерти его не будет.

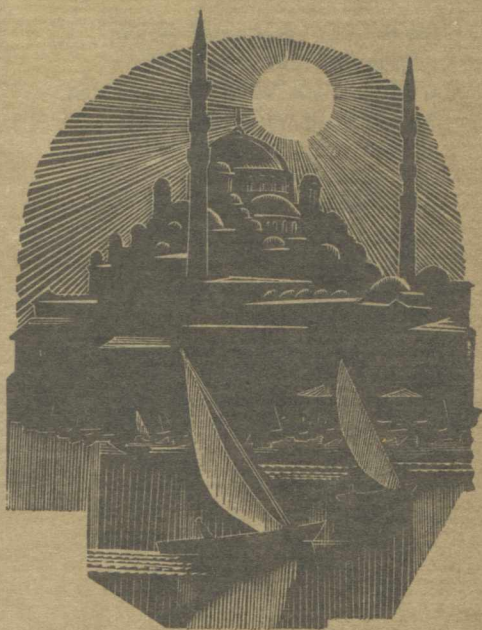
Он ушел к рыбакам соленым
И к выдавшим виды солдатам,
И сегодня среди девчонок
Он пирует запанибрата.

Во главе миллионных армий
Он поднимется только завтра.
Че Гевара ушел недаром
К тем, кто рубит тростник на сафре.

К тем, кто водит машины с востром,
К остроловам — лихим шоферам.
Где-то есть на земле бессмертье —
Че Гевара уходит в горы...

Меня раздумья одолели,
Как будто старость старика:
Одни, одетые в шинели,
Идут ко мне издалека,
Другие, близкие, как тучи,
Как облака, ползут на лоб,
Темны, светлы, тяжки, летучи,
Неся прохладу и потоп.
Хлебаю щи — они клубятся
Над мискою, как синий пар.
И, с ложки капая, дробятся,
Как звезды медные, в навар.
Хожу в раадумьях, как в одеждах,
Мне трудно в них, без них нельзя.
Я с ними злой, угрюмый, нежный
Стал
И придирчивый к друзьям.
Я не могу без них и с ними...
Вот день ступает за межу.
Встаю с раздумьями своими
И на дорогу выхожу...

Были годы юны, были рыжи,
Бегали по лужам босиком.
Я из них, как из пеленок, вышел,
Вырос бородатым мужиком.
Ликовал над горсткою махорки.
Над краюшкой хлеба и костром.
Были годы трудны, люты, горьки,
Порохом продуты и огнем.
Стал я стар и, как мальчишка, ясен
И доверчив. Видно, те года
Одарили верой, и не к счастью,
И уже, как видно, навсегда.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Что происходит в этом мире?
Гремит скрежещет и трещит
Мир, пойманный в ночном эфире
И нами поднятый на щит.
Сшибаются походных раций
И мощных станций голоса.
Поди попробуй разобраться
Во всем как есть за полчаса.
Что в этом мире! Ты им пойман,
Прикован к грохоту земли.
А на реке в туманной пойме
Трубят негромко журавли.
Неслышно рыбы бьют хвостами
Луну на глади сонных вод.
А на бугре, за тополями,
Беззвучно в трубку рожь идет.
Кузнечики чеканят росы.
Петух пропел и смолк в селе...
Ответь попробуй на вопросы,
Что происходит на земле.

Всю жизнь куда-то далеко спеша,
Я близкого чего-то стал бояться.
Вдруг оказалось — у меня душа,
И с нею надо, видимо, считаться.

Она не то что вымысел какой
Пиитов девятнадцатого века, —
Душа болит! Что делать мне с душой?
Неправда! Ей что делать с человеком?

Что делать ей, мифической, со мной?
Я семьдесят четыре килограмма,
Член профсоюза. Праведник земной.
А лгу и трушу только в крайнем самом.

Но взбунтовалась бедная душа,
Та самая, что еле-еле в теле,
И двинулась, все ложное круша,
Ко мне. Она другой не знает цели.

Меня она за шиворот взяла,
Тряхнула и поставила на ноги.
«Иди, будь тверд, верши свои дела
И знай: горшки из глины лепят боги.

Ты — бог, ты добр, ты храбр, и я с тобой,
Лепи горшки. Не предавайся лени,
И принимай неотвратимый бой,
И подымай упавших с четверенек.

Бессмертна я...»
Я подчинился ей,
Она — душа.

Считаться с нею надо,
И забывать о бренности своей,
И, кроме жизни, не искать награды!..

ДВЕ ПРИТЧИ

1

Заведи себе врага,
Чтобы жить на всю железку,
Весело, рисково, резко,
В солнце, в дождик и в снега.
Враг да будет не дурак,
Умный, злой и беззаветный.
Каждый твой неверный шаг
Видит он и бьет за это.
Собран будь. Себя бойцом
Ощущай не понарошку.
Лучше водку пить с врагом,
Чем с глупцом копать картошку.
Заведи,
Чтоб знать с утра —
Враг не спит. Пора за дело.
День поднялся, как гора.
Бед полно на свете белом.
Поднимайся и иди,
Не ссылаясь на усталость.
Враг недаром бьет отстающих,
И врага ты заведи.
Ну, а я не завожу,
Я живу, а не играю.
У меня врагов хватает.
Если надо — одолжу!

2

Не имей сто рублей...
Славу богу не имеем.

Словно снега в Дагомее,
В дымной сутолоке дней
Не имеем ста рублей...
Рано утром бьют звонки.
Двери настежь. Ставим чайник.
Заходите, мужики.
Где вас черти укачали?
Если нам бы сто рублей,
Мы бы вас опохмелили...
День встает в красе и силе
Городов, лесов, полей.
Рыжий, взорванный ветрами,
Весь ломясь от новостей.
День с друзьями, как с дарами...
Не имей сто рублей...

Человеку очень много надо.
 Он не зверь, не птица, не комар.
 Но не меда и не шоколада.
 И не обуви пятнадцать пар.
 Почему бы это, отчего бы?
 Он умен, как дьявол, и хитер.
 Отдавал и шоколад и обувь.
 Плаху выбирал он и костер.
 Он да свет. На глиняной планете
 Больше ничего, пожалуй, нет.
 Хочет очень многого на свете
 Человек уже две тыщи лет.
 Он один да святотатства пламень
 Освещают путь в кромешной мгле
 Над материками и веками,
 На его единственной земле.

ВСТРЕЧА КОСМОНАВТОВ

Ю Быкову

Это было как-то в октябре.
На аэродром, где дождь и мгла,
Мы пришли на утренней заре,
Бросив все насущные дела.
Грохот государственных минут.
С неба резко сыплется эскорт.
Трап, как трон серебряный, везут,
Замер на земле аэропорт.
Пробегают холодок в душе
С бурей и восторгом пополам.
Как мальчишки, смотрят атташе
Суверенных стран, неблизких нам.
По дороге красной, по ковру,
Трое русских юношей идут,
В блеске заливающихся труб,
Под веселый пушечный салют.
Вспышки блицев с четырех сторон,
Строй министров. Флаги. Караул.
С тишиной и громом сопряжен,
Синие штыки в зенит плеснул.
Трое русских юношей идут
Беспечально к славе мировой.
Словно по дороге полевой,
Где хлеба да васильки цветут.
...В гуле, в тишине пройдут века.
Побывав в немыслимой дали.
Будут прилетать издалека,
Возвращаться с неба корабли.
Никаких оркестров в тех веках.

Точный график расписанья прост.
Только у вернувшихся в глазах
Блеск работы — свет далеких звезд.
Но хочу, чтоб там, в слепящей мгле,
Знали, звездный обретя венец.
Мы их здесь встречали, на земле,
Ревом пушек, грохотом сердец.

О, беспокойство вечное умов!
Закваска века.

Молодость вселенной.

Оно срывает крыши у домов
И разрушает каменные стены.
Никто его не может предсказать
Или загнать в бутылку, словно джинна.
Вот начал мальчуган соображать,
Мыслишки бродят в голове невинной.
Расчеты на тетрадном листке
И формула — и представление света.
Все, оказалось, было на песке
И рухнуло — и нет авторитетов,
Как будто бы в кино или в раю.
Держи карман, как говорится, шире.
Я сам не верю в сказочку свою,
Но все ж брожение происходит в мире.
И на дрожжах его восходит день.
Идет умов гигантская работа,
Великое сражение идей.
Мир озаряют светом капли пота.

ПИЛОТЫ

I

За городом, у кромки леса,
Где лег на землю небосвод,
Как юный двигатель прогресса
Гремит в грома Аэрофлот.
О нем кричат и днем и ночью
Реклам цветастые щиты:
За два часа ты будешь в Сочи,
За пять достигнешь ты Читы.
А что в Чите, а что в Чите там?
Рай для души, и в нем своя
Кричит реклама на щите там,
Зовет в далекие края.
Все граждане сорвались с места,
Летят незнаемо куда.
Аэрофлот, дитя прогресса,
Для них к услугам завсегда.
С утра до самой ночи поздней
К земле бетонной и с земли
Срываются со свистом звезды,
Летят, садятся корабли.
Аэрофлот всю хлопочет,
Грохочет — господи прости!
Снег Воркуты и пальмы Сочи
Зажаты у него в горсти.
А от него на всех широтах
По матушке-земле самой
Идут усталые пилоты,
Пешком торопятся домой.

Когда пилоты на аэродромах
 Играют в карты или в домино,
 Наш тесный мир становится огромным,
 Таким, каким он был давным-давно.
 Еще до появления скоростей,
 Магнитофонов, субмарин, гудрона,
 Еще до проштампованных страстей
 И массовых психозов миллионов.
 Стучат костяшки. Партия «козла».
 И с каждым сокрушительным ударом
 Уходят вдаль, и их скрывает мгла —
 Материки всего земного шара.
 Рукой подать! Рука сжимает кость.
 И надо на почтовом до Парижа.
 А кость уже вколочена, как гвоздь,
 Прощай, Париж, тебя я не увижу.
 Растет окурков дымная гора.
 Воротнички распахнуты и души.
 Далекая придвинулась пора,
 Распался мир на хляби и на суши.
 Скликайте в мире вымерших коней,
 Седлайте их, впрягайте в дилижансы,
 И за столом у молодых парней
 На выигрыш приумножайте шансы.
 Ищите на толкучках паруса.
 Стучат костяшки звонко, как копыта.
 Который час? А может, на часах
 Века сгорают, как метеориты.
 Пилоты забивают в домино.
 Отменено пять тысяч совещаний.
 Пять караулов спать ушли давно
 В столицах стран, затерянных в тумане.

А у ребят хорошая игра.
Они вошли во вкус своей работы.
Такая в мире настает пора,
Когда играют в домино пилоты.

Мы, дети природы, забыли природу.
 Она нам не враг и не друг.
 На лоне ее не бываем по году.
 А годы — костры на ветру.
 Ревут города — нам в притихшие души
 Неоном, бетоном, стеклом.
 Ракетные скорости кровь нашу сушат,
 И мы забываем о том,
 Что где-то на сине-зеленой опушке
 Стоят неподвижно дубы.
 Там дрема ромашки, там слезы кукушки
 И вздох журавлиной трубы.
 Там ивовый прутик, как радуга, гнется
 С цветной стрекозой на спине.
 И кольца судьбы в деревянном колодце
 Негромко звенят в глубине.
 Там пахнет полынью медово и горько
 От пыльной и теплой земли.
 И солнце встает за ближайшим пригорком
 А не в космодромной дали.
 Там вечностью веет от крыл комариных,
 От ветра мгновенного смол,
 От шлепанья на землю спелой малины
 И тихого рвения пчел.

Поезд пригородной зоны
 В лес поехал, как этаж
 Новостройки освещенной.
 Снег летит на лес и пляж.
 Никого на дачах нету,
 Тишина звенит в ушах.
 Эта белая планета
 В двух от города шагах.
 В трех от грохота минутах.
 Ничего не узнаю —
 Все белым-бело, как будто
 Я у света на краю.
 Замело сыпучим снегом,
 Ветром дунув, унесло
 Все, что здесь под синим небом
 Летом пело и цвело,
 Радиолами гремело
 У веселых теремов.
 Снег летит спокойный, белый,
 Как забвение само.
 Вот оно какого цвета.
 Край какой? Который век?
 Ничего на свете нету,
 Только белый, белый снег.

И я когда-нибудь, однажды,
 Вдруг уподобясь кораблю.
 Земли космическую жажду,
 Как из стакана, утолю.
 Уйдут серебряные рощи,
 Дороги, реки, города.
 Как на стекле морозном росчерк,
 Мой след истаёт без следа.
 Открыта сторона любая
 Сиянью жесткому огней,
 Земля печально-голубая,
 И небо черное над ней.
 Края безмолвия и мрака.
 И только слышно в вышине,
 Как лает на земле собака
 Далеко где-то при луне.
 И дождь стучит по ржавым листьям
 Цветов железных, словно гвоздь,
 Там, где солдатским обелиском
 Белеет в мгле земная ось.

А с вами не бывает так?
 По вечерам, перед закатом,
 Ты застываешь просто так,
 Не грустью — мыслью вдруг объятый.
 Здесь край земли. Вот край зари.
 Рукою можно дотянуться,
 Как сигарету прикурить,
 Как шаг шагнуть — и не вернуться.
 Лес да заря. А за спиной
 Все, что словами не опишешь, —
 Дорог тяжелый гром земной
 И городов несчетных крыши.
 Все позади. А здесь вот край.
 Край неба, леса край и поля.
 Оглядывайся. Выбирай.
 Но ничего не будет боле
 Новей того, что позади.
 А хочешь, все начни сначала,
 Пока не встанет впереди
 Край неба алый...

* * *

**Небо лесом огорожено,
Поле полито луной.
Чуть звенит
 в простор заброшенный
Звездный ковшик ледяной.**

**И ни шороха, ни замети —
Вот он белый-белый свет,
Нарисованный по памяти
Через много-много лет.**

**Был таким, таким останется —
Лучше нет и не найти.**

**Может быть, пойти на станцию
И уехать. И сойти...**

Леониду Мартынову

Говорил мне старый поэт,
Что он едет туда на лето,
Где ледник свой оставил след
И теперь давно его нету.

Есть там тихий лесной сельсовет,
Валуны на полях валяются;
Что там есть и чего там нет,
То найти он там попытается.

Должен там остаться след
Наших предков эпохи каменной.
Не горшки, не землянки. Нет!
След души их живой и пламенной.

Говорил это старый поэт,
Говорил и хитро поглядывал,
Что скажу я ему в ответ
И пойму ли это как надобно.

Я представил себе сельсовет,
Тихий, временем позабытый.
И как ищет старый поэт
След искусства палеолита.

Петухи в деревне кричат,
Валуны от росы намокли,
Вот идет он, палкой стуча,
По полям с голубым биноклем.

Слышен мамонтов грустный рык,
Горы льда в небесах, как кровля.
Наступает на мир ледник.
Гасит пламя костров в становище.

Но упрямо на валуне
Углем, глиной красной на плитах
Спорит с временем при луне
Человек из палеолита.

В бороде его тает лед,
С голодухи гнутся колени,
Но рубилом он создает
Образ девы и образ оленя.

Стаи птиц несутся на юг,
Как сухие листья по свету,
И резец кремневый из рук
Человек отдает поэту.

В небе белый ракетный след
Над лесным сельсоветом новым.
И стоит там старый поэт,
А в ладони резец кремневый...

Перед друзьями и врагами
В часы торжеств и бед своих
Мы говорим, что Ленин с нами,
Что он живее всех живых.

История пути итожит.
Все шире наш державный шаг.
И даже враг сказать не может,
Что Ленин умер. Даже враг

Хотел бы, но сказать не может,
Когда на всех материках
Его и день и ночь тревожит
Пред Лениным бессмертным страх.

Январским днем, зимой далекой.
Когда метель всю мела,
Нам Ленин передал до срока
Свои заботы и дела.

Под этим синим небосводом
С необозримой широтой
Он стал страной и стал народом.
Его терпеньем и мечтой.

Дожди и солнце, свет и тени,
И ветры века бьют о грудь.
Страна огромная, как Ленин,
Земле прокладывает путь.

ЛАСТОЧКА В МАХАЧКАЛА

Ласточка в Махачкала,
В здании аэродрома,
Средь стекла, бетона, грома
Для птенцов гнездо вила.

В зал влетала, как стрела.
В клюве приносила глину
И гнездо вила, вила
Со сноровкою старинной.

Строила под потолком.
Над людьми, над их заботой
Для птенцов надежный дом —
Делала свою работу.

Зря турбинами рычал
Реактивный век двадцатый:
В нем не гаснул, как свеча.
Этот огонек крылатый.

В царстве стали и стекла
Глины расцветал комочек,
Жил —
Его лепила прочно
Ласточка в Махачкала.

Сто лет прошло всего, а не века
 С тех пор, когда впервые прозвучала
 Мелодия и первая строка
 Призывная
 «Интернационала»,
 Версальцев завершающий удар —
 Коммуна пала. И уже в подполье
 Запел ее безвестный коммунар
 С надеждой, с гневом.
 С верою и болью.
 На свете нет другой еще такой
 Мелодии, воспрянул бы с которой
 Для мира и для счастья род людской
 В семье единой на земных просторах.
 Без дирижера и без запевал —
 Не потому, что так уж голосисты —
 Партийный гимн «Интернационал»
 Поют на белом свете коммунисты.
 От жарких джунглей
 До полярных гор,
 Под небесами всеми на планете
 Поют, когда закончен разговор
 И надо встать за новый день в ответе.
 Когда настало время выступать
 В поход под пули вражеские где-то,
 Когда настало время поднимать
 Строительства, плотины и ракеты.
 Слыхали гимн гроза и тишина,
 Дворцов высоких белые палаты.

Цеха заводов, избы в три окна.
Застенки и глухие казематы.
Когда в Москве, в Кремле,
Поднявшись с мест,
Плечом к плечу,
Как бы в строю идущем
Партийный гимн поет партийный съезд.
Я думаю о времени грядущем.
Оно придет не с высоты небес.
Оно придет как наших дней наследье.
Строку из гимна ту, что «это есть...»
Споют однажды: «Это был последний».

ТВОЯ СУДЬБА

Какие будут времена?
Пройдут и канут наши годы.
Но ты останешься, страна,
Как откровение народа.
Какие там взойдут хлеба?
Какие выстроят строенья?
Но будет в них твоя судьба
Судом всего и озареньем.
Какою мерою еще
Придут события и числа?
Но солнце над твоим плечом
Пребудет золотым и чистым.
Да, было так, что клином свет.
А как там быть могло иначе?
Не перестать дорог и лет,
Ни слова не переиначить.
Но есть один завет, зарок.
Закон — как их не обозначьте
Смотреть вперед и думать впрок
О будущем, а не иначе.
И опыт нажитый беречь.
Весь, до былинки, до крупинцы...
Все чутче вслушиваюсь в речь.
Все четче вглядываюсь в лица.

Все предвещает в мире перемены:
Скворец на ветке, радуга в полях,
И жемчуга на ниточке антенны,
И окна неба в синих облаках.
Все в мире предвещает перемены:
Росток зерна, пробивший пласт земли,
Далекий ливень, лебедь в хлопьях пены,
Трубящие тревогу журавли.
Рев олених на тундровых угодьях,
И в устьях рек кипящий ход кеты,
И солнца с неба кинутые сходни
На синих плесах в зарослях тресты.
И спящих женщин жаркие колени
Полны предвестьем дрожи перемен,
Рожденья жизни, завязи цветенья,
Бессмертного в пожаре тока вея.
Все ожиданьем перемен чревато,
Чревато, даже если не полно.
Леса, поля, рассветы и закаты,
Высь поднебесья и морское дно.
Пусть кто-то по иным приметам судит,
По звону стали и счетам измен,
И думает, что никогда не будет
На всей земле счастливых перемен.

Что в мире слаще истин прописных?
Вы приглядитесь, убедитесь сами,
Как их жуют, разжевывают их,
Аж треск стоит по свету за ушами.
Я тоже от других не отстаю,
Как булочку поджаристую с хрустом
Разламываю, в рот сую, жую.
А вкусно ли? Да, чтоб ей было пусто, —
Преснятина. А в чем же соль была?
Известно всем, что дважды два — четыре,
Но первому, кто это вывел в мире,
Какая радость разум обожгла?!
Ее встречали не в колокола.
Вы вспомните хотя бы про картошку:
Губернии пороли в шомпола,
Но все-таки внедрили понемножку.
Живем не тужим, истины жуем.
Но чтобы соль не пропадала в мире,
Тут надо хоть однажды на своем
Встать, настоять, что дважды два — четыре...

Кто же не знает и кто не видал:
С крыльями мальчик, стрела и лук,
Выстрелил — в чье-то сердце попал,
Сердце любовь озаряет вдруг.

Старая сказка у новых рек.
Только и ныне она близка,
В атомный грозный двадцатый век
Легкой стрелою вошла строка.

Нет в ней ни звона, ни грома нет.
Шорох березы, тишь ивняка,
Но посильнее стальных ракет
Эта есенинская строка.

Над опереньем ее золотым
Ни радиаций, ни пламени нет,
Только один тополиный дым,
Только рябины багряный свет.

Только надежда, радость и грусть —
То, чем на свете жив человек,
Только Россия, Родина, Русь,
Ранен стрелою двадцатый век.

Кто же не знает и кто не видал:
С крыльями мальчик, стрела и лук,
Выстрелил — в чье-то сердце попал,
Сердце любовь озаряет вдруг.

В книгу судеб не внесена,
 Летописцами не отмечена
 Мать, невеста или жена,
 А в сказаньях и песнях — женщина.
 Бьют ее за то, что мягка.
 Что добра, что глаза как блюдца,
 Но она одна на века
 Государства и революции.
 Не звезда горит, не свеча —
 Очи вздрагивают, опущены.
 И младенец спит у плеча —
 Мать Ульянова, няня Пушкина.
 Как рука с ним сопряжена,
 Нет на свете дороже бремени,
 Вот несет его в мир она
 В бури века и грозы времени.
 Страху нет и безверья нет,
 Проливается сквозь метели
 Милосердия горний свет
 Над землей, как над колыбелью.

ИКАР И ДЕДАЛ

Это было, считают,
Еще до Христова рождения даже.
С ног сшибая щитами,
Пробилась к упавшему стража.
Там, где люди в карьерах
Валились и мерли, как падаль,
Где никто еще с верой
В свободу не падал.
Распластались рабы на камнях
Со страху сначала,
Когда в небе весеннем
Икар появился с Дедалом.
Молодой появился Икар
И крылатый.
Солнца бронзовый шар
Головой закрывая кудлатой.
Всем лежащим у скал,
Как сардины на блюде,
Сверху он прокричал —
Встаньте, люди!
Но крыло подвернулось
Под солнечным бризом,
Но земля покачнулась
И ринулась снизу.
Кровь смешалась с песком,
Закружились какие-то перья
Он был всем им знаком,
Каждый в крылья поверил.

Не египетский бог возле скал
На земле распроклятой,
Раб. Фракиец. Икар
Умирал человеком крылатым.
Мысль пронзила навек
Даже ту оробевшую стражу.
— Сможет все человек,
Став крылатым однажды... —
А Дедал?
Что Дедал?
Улетел. О Дедале забыли:
Ведь никто не видал,
Да, никто не видал
Его крылья...

* * *

Доколе терпеть сии муки?
До самые смерти, Марковна.
Ино побредем еще...

Протопоп Аввакум

Ах, этот протопоп опальный,
Фанатик, еретик, крикун,
Известный на Руси скандально, —
Ну да, конечно, Аввакум.
Чего достиг он обличеньем
И потрясением основ,
Путем бессмысленных речений
При помощи никчемных слов?
И нищ и наг, гоним по свету,
Взывая к совести, ну в ком
Он пробудил ее при этом
У тех, кто был его врагом?
И кто раскаивался в мерзкой
Лжи? Ну хотя б на краткий миг,
Когда он в яме в Пустозерске
Костью костил земных владык.
И нет иных, и те далече.
Но что бы стало, если б вдруг
Они его прониклись речью
И все покаялись вокруг?
Случись такое, словно в сказке,
В какой лишь правда и права,
Давно пропали б без огласки,
Как без нужды его слова.
А так из уст в уста и книги
Все будут, ложь пока жива,
Грохочущие, как вериги,
Звучать скандальные слова.

И даже эти с тихой болью,
Но несравнимые ни с чем
— Терпеть мучения доколе?
— И — ино побредем еще...

САРЬЯН

Не о чужих заморских странах,
Им всем привет, всем исполать!
Я об Армении Сарьяна.
Где мне случилось побывать.
Там в деревянном мезонине
Сидит седой старик в углу,
Стоит картина на картине,
Лежат картины на полу.
Пчела по комнате летает,
Слегка кружится голова,
То красная, то золотая
Земля, и синь, и синева.
И я меж них, как бы по тропке,
На эти глядя чудеса,
Иду внимательно и робко,
Чтоб не сорваться в небеса.
В туманном граде Ленинграде.
Когда на выставках бывал.
Я, на его картины глядя,
Не очень краскам доверял.
И вдруг армянская столица
И за окошком Арарат.
В картину можно оступиться,
И будешь сам себе не рад.
Прощай, искусства и науки,
Меня сгубила бирюза...
Большие плотницкие руки.
Прямые цепкие глаза.
Что знал я раньше о Сарьяне?

Ко мне неторопливо встал,
Весь солнцем обожжен, крестьянин
Среди своих долин и скал.
И стало все легко и просто,
Здесь не библейские поля —
Его сады, озера, звезды.
Им сотворенная земля.
Трудился рук не покладая,
Был у него на это срок,
И так же в этот час, когда я
К нему переступил порог,
Уже уверен без опаски,
Что правда все, а не обман.
Как мир, в котором брал он краски,
Художник Мартирос Сарьян.

Памяти Ярослава Смелякова

О нем уже не скажут плохо.
Нельзя, обычай не велит.
Ушла, ну скажем не эпоха,
Им срок сегодня не велик.

А скажем проще — странствий муза
С кленовой дудкою в руке.
В казенном ватнике кургузом
И в новомодном пиджаке.

Ее запомнят и забудут
И вновь откроют, как звезду.
Она была собою всюду.
Хлебая славу и беду.

В ней жарко красный лозунг дышит
О пролетариях всех стран.
И нежный цвет забытых вишен
С нее слетал к ночным кострам.

И строки, словно из мороза
Из тающего серебра.
Звения ложатся, жгут, как слезы
Существования добра.

Ах, Ярослав Васильич, милый.
Товарищ, Яра, Ярослав!
На Новодевичьем могила
Уже травкою заросла.

А в достославном ЦеДееле
Дни календарные летят.
И там, где с вами мы сидели,
Иные гении шумят.

И так бывает станет тошно.
Что лишь один спасает вдруг
В грядущей дали невозможной
Твоей кленовой дудки звук...

Весь шар земной устал от той политики,
С которою в единый миг почти
Великие научные открытия
Его грозят на части разнести.

А пахарь пашет землю без политики.
И женщины рожают сыновей,
А вовсе не колесики и винтики
Для планов всех ее и всех затей.

Но вырастают сыновья в воителей,
И льется кровь на травы и на снег,
И добрый хлеб становится политикой.
Когда его хватает не для всех.

Но над земли релейными метелями
Сквозь гром и лязг, наперекор судьбе.
Летит под вечер песня колыбельная
Не дальше окон в рубленой избе.

Вчера, сегодня, словно в дни былинные
И в дни предчувствий атомных тревог
Бесхитростная, тихая, недлинная.
Коротенькая — на один глазок.

Моря стихают голубыми взмахами,
Садится солнце красное в леса.
Над бурями, конфликтами и страхами
Плывет она, пронзая небеса.

За далями, морями океанами,
У атомных орудий и ракет,
Плывет над континентами и странами
Наперекор всему, всему в ответ.

Идея. Правда. Мысль или Мечта.
 Кто знает, как еще она зовется.
 Вокруг привычно жизни суета,
 Но вдруг она сама тебя коснется.
 Соседи спорят, радио кричит,
 Она пришла — и разом все забыто.
 Покоя нету от нее в ночи
 И нет пути среди дорог избитых.
 Тревогой грозной и тоской томим,
 О ней поведал вестник бородатый
 Взыскующим товарищам своим
 И захлебнулся донником и мятой.
 В каком году, в какой земле, когда?
 Кто был он, тот пастух, солдат, философ?
 Мелели реки, гибли города
 И шли стада по желтому откосу.
 А с ней потом, как с песней, на костер
 Входили люди и в огне молчали.
 И языками пламени костел
 Пылал над ними в каменной печали.
 А может быть, звенел кувшин вина,
 Смеялись синеглазые красотки,
 И музыкой, неожиданна и хмельна.
 Она пришла случайно, как находка.
 О ней писали золотым пером,
 О ней молчали, отыскав в анналах,
 И злобно вырубали топором,
 И на заре о ней труба кричала.

Как юн и крепок этот вечный хмель —
Он сушит в жилах кровь, как будто ветер.
С ним нелегко. С ним даже дальше цель.
Но без него и счастья нет на свете.

Не в предвкушении удачи,
 Не в ожидании беды,
 Спал город, пригороды, дачи
 И лесопарки и сады.
 Всю ночь летали самолеты,
 Всю ночь за лесом и бугром
 Кипела в небесах работа,
 Ворочался аэродром.
 Там боинги и каравеллы
 И всех систем Аэрофлот
 Вытряхивали то и дело
 По трапам на землю народ.
 Мы нынче наспех сняли дачу
 И на сезон весь, как на грех,
 Наш дом был, видно, обозначен
 На картах штурманских на всех.
 Над ним ревели все широты
 Земного шарика всего,
 Шли на посадку самолеты
 Над крышей дома моего.
 Мне не спалось. Не взял я книжек,
 И я маршруты изучал
 Каира, Токио, Парижа
 По их прилету по ночам.
 И забывал под этот грохот,
 Почти что тридцать лет спустя,
 Как «мессеры» твои, эпоха,
 И «юнкеры» твои свистят.

Мне грустно. Я мера у костров без обиды
 И верил — недаром копчу это небо.
 И счастлив лишь тем, что я видывал виды,
 И сыт не единым, как водится, хлебом.
 Мне грустно. Но вновь не дано повториться
 В сверкающем мире, что будет вовеки,
 Ни плеском ребенка над синим корытцем.
 Ни всплеском весла, полюбившего реки.
 Не будет прозрачного утра в печали
 И в радости, или в тревоге и грусти.
 Уходят деревья в бескрайние дали,
 Река уплывает в нездешнее устье.
 Под облаком птица летит в беспредельность
 И камень-валун в придорожной канаве
 Плышет неподвижно в иной понедельник,
 В иное столетье, без всяких заглавий.
 Мне грустно, но черное спаяно с белым
 И левое с правым, и мир симметричен.
 И нету у жизни и смерти предела,
 А времени ветер не знает различий.
 Метет он незримый, но видимый взору,
 Срываюся звезды, восходят растенья.
 Метет, а в какие там дали, просторы. —
 Ни звука оттуда, ни эха, ни тени...

Что есть и мудрее и проще, —
 Не в шутку твержу, а всерьез,
 Чем та подмосковная роща,
 Семейство осин и берез,
 Где я через пень да колоду
 По тропке забытой брожу,
 Рассвета холодную воду
 Сквозь шум электрички цежу.
 Разбужены вести до срока
 И свежие новости те,
 Что срочно приносит сорока
 Кому-то на длинном хвосте.
 С годами ясней замечаешь —
 Не только из книг и газет —
 О том, что на свете, узнаешь.
 Не так уж он мал белый свет.
 О чем замолчали березы?
 И что знаменует она,
 На небе встающая грозно,
 Как зарево в роще, луна?..

Живет посредине столицы
В воскресный и праздничный день,
Как будто в светлице жар-птица,
Музыка моих деревень.
Мехи золотые и планки,
Малиновый звон и огонь
Гармошка, гармонья, тальянка,
Живет на асфальте гармонь.
И сыплет, как ветер, частушки.
Как новенькие пяточки.
И в мини-юбочках девчушки
Ломают свои каблучки.
Идут безоглядно вприсядку,
Плечами и грудью трясут,
Как будто кирпичную кладку
На стройке какой-то ведут.
В крови это, видно, у наших.
И что там, откуда взялось?
Уж пляшут — так, стало быть, пляшут,
Размах и веселая злость,
Слова озорные без точек,
Все полностью в каждой строке.
Над лицами белый платочек,
Как птица, порхает в руке.
И вроде бы все горожане,
Но, свой не скрывая исход,
У новеньких каменных зданий
Гармошка в столице поет.

Романтики двадцатого столетья,
Не на бортах крылатых каравелл,
Не на коне с клинком, где гром и ветер,
А в нашем дне за этот день в ответе,
Завиден и прекрасен ваш удел.
Во имя правды не страшась обиды,
Не думая о славе и чинах
Вы от Тавриды и до Антарктиды
Повсюду на нетореных путях.
За формулами вашего расчета.
Бессонными ночами рождена,
Звенит дорога звездного полета
Могучим ревом дюз потрясена.
Где ложь, прикрывшись фразой демагога
Грозится: не сносить вам головы.
Прокладывая истине дорогу,
Не дрогнете, не покачнетесь вы.
Романтики двадцатого столетья,
Я душу грел у вашего огня,
И не было отраднее на свете,
Чем этот жаркий трудный пламень дня.

Узнал я, право где и лево,
Где бог, а также где порог.
И цену пороху и хлебу
Давно усвоил назубок.

Но не пошла мне впрок наука
И грустный не помог урок,
Я принимал врага за друга
И ошибался сколько мог.

Ни перед кем не виноватый.
Не сват кому-то и не брат.
С корявым рылом бородатый
Опять в калашный лезу ряд.

Зачем? Не знаю сам ответа.
Иду потрепан, бит и мят.
Такая выпала планета.
А ей ведь в зубы не глядят.

Поезда уходят в лето,
Покидая города.
Вот и я возьму уеду,
Сам не ведая куда.

Белый свет и полдень белый,
Из окошка борода,
И кому какое дело,
Я откуда и куда.

Как пластинка патефона
За окном кружит земля,
Луг в цветочках, лес зеленый,
В рыжем золоте поля.

Ближний край назад стремится,
Дальний край вперед плывет.
Солнце светит, дождь струится,
День за ночью настает.

Люди входят и выходят,
Появляются в пути —
Рассуждают о погоде,
Просят чаю принести.

Чай качается в стакане,
Сигарета в кулаке.
Никому мое молчанье
Не мешает в сутолке.

Никому. И слава богу.
Едут все, и едешь ты,
И грохочет путь-дорога
От версты и до версты.

Бушует в душном городе жара.
 Асфальт размяк, как под дождями глина.
 Застряли где-то тучи и ветра,
 Струится солнце в три ручья по спинам.
 А на углу, как митинг в грозный час,
 Собрал народ в стремлении едином.
 В железной бочке на колесах квас
 В день врезался, как древняя былина.
 Он спорит с солнцем, с городом, с жарой,
 Он обещает и дает спасенье.
 Вы только станьте в очередь, как в строй.
 Возьмите кружку, приготовьте деньги.
 За три копейки, цвета янтаря,
 В стекле туманном плещется прохлада.
 От старца до мальчишки-пузыря
 Полезна всем и всякому отрадна.
 В ней дух земли, познавшей обмолот.
 В ней сила предков, основавших веси
 И города и храмы от щедрот,
 А квас — ее посол и провозвестник.
 Бренчу монетой. В очередь встаю.
 Изнемогая, к бочке подвигаюсь
 И подставляю кружку под струю,
 Губами края потного касаюсь.
 Пью квас. Его потомки будут пить
 И вспоминать, что в землях дедичь, отчичь
 Богатыри имели место быть,
 Богатыри они, уж это точно.

Что жили мы под солнышком не зря.
С войной боролись, штурмовали звезды,
Как дети, всюду строили моря
И пили квас из бочки на колесах...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПУШКИНА

В Михайловском гремело лето
Во все свои колокола.
И птичьи пеня — хором с веток,
И в небе — волнами тепла.
Лесов возвышенные кущи
Купались в солнце и ветрах.
Был настужь день открыт, как Пушкин
Перед Россией на горах.
С утра к нему по доброй воле
Летели через всю страну.
И просто, как на богомолье,
Пешком шагали в старину.
Я вновь узнал тебя, Россия, —
У тихой Сороти-реки
В глазах негаснущею синью
Твои светились васильки.
Твои обветренные лица
Цвели крестьянской добротой —
В платочках праздничных из ситца
С застенчивою простотой.
И как на ярмарке гармонии
Среди транзисторов редки,
Как средь машин лихие кони
Здесь становились на дыбки.
А люди шли и шли без счета,
Ревело от машин шоссе.
И радуга в свои ворота
Впустить не успевала всех.
И я, в густой толпе затерян,

Как в сказке мед и пиво пил,
Глядел, своим глазам не веря.
И веселился, и грустил.
Мне здесь на дружеской пирушке
Народ в тот день постичь помог,
Как Александр Сергееч Пушкин
Был в краткой жизни одинок...

Весенняя трава права.
Она встает над прошлогодней
Травой без тени торжества,
Но только выше и свободней.

Над ней восходит ток жары,
В звон колокольчиков чуть слышный,
И одуванчиков шары,
Как облачка, стоят недвижно.

Она глядит во все глаза
Раскрытых незабудок синих,
В распахнутые небеса,
Купая корни в рыжей глине.

И им, и ей настанет срок.
Но в солнце дня и утра стыни
Ее не тяготит урок
И не страшит небес пустыня.

В КВАРТИРЕ ЛЕНИНА

Четырехногий, плоскостопый.
Квадратный, спрятавший углы.
Стол неопровержим, как опыт,
Как столп. Есть разные столы.
К одним садятся, придвигаясь.
Как будто к краю пирога,
Себе локтями помогая,
К другим — как к черту на рога.
Стол может буйством обернуться
Или лирической строкой.
Над ним склоняются и гнутся
И заслоняются рукой...
Нет проще и святее — с хлебом
Стола из всех...
Я был бы прав,
Когда б не видел стол — как небо,
Звнящее от звезд да трав.
Какой он, я и не заметил.
Увидел я, не что на нем,
Не на столе — на белом свете
Вершилось, зрело, жгло огнем.
На нем разворачивалась буря
В масштабной сетке без прикрас.
И глаз глядел, знакомо щурясь
Над нею, глаз — как ватерпас.
Чтоб завтра, через год, в столетьях
Отпало, врезалось, легло,
Раскрылось не в отцах, так в детях —
Величественно и светло.

Мы за все заплатили сами,
Нас не может задеть хула.
Кто посмеет в нас кинуть камень.
В наши помыслы и дела?

Кто решится, нам глядя в лица.
Пережитое отместить,
В справедливости усомниться
Нами избранного пути?

Должен мерить он той же мерой.
Все изведать, что мы, сполна,
Верить сердцем такой же верой.
Что на свете, как мы, сильна.

•

Было — нами страны пугали.
Чтоб на милость страны сдались.
Было — плетью, подкупом, сталью
Всю Европу подмял фашизм.

Но в шинелях серых — не в латах.
Обгоревшие дочерна.
Мы вошли в Берлин в сорок пятом
И в Европу пришла весна.

Мир навеки запомнил — было!
Не к солдатам из-за морей,
К нам Европа в слезах валила
Из фашистских концлагерей.

К запыленным, святым и грозным,
Неужели тот год забыт?
И с пилоток солдатских звезды
У себя она не хранит?

•

Революция, мы — твой праздник.
Твой высокий, твой горний свет.
Сколько нас, считаешь разве,
Есть и было в просторах лет!

Наших душ бескорыстных пламя —
То, чем ты на земле сильна,
Чем была ты и стала с нами.
И еще, чем ты стать должна.

Мы — рожденья твои и утраты,
Мы — твой труд и твой смертный бой.
Вечный сев твой и твоя жатва.
Лозунг всенепременный твой!

И недаром, как в озаренье.
Даль годов прищуром разя.
Смотрит, вглядывается Ленин
В наши лица, в наши глаза.

Это он глядит в революцию
Сквозь года, огни и дымы.
Ясноглазые, разнолицые,
Революция — это мы.

•

Время — Волга, время — вода.
Надо пристально оглянуться.

Ленин был один революцией —
Только в юности, в день, когда
Там, над Волгой, подумал Ленин:
«Мы пойдем по пути иному!»
Стыли дали, чреваты громом.
Это было его решение.
Это было ее решение.
Был один революцией — Ленин.

•

Мы создали свои реликвии.
Начертали свои скрижали.
Безымянные и великие,
Над веками мы сами встали.

В бескозырках матросских черных
Моряки с корабля «Аврора»,
Грудь — крест-накрест в лентах патронных,
Совесьь Балтики революционной.

Кумачом рукав опоясав,
Штык винтовочный в небо врезав,
Мы с «Путилова» и с «Айваза» —
Революции строй железный.

И глаза под алой косынкой
Поднимая к людям, как звезды.
Мы с полками шли по России
Комиссарами в злую роздымь.

•

Революция — это грозный
Голос тех, кто молчал веками.
Революция — с неба звезды
Обжигающимися руками.

Революция — это право
Невозможного быть возможным.
Революция — это правда,
Торжествующая над ложью.

■

И мальчишки над калшкой гнутся.
Чертят контуры циклотронов.
Это тоже ты, революция,
С ними рядом корпишь влюбленно.

И кидаешься с ходу в споры.
И взрываешься, словно порох,
И стоишь на своем упорно
С чистотой пионерского горна.

А потом в электричках тесных,
Вырываясь к лесам зеленым,
Ты поешь вместе с ними песни
И раскачиваешь вагоны.

•

Все, оказывается, проще,
Чем рассчитывало человечество.
Над Землею спутников росчерк,
На Венере наш герб Отечества.

Нам казалось, чтоб их дождаться.
Надо людям века — вчера еще.
Но мечта о всемирном братстве
Грандиозней чудес сверкающих.

Все трудней оказалось.
Не нам ли
В девятнадцатом, в ливнях света,
В буре, виделся за холмами
Коммунизм уже рядом где-то.

Но измерены не годами
Наши взлеты и наши утраты.
Мы за все заплатили сами.
С нас потомки не спросят платы.

И уже по белому свету
Льется свет наших дел и будней.
И на всех языках планеты
Стали песнями наши судьбы.

Мы не веруем в легкое счастье,
В без забот и печалей житье,
И на празднике нашей власти
Мы не гости, а суть ее.

Мы — загадка, враги которую
Собирались не раз разгадать.
Сколько их на свалке истории
Дотлевают — не сосчитать.

Нас хулили они за терпение
И хвалили за доброту.
Не понять Россию без Ленина,
Сложность всю и всю простоту.

Ленин был настоящим русским,
Он был всюду собой самим, —
Был, когда за Саяны услан
И когда возглавлял Совмин.

Хлеб всегда остается хлебом.
Небо всюду на свете — небо.
Он с рабочим рабочим не был
И с ученым ученым не был.

Он со всеми был только Ленин,
Просто обыкновенный гений.

Ленин — правда наша и сила
На планете нашей тернистой.
Без него не понять Россию,
И без нас его не осмыслить!

БАЛЛАДА О КОРАБЛЯХ

Мир открывали корабли. и будут вечно,
И даже от земли ядали,
в просторах млечных.

Вас на свете главное нету
Корабельщики —
Короли,
Безымянно ушедшие в Лету,
Открыватели всей земли.
Где-то звезды сварки на стапелях
Днем и ночью ладони мнут,
Режут сталь, как хирурги скальпелем,
И пневматикой грома шьют.
Это вы, сейчас засекреченные,
Корабельщики звездных трасс,
Корабли кроите отечеству,
Те, что скоро откроют Марс.
Был Колумб, как Гагарин, славен,
Но и там ни строки о вас.
Это вы ему мачту ставили,
Паруса кроили на глаз.
Это вы «Аврору» построили,
Ту, что знает весь мир сейчас.
Вы не боги и не герои,
Не цари, вы — рабочий класс.
Грудь свою подставляя молоту,
Вы клепали ее броню
Так, что искры взлетали золотом
К загорающемуся дню.

•

Корабельщики. Сталь. Лекала.
Стапель ставили, ну и ну!

А один с прищуром лукавым
Примерял под корабль страну.
Рыжий, пламенный, ясноглазый,
Примерял от трюмов до мачт,
От трущоб глухих непролазных
Да на взморье мраморных дач.
А Россия качалась тяжко,
Поднимая к небу борта.
И гудели дали протяжно,
И летела над ним высота.
И глядел он в нее, глядел он,
Улыбаясь глядел слегка.
Глаз прищуренный брал прицелом
Государства, троны, века...

*

Крейсер шел в столицу империи,
Занесенный над ней, как нож.
Шел — глубины Невы промерены.
Шел — по стали струился дождь.
Город царственный, грозный, каменный,
А Нева словно щель, — узка:
Плиты сдвинет — и хрустнет замертво
Сталь, как льдинка, на два куска.
Крейсер шел, расчехлив орудия,
Погасив огни на борту.
Комендоры его, как судьи,
Молча вглядывались в темноту.
Там, у крепости против Зимнего,
В фонаре стекло опустив,
Спичку к лампочке керосиновой
Подносили, зажав в горсти.
Спичка. В лампе фитиль. И с палубы
Грянет к Зимнему сноп огня,
И посыплется стекла, жалобой
На вощенный паркет звеня.

Будут мерой иной измеряны
Старый Запад, новый Восток...
Крейсер шел в столицу империи,
Как заря приходит в свой срок.

•

Шхуна «Гранма» — «Авроры» искорка,
Залетевшая за моря,
Я люблю тебя так же искренне,
Ты ведь тоже Земли заря.
Продолжается революция.
Кровь красна на белом песке.
Молча мальчики остаются
В прибрежном лежать леске.
Но уходят в горы, как в небо,
Ввысь оставшиеся в живых.
В целом мире вернее не было
Восхождения этого их.
Вот идут они вверх по осыпи,
За уступом берут уступ,
Поднимают Кубу под звезды,
Зажигают ее, как звезду.
Открывают ее, как Америку
Открывал Колумб для Земли...
И качается «Гранма» у берега,
Как великие все корабли.

•

Мир меняется, вместе с миром
Изменяются корабли.
Я не знаю, каким же был он,
Знаю, был он — Корабль Земли.
Снаряжало его отечество,
Протирало его огнем,
Примеряло не к веку — к вечности,
Проверяя свой век на нем.

Век громовый,
Наш век двадцатый,
Век, увенчанный не венком,
А багровым,
Белым, впечатанным
В солнце ядерное грибом.

Травы на космодроме завязывались,
Шел автобус по лужам синим,
Пахло вербами, глиной, праздником
На окраине степной России.
А кораблик качался хрупкий,
Как буюк в океане атомном.
Парень влез в него, как в скорлупку,
Улыбнулся веку двадцатому.
И взревели, ударив, дюзы,
И земля покачнулась странно..
И в одно мгновение узнана,
Видно, очень уж долгожданная,
Ввысь над веком во всей красе его —
Лживой, честной, малой, великой, —
Страх, и мглу, и тоску рассеивая,
Человека взошла улыбка.
Жарче черного смерти лика,
Ярче белого взрыва атомного —
Человеческая улыбка,
Вся надежда века двадцатого.

Ах, Земля, голубая, рыжая,
Вся в шпангоутах меридианов.
Сад роскошный. Пустыня выжженная.
Улей с медом. Плаха багряная.
Проливные твои веселья,
Вековые твои пожары.

И на Млечном Пути метельном
Льдисто вздрагивающие Стожары.
Через тысячу лет отыщут
Наши старые корабли,
Как челны, на которых вышли
Мы с Земли за предел Земли.
Что там будет с тобой? Не знаю.
Словно солнечный парус, Земля
Будет так же лететь, сквозная,
С человечеством у руля.
Через тысячу лет качнутся,
Ахнут, ворот одежд рванут.
Воздух времени революций,
Как озон, захмелев, хлебнут.
Над Землею живым реликтом,
Не померкшая, словно свет,
Потрясенно взойдет улыбка
Века нашего, наших лет.

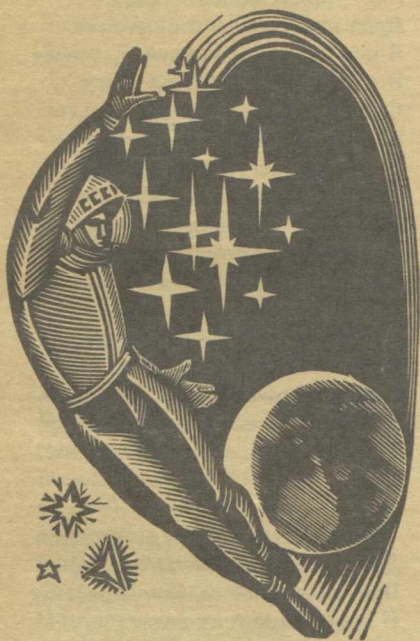
СЛОВО О ЦИОЛКОВСКОМ

И над Калугой светят звезды,
А век событиями богат:
Уж на шарах взлетают в воздух,
И где-то создан аппарат,
Который над землей с разбега
Взлетает сажен на пятьсот,
Как будто с крыльями телега,
А может быть, наоборот...
В четверг в Собрании дворянском
Для уважаемых господ
Доклад о звездах и пространстве
Учитель физики прочтет.
Идет Калуга в ногу с веком,
Гремя оркестром полковым,
Глядит в упор на человека,
Усевшись в кресле перед ним.
Который вроде бы помешан,
А вместе с тем как бы здоров.
Перед собраньем плеч и плешей
Он держит речь с шести часов:
«Я заявляю, господа,
Настанет время, несомненно, —
С земли межзвездные суда
Нас понесут во глубь вселенной.
Как в колыбели, человек
Рожден Землей, но, в самом деле,
Кто заявил, что он навек
Остаться должен в колыбели?»
Кто? Но молчат в собранье дамы,
А рядом с ними господа.

В них божества святое пламя
Давно погасло навсегда.
Для них давно все ясно, просто,
Привычками очерчен свет,
Не занимают их вопросы,
Ответа на какие нет...
Крылатку на плечи накинув.
Вниз по ступеням на крыльцо
Сбегает он, сутуля спину;
Там дождь и ветер бьют в лицо.
Один — и не в Калуге даже, —
Во всей вселенной одинок,
С тоской о звездах, словно с жаждой,
Уходит он, не чуя ног.
Вчера еще из глины создан,
Из мглы морей и света рек,
Уже тоскует в нем о звездах
Мятежный, гордый человек.
Он на кострах людского мненья
Сжигал не раз свои мечты,
И проклинал свой день рожденья,
И вновь отстраивал мосты,
И их раскидывал над веком
Для человечества всего...
Но как же трудно человеку,
Когда нет рядом никого!

•

Во всей вселенной петухи
Одни орут, как с перепугу.
Сады тихи, дома тихи,
Спит беспробудным сном Калуга.
А слух совсем пропал опять,
Как будто бы он слышит космос,
Где ничего не услышать,
Хотя бы там взрывались звезды...

И пламя лампы на столе.
Что было гребнем петушиным,
По линиям стекла во мгле
Поднялось золотым кувшином.
Стекло не выдержит сейчас,
Но Циолковский, сидя рядом,
С него не сводит строгих глаз;
Как с прилетевшего снаряда.
Пред ним снаряд, а не стекло,
В нем сталь, и не фитиль, а дюза.
И раскаленное сопло
Сейчас взорвет от перегруза.
Оно должно быть не прямым.
Воронкой, раструбом кончатся, —
Как это не понятно им!
Кому «им»? Есть лишь домочадцы.
Что рядом за стеною спят.
Калута есть, купцы, мещане.
И есть стекло, а не снаряд.
И топит он фитиль в молчанье,
И свой оглядывает мир.
Вернувшись из миров далеких, —
Как беден в нем он, глух, и сир.
И в помыслах смешон высоких.

На десять тысяч верст — Россия:
Деревни, реки и леса,
Пройди по ним сейчас, спроси их
И вслушайся в их голоса.
Смолчат или ответят сказкой,
А в ней звучит своя тоска —
Планеты, звезды, месяц ясный.
О, как дорога далека
От крыш соломенных, горбатых
До счастья просто, не до звезд.

Но где-то слышатся раскаты,
И зреют очертанья гроз,
И молнии в полнеба льются,
Ручьями пишут письма,
В эпоху войн и революций
Уже Земля увлечена.
А для него все это небыль;
Откуда знать ему во мгле,
Что к революции на небе
Лежит дорога по Земле!
Но все со временем решится.
Двух революций связан взмах:
Сначала на Земле свершится,
Чтобы свершиться в небесах.
Взаимосвязь для них — закон.
Не зря стремится к звездам гений.
И нужен будет небу он,
Как для земли стал нужен Ленин.
...Вселенная — глухое место,
Не докричишься, хоть ори.
И где есть кто-то — неизвестно.
И что там дальше — не смотри.
Дыра бездонная, сквозная,
Звезд раскаленные шары,
Переливаясь, не мигая,
Стоят без счета и поры.
Меж ними — голубой росинкой,
В метеоритных ливнях гроз,
Летит Земля своей тропинкой.
Морзит сквозь пламя и мороз.
Здесь чуда с неба ожидают,
Вадымая храмы, как персты,
Здесь на Луну собаки лают,
Здесь гасят на кострах мечты.
Но цифры пишет на бумаге.
Склонясь, не подымая век,

Брат Галилея, Тихо Браге,
И брат Ньютона — человек.
Еще непонятый, безвестный,
Упрямо строя к звездам мост
И слушая земные песни
Синиц, калиток и берез.
Не может разум согласиться
На одиночество Земли.
Не с неба ждать — к нему пробиться,
Не храмы строить — корабли.
Чтобы на дальние планеты
Ступить, свирепо веря в жизнь,
И прокричать, как в поле где-то:
«Эй, есть ли кто тут? Отзовись!»

С утра паял, лудил, слесарил,
Иных не ведая забот.
Достигли цены на базаре
Астрономических высот.
И словно бы над чудом века,
Над самоваром чьим-то, взлость,
Он размышлял Спинозой неким,
Когда явился странный гость.
Гость юн был и наивно мрачен,
Чтоб старше выглядеть, чем есть.
Он просьбой с ходу озадачил —
О звездах лекцию прочесть.
На фронт идет его бригада,
И, перед тем как выступать,
Бригаде непременно надо
Все о вселенной срочно знать.
Все! На его суконном шлеме
Плыла, багрова и горда,
Над звездами сияя всеми,
Пятиконечная звезда.

Она плыла, всех ярче, выше,
Над лбом в кудрях, как бы в венце,
И робкие глаза мальчишки
Цвели на каменном лице...
Зал встретил дымом, потом, гулом.
Поблескивает тускло сталь.
Седой, косматый и сутулый
Над залом Циолковский встал.
Поймут ли? Ну, а кто же боле
Поймет его! Костры паля,
В крови, в надежде, в муках, в боли
Рождалась новая земля.
И синими глазами юных
Сейчас глядела не она ль
В глаза ему! И над трибуной
Померкла близь, открылась даль.
В ней голос загорался, падал,
Взрывался гневом и парил,
Он звезды с неба, как награды,
Как будто яблоки дарил.
В бескрайнем мраке, в ливнях света
Вел по орбитам корабли,
На неизвестные планеты
Ступал разведчиком земли.
И дальше следовал без страха
Меж черных огненных громад.
Зал замирал, вздыхал и ахал,
Забывшись, два часа подряд.
И смолк. И тысячи ладоней
Умяли тишину в комок.
И, весь в скрипучей коже, конник
Вручил торжественно паек
Солдатский свой, скупой и щедрый,
Один достойный звездных тайн. —
Весь черный, как земные недра,
Как солнце жаркий, каравай,

Нет, не как плата и награда -
Как братья делят на земле
Все, что имеют, — боль и радость, —
Лежит сейчас он на столе.
И где-то, охватив до края
Лавиной стали, ливнем звезд,
Клинками небо озаряя,
Идет бригада в громе верст.
Идет, аллюра не жалея,
И от копыт вся степь гудит,
Весь шар земной, — и клич над нею
«Даешь вселенную!» летит.

•

Молчит земля перед дорогой,
В путь отправляя сыновей,
Скрывая радость и тревогу
От всех людей за всех людей.
И космодром, выдавший виды,
Весь тишиной продут насквозь.
«Даешь вселенную!» — как выдох,
Чуть слышно кто-то произнес, —
Похоже, что седой, с глазами
Мальчишскими, сам генерал.
— Вы что-то, кажется, сказали?
— Нет, просто вспомнил, не сказал..
Земли бессмертье, космодром,
Планета стали и бетона!
И ближний предок за бугром —
Аэродром — лужок зеленый.
Несущих линий прочерк скуп,
Пустыня камня диковата.
Он рвется ввысь, зарывшись вглубь.
Чуть приподняв свои накаты,
Кося глазами амбразур,
В гребенках модниц позабытых —

В антеннах, взявших в контражур
Просторы дымные зенита.
А посредине, как Нотр-Дам,
Как пражский храм святого Витта,
Корабль ракетный встал, упрям,
Глазурью розовой облитый.
Земли бессмертье, космодром!
Роса на тоненькой ромашке
Меж плит. И в тишине, как гром,
Пичуги песенка, бесстрашно
Присевшей там, на стапелях,
Одна в динамиках грохочет.
Сейчас их выключит Земля,
И время в счет войдет рабочий.
Его отсчитывать начнет
Пророк сутулый, бородатый.
Глухой, калужский звездочет,
Не понятый никем когда-то.

•

Не зря горит и светит гений
Сквозь одиночества года.
Он в круг грядущих поколений
Встает как равный, навсегда.
Москва слезы не утирала,
Взахлеб глазела, как с высот,
С эскортом молний в небе алом
Прошел, снижаясь, самолет.
Вся ходуном ходила площадь
С иными наравне в стране,
В одном сердцебиенье общем,
Как в день победы на войне.
Плясал и пел народ московский,
Самой вселенной одержим,
Как будто стал он Циолковским,
По меньшей крайности, самим,

Большим, огромным, увлеченным
Хозяином планет и звезд.
Он, словно перышко, в колоннах
Машину с космонавтом нес.
И с ним в колоннах рядом были
Его поднявшие в века, —
Никто не знает их фамилий:
Они в неизвестности пока.
О них серебряные трассы
Вокруг планеты в простоте
Звенят, как пламенные праздники
На недоступной высоте.

СОДЕРЖАНИЕ

И на расстоянии памяти...	5
Родина	9

МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ

«А мы такую книгу прочитали...»	13
«Руками, огрубевшими от стали...»	14
Мой лейтенант	16
«Как на родине? Осень, в скирдах рожь на полях...»	20
Осень	22
В землянке	23
«Есть на Шексне далекой просторная изба...»	24
«В танке холодно и тесно...»	26
Ирландская застольная	28
Костер	29
На ночлеге	30
«Погадай мне в этот вечер...»	31
Землянка	32
О счастье	33
«Через края сосновых станций...»	34
Песня о кочегаре	35
Это было 19 марта 1943 года	36
Карбусель	37
«Кузнечики стучат в траве...»	38
Перед наступлением	39
Отдых	40
«Ходят тучи сизые до злости...»	41
Песенка	42
Пыль	43
«Ночь бела, закат идет в рассвет...»	44
Смотровая щель	45
Кукушка	46
Стихи о переправе	47
Дружба	49
«Песня — что-то вроде костра...»	50

На марше	51
После марша	52
«Тополь встанет молодой...»	53
«Потомок наш о нас еще вспоманет...»	54
Прощанье с землянкой	55
Танки в Новгороде	56
«Поутру, по огненному знаку...»	57
«Идут солдаты, от сапог до плеч белы в пыли...»	58
«Его зарыли в шар земной...»	59
Перед порогом	60
«Пароход покричал, покричал...»	61
«Было утро, шумели травами сенокосы в лесах глухих...»	62
Поезд	63
Вино	64
«Всю вселенную проехав с боем...»	65
«Вот человек — он искалечен...»	66
«Дымок — дыхание костра...»	68
После боя	69
«Жить от атаки до атаки...»	70
Паромщик	71
Поле	72
«Где тишина и запустенье...»	73
«В пустых землянках, в спутанных траншеях...»	75
«Человека осаждают сны...»	76
«Как стога, стоят снега...»	77
Живая вода	79
Дома	80
На привале	81
«Да, не поле перейти — жизнь прожить...»	82
У сгоревшего танка	83
Ночью	84
«У огня своя архитектура...»	85
Сталинград	86
Танки в Сталинграде	87
Молодой солдат	88
В этот день	90
Памятник танкистам в Калаче	92
На поверке	94
Ночью в казарме	96
Начальник заставы	97
Тишина	99
Застава имени Коробицына	100
Экзамен	102
В кино	104

Гвардейское знамя	106
Полк обедает	107
«Приснилось мне жаркое лето...»	109
В городском саду	111
9 мая 1945 года	113
«В новой чайной Дома крестьянина...»	115
«Старый снимок нашел я случайно в столе..»	117
Звезда	119
Ракеты	121
Перед парадом	123
В День танкиста	124
«Здравствуй, юность танкистская!..»	126
На ученье	127
«Жизнь, по пословице, не поле...»	128
«Над пирогами и борщом...»	130
Шестнадцать лет тому назад	131
«Голос первой любви моей — поздний, напрас- ный...»	133
Семейный альбом	134
«Витька, Коля, Саша и Петро...»	136
«Я в сорок третьем был комсоргом роты...»	138
Хлеб коммуны	139
Памятник	142
«Над полированной рекой асфальта...»	146
«Свет звезд идет к Земле годами..»	147
Сорок лет	149
«Уходит в небо с песней полк...»	151
В госпитале	153
Курган-герой	155
«Ах, песни старые, забытые...»	156
Сосна	157
Невская Дубровка	158
Рассказ солдата	160
«Не считал я закаты, не считал я рассветы..»	162
«Это было все-таки со мной...»	163
В Бресте	165
«Я на войне писал стихи украдкой»	167
«...Не было ни маршей, ни речей...»	168
«Мы для костров рубили топором...»	169
Солдатский марш	170
На пионерском сборе	172
«Красный бархат и алый шелк...»	174
В электричке	176
«Опять на старую гляжу...»	177
«Что знаю я о мире и войне?...»	179

Баллада о парламенте	180
«В заздравной дате государства...»	183
«Костры горели на снегу...»	185
«Самые отважные солдаты...»	186
«Какое лето шло по всей стране...»	187
«Живым поверка. Павшим слава...»	188
Октябрьский патруль	189
Баллада взлета	192
«Хотел бы прямо, без обиняков...»	197
Ровесникам	198
«Всю ночь за лесом где-то шла гроза.»	200
«Мы говорим, задумываясь редко...»	202
«Что было, то было. И все же забылось.»	203
«Стоят в европейских державах неблизких.»	204
Воспоминание о тыле	205
«В ранней юности, в дальней были...»	207
«Я ее вспоминаю снова...»	208
«Конь плакал. Падала звезда...»	210
Мга	211
«Знаю я, что в мае, в сорок пятом...»	213
«Умер маршал. Нет, не умер маршал...»	214
Одна любовь (поэма)	215

БЕЛОЕ ОЗЕРО

«Кто же первый сказал мне на свете о ней?...»	233
«Светлый север, лес дремучий...»	234
Дергач	235
«Человеку холодно без песни...»	236
У себя дома	237
Акрополь	240
Вечер стихов в колхозе	242
Побывальщина	244
Вступление к сказке	246
«Болото, да лес, да озера...»	248
Тыква	249
«Всплошную голубым узором...»	250
Белозерье	251
«На городском валу заплачу...»	252
Колодезный журавль	253
Поездка в Ковжу	254
«Облако за месяц зацепилось...»	255
«У той березки, где с тобой встречались мы...»	256
«Опять пойдут хлестать метели...»	257

«Зима несет в серебряной пыли...»	258
Журавли	260
Зима	262
На пристани	263
«Опять плывет закат над реками...»	264
В метель	265
«Есть где-то моря-океаны...»	270
Плавучая культбаза	272
В Рыбинском море	274
Плотогон	276
Новый мост	278
«Утро было. Одевшись теплен по привычке...»	279
«Здесь постепенно умирает лето...»	280
Станция «Валя»	281
Бакенщик	282
«Словно башни победы — на рыжих увалах...»	284
«Время песне настало выходить на работу.»	285
Старый буксир	287
«А мне, пожалуй, ничего не надо...»	288
«Этот поезд, идущий в лето...»	289
В теплице	291
Жеребенок	292
В поле	294
На вокзале	296
Студентке	299
«Ты любовь не зови...»	301
Курортники	302
Шура Капарулина	304
Фотограф	306
Первый трактор	309
После дождя	310
Голубь	311
Песня	313
«Гудок над пристанью вечерней...»	315
Стихи о первой любви	316
«Низко пригибая травы лета...»	318
«В субботу «Голубой Дунай»...»	320
«Над тихими столицами районов.»	322
Кружка молока	323
Свежий хлеб	325
Мытье полов	327
Щи	328
У костра	330
«Под атласным одеялом...»	332
Гармоники	334

Две дали	336
Петр Великий в Вологде	338
«Две крутых соболинки над рекой (пневой...)»	340
Хлеб	341
Концерт	342
Приглашение	344
«И я ее искал, по свету ездил я...»	346
Земляк	348
Женский праздник	350
«Весна — пора любви, рождения...»	352
На Волго-Балте	354
Ключ	356
«Вечернее мычание коров...»	357
Уха	359
«В моей деревянной России...»	360
Перед праздником	363
«Что может быть проще еще и сложнее...»	364
Кружевницам	365
Пейзаж	366
«Бывает так: уже пришла весна...»	367
На севере	368
«За рекой-рекою в зареке...»	370
Белозерск	371
Дионисий	372
Старая фреска	374
Монолог воина с поля Куликова	376
На Белом озере	377
Сказы о Дионисии	379
Светлана (поэма)	386

КОЛЕСО

«Кто был изобретатель колеса?...»	425
«Рыжий дождик бегал с ветром взапуски...»	426
Второй	427
«И Русь не та, и русские не те...»	429
«А кто такой Бартоломей Диас?...»	430
История	432
Площадь Революции	433
Алешенька	434
«На Большом Гнездиновском...»	435
Мороз у Павелецкого вокзала	437
Одному знакомому	439
Письмо	441
Новогодняя сказка	442

«Час назад сказал как можно строже...»	444
«Палочки две и одна закорючина...»	445
«Я давно увидел в первый раз...»	446
«Люблю строительства леса...»	447
Сталинградский дождь	448
Конь	450
В клубе	452
Суслик	454
Марья Гавриловна	455
Лесовод	458
Баллада о цветах	459
Мальчишка	461
Весеннее	463
Первая годовщина	464
Железная дорога	466
На даче	468
Черемуха на Петроградской стороне	471
Мосты разводятся	473
Две картинки Ленинграда	475
Хлеб привезли	477
«Где-то горны еще гремят...»	480
«Я много слышу о народе...»	481
«Как трудно делалась история...»	482
«Далекое становится все ближе...»	483
Коммунисты	484
Слово о рабочем	486
Ленинские места	488
«Я верю в бога, но не с бородой...»	489
Ночь	490
На юбилее Токтогула	492
Ода дураку	494
«Начало лета...»	496
«Дни стали вдруг похожи на пластинки...»	498
«Куда уходят годы? Ну куда?..»	499
«Я стану облаком, зарей...»	500
Песня о мамонте	501
Птица Сирия	504
В Западной Европе	505
В Риме	507
В голубой мечети	509
На Босфоре	510
У берегов Испании	511
Встреча в Париже	513
«В огне холодном, плещущем до крыш...»	517
Мост через Бен Хаи	518

В Праге	520
Раковина залива Ха Лонг	521
Стихи о дальней дороге	522
Два монолога	524
«В каменной, стальной глуши...»	527
«Все, говорят, на свете образуется...»	528
Встреча с морем	530
«Ты в жизни жег хоть раз мосты...»	533
«Смеялась женщина, смеялась...»	534
«Давно всему известно свету...»	535
«У ракетной переправы...»	536
«Я снова вспомнил почему-то далекий госпиталь в войну...»	538
Сольвейг	540
Уходит женщина. Уходит. »	541
Глаза	542
В автобусе	544
Взгляд в историю	546
«Весна, а что она такое?...»	547
«Девочки веселые, бедовые...»	548
Разговор с мадонной	549
Белые ночи	551
«Не на западе — на востоке...»	553
«Меня страшат аэродромы...»	554
«Ракетами, как луг ракетами...»	555
«Вам, мальчики, вам, девочки, вам, юнцы...»	556
«Хотел бы я волшебным даром...»	557
«Я вижу Ленина портреты...»	559
«Не скрываю, что очень понравился мне...»	561
«Вот кажется, ну что я этой Кубе...»	563
Памяти Эрнесто Че Гевары	565
«Меня раздумья одолели...»	566
«Были юды юны, были рыжии...»	568
Последние известия	569
«Всю жизнь куда-то далеко спеша...»	570
Две притчи	572
«Человеку очень много надо...»	574
Встреча космонавтов	575
«О, беспокойство вечное умов!...»	577
Пилоты	578
«Мы, дети природы, забыли природу...»	581
«Поезд пригородной зоны...»	582
«И я когда-нибудь, однажды...»	583
«А с вами не бывает так?...»	584
«Небо лесом огорожено...»	585

«Говорил мне старый поэт...»	586
«Перед друзьями и врагами...»	588
Ласточка в Махачкала	589
«Сто лет прошло всего, а не века...»	590
Твоя судьба	592
Весной	593
«Что в мире слаще истин прописных?..»	594
«Кто же не знает и кто не видал...»	595
«В книгу судеб не внесена...»	596
Икар и Дедал	598
«Ах, этот протопоп опальный...»	600
Сарьян	602
«О нем уже не скажут плохо...»	604
Весь шар земной устал от той политики. »	606
«Идея. Правда. Мысль или Мечта..»	608
«Не в предвкушении удачи...»	610
«Мне грустно. Я мерз у костров без обиды..»	611
«Что есть и мудрее и проще...»	612
«Живет посредине столицы...»	613
«Романтики двадцатого столетья...»	614
«Узнал я, право где и лево...»	615
«Поезда уходят в лето...»	616
«Бушует в душном городе жара...»	618
День рождения Пушкина	620
«Весенняя трава права..»	622
В квартире Ленина	623
«Мы за все заплатили сами...»	624
Баллада о кораблях	630
Слово о Циолковском	635

**Сергей Сергеевич
ОРЛОВ**

БЕЛОЕ ОЗЕРО
Стихи и поэмы

Редактор А. Меньков
Художественный редактор Б. Мокин
Технический редактор Л. Анашкина
Корректоры Н. Попикова, Н. Саммур

Сдано в набор 29/I 1975 г. Подписано и печати
'8/IV 1975 г. А 11554 Формат 70×90¹/₈. Бумага
офс № 1 Печ л 205 Усл печ л 23,00 Уч-
изд л 20,42 Тираж 50 000 экз Заказ № 1303
Цена книги в ледерине 2 р. 28 к., в балаироне
2 р. 20 к., цена пластинки 15 коп.

Издательство «Современник»
Государственного комитета Совета Министров
РСФСР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4.

Фабрика офсетной печати управления издательств,
полиграфии и книжной торговли, Волгоградского
облисполкома. Волгоград, ул. КИМ, 6.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим Вас отзывы о книге — ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении направлять по адресу:

*121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4
Издательство «Современник»*